Н НОВАЯ ПОЛЬША 4/2017

Выпуск изображений

Поэт и прозаик Яцек Денель (р. 1980) — «вундеркинд» новой польской литературы.

За неполных три года, прошедших с момента публикации дебютантского сборника стихов «Параллельные жития» (2004),

он стал одним из самых узнаваемых представителей молодого поколения писателей и лауреатом двух видных литературных премий: Фонда Костельских и «Паспорта «Политики»».

Последняя присуждена за его первое прозаическое произведение — роман «Ляля» (2006), фрафгмент которого публиковался в «Новой Польше» (3/2007).

На страницах «НП» вы можете также прочитать фрагменты других произведений Яцека Денеля: «Мать Макрину» (12/2015), Сатурн, или мрачные картины в жизни мужчин из рода Гойи (6/2013), «Кривоклет» (4/2017). Фото: Кшиштоф Дубель

Содержание

- 1. Делай свое дело
- 2. Тысячелетие под общим небом
- 3. Стихотворения
- 4. Хроника (некоторых) текущих событий
- 5. Экономическая жизнь
- 6. Социальная чувствительность в текучей современности
- 7. Кривоклет
- 8. «Доктор Живаго» на станке парижской «Культуры»
- 9. Отчет
- 10. Встречи с Конрадом (4)
- 11. Выписки из культурной периодики
- 12. В поисках «Другой России»
- 13. Литература и тайна
- 14. Культурная хроника
- 15. Польские «ледяные воины»
- 16. Ковчег с видом

Делай свое дело

Делай свое дело

Войцех Млынарский. Фото: East News

Войцех Млынарский (1941–2017) — поэт, сатирик, певец, «поющий интеллигент». Песня «Делай свое дело» была написана им в 1986 году, в обстановке царившего в ПНР общественно-политического маразма, вызванного военным положением. «Дополнение» к тексту песни Млынарский написал в 1995 году, когда оказалось, что девиз «Делай свое дело!» используют политики из совершенно взаимоисключающих политических лагерей.

Делай свое дело

Однажды Ной хлебнул вина, толкуя с сыновьями: «Ребята, нам пришла хана – потоп не за горами!

Всю информацию о нем мне слили сверху прямо. Короче, не переживем мы этого бедлама!»

Но сын его, что звался Хам, сказал: «Отцу совет я дам:

Делай свое дело!
Я скажу тебе опять,
делай свое дело,
чтоб себя не потерять.
Спокойно, скромно, зная меру,
построим что-нибудь – ковчег, к примеру! Папа,
делай свое дело! Делай свое дело!
Может, будет толк – как знать?»

Колумбу как-то раз король в сердцах промолвил грубо: «Колумб, сходить к врачу изволь, а то ведь врежешь дуба!

Коль ты свою утратил прыть, и в бородище – проседь, курить и море бороздить тебе пора бы бросить».

Колумб покинул тронный зал и самому себе сказал:

«Делай свое дело! Я скажу себе опять, делай свое дело! Надо паруса поднять и потихоньку, без истерик, открыть одну из двух Америк – всего-то! Делай свое дело! Делай свое дело! Может, будет толк – как знать?»

Однажды Нобелю сосед сказал за кружкой пива:

«Ты занят ерундой, Альфред, и жизнь твоя тосклива!

И как бы ни был ты хорош, как ни трудись с отдачей, ты порох не изобретешь, а динамит – тем паче!»

А Нобель, покраснев, как рак, пробормотал: «Как бы не так!

Делай свое дело!
Я скажу себе опять,
делай свое дело,
чтоб себя не потерять!
С умом и фартом, не робея,
рискнем – а вдруг рванет идея?
Делай свое дело! Делай свое дело!
Может, будет толк – как знать?»

Нам власти кажут кулаки, пугая ералашем: «Вы от народа далеки, интеллигенты наши.

Одни фантазии у вас, а мыслить нужно здраво: хоть вы и креативный класс – не нарывайтесь, право!»

Поскольку раскисать нельзя – что остается нам, друзья?

Делать свое дело, чтоб себя зауважать! Делать свое дело, никогда не унывать! Чуть поднажмем – и вот, готово: культура и свобода слова. Делать свое дело! Делать свое дело! Может, будет толк – как знать?

Давайте делать свое дело! Зритель, ты в ладоши бей! Делай свое дело, за здоровье наше пей! И если чья-то паранойя грозит угробить всё живое – делай свое дело! Делай свое дело! И гляди вперед смелей!

Дополнение

Прошли года, и даже тот, кто подличал умело, теперь советы раздает — мол, делай свое дело.

Но если песни в наши дни у двух людей так схожи, не надо думать, что они поют одно и то же!

Интеллигент и демократ, бей по рукам за плагиат!

Делай свое дело, рви молчания печать! Делай свое дело, чтобы смысл словам придать! Вернем же слову его силу, чтоб не сошло оно в могилу! Приятель, делай свое дело! Делай свое дело! К черту вражью челядь, надо просто делать наше-95!

Перевод Игоря Белова

Тысячелетие под общим небом

Тысячелетие под общим небом

«Польскость — это по сути своей множественность и плюрализм, а не ограниченность и замкнутость», — писал Иоанн Павел II. Именно такую Польшу можно найти в Варшаве между улицами Анелевича, Заменгофа и Левартовского. В Люблине, где я живу много лет, обнаружится порой на стене дома какая-нибудь надпись. Древнееврейская, иногда польская. Или где-нибудь отыщутся фотографии, скрытые от глаз в течение нескольких десятков лет, а на них лица людей, которых уже не встретишь. Бывает и так, что кто-нибудь вдруг расскажет детям и внукам историю своего детства. И окажется, что он совсем не тот, кем его считают. Я живу в Доминиканском монастыре в Старом городе. Еще 75 лет назад вокруг этого места кипела еврейская жизнь. Теперь этой пустоты уже не заполнить. Но можно хотя бы воскресить — или скорее пытаться воскрешать — память. Развивать воображение. Воссоздавать историю. Вспоминать людей. Постараться уловить то, чего уже нет. Сохранить культуру предков и заплатить им долг, рассказывая о том, как они жили. Музеи — это человек неплохо придумал. Еврейских музеев в мире много. Вспомнить хотя бы пражский, знакомый мне лучше других, в который стекаются миллионные толпы. На его месте должен был возникнуть антимузей: гитлеровцы согнали в чешскую столицу тысячи иудеев Центральной Европы, чтобы показывать публике вырождение недочеловеков. Здесь, в древних пражских

наконец кнедлики и пиво. Можно и так.

синагогах, на мгновение оживает мир, которого нет. Это канон туристической Праги. Утром Градчаны с Золотой улочкой, в полдень Мала Страна, затем Клаусова и Испанская синагоги,

Я появился на свет 17 сентября, в день нападения советской России на Польшу, но собственных воспоминаний о войне у меня нет, потому что родился я двадцать пять лет спустя. Однако рассказы о людях, навеки исчезнувших с улиц родной Познани, я слышал с детства. Один раз даже, будучи еще совсем маленьким, я был в древней синагоге на улице Вронецкой,

правда, не знал об этом: там был бассейн и меня привели поплавать. В лицее, когда я уже кое-что понимал, я начал открывать мир еврейской культуры, религии, мысли. Полностью я погрузился в этот мир уже в монастыре, во время учебы. Другие не очень интересовались этой историей, но всё равно всегда находился кто-то, кто знал больше. Советовал какую-нибудь книгу и подталкивал молодое воображение дальше.

Или кто-то, кто разжигал дискуссии, из которых обе стороны извлекали что-то полезное для себя. Я вел горячие споры с моим собратом — доминиканцем Войцехом, сыном Енджея Гертыха. Иногда он оказывался бессильным, порой бывал язвительным. Но уже дозревал до той истины, которую словом и делом провозглашал Иоанн Павел II, — что священник не может быть антисемитом. И что одобрять христианский антисемитизм противоестественно.

Я знал, что путь, выбранный мной, верный.

В какой-то момент я попал под крыло профессора Яна Блоньского. Как раз тогда, когда он писал в «Тыгоднике повшехном» свое эссе «Бедные поляки смотрят на гетто». И благодаря ему я всегда, находясь в Риме, иду в одиночку на площадь Кампо ди Фиори. Останавливаюсь у памятника моему собрату, доминиканцу Джордано Бруно.

Я смотрю в небо. Пытаюсь разглядеть в нем дым от костра, который здесь горел. И думаю о дыме варшавского гетто. А еще о равнодушии римского народа и народа Варшавы. И вообще о христианском равнодушии.

Один из моих профессоров богословия говорил о необходимости конфронтации с историей антисемитизма. И что это должно сделать его поколение. Мое поколение может пойти дальше. Возрождать память об истории тех, кто жил с нами «под общим небом».

Но возможно ли это вообще? Как и Марьян Турский, я рад тому, что Музей истории польских евреев появился. И тому, что он рассказывает параллельную историю моей страны. Общую историю, в которой польский и еврейский голоса переплетаются.

Марьян Турский любит рассказывать о десятизлотовой купюре. «Знаешь, что на ней изображено, да? Мешко Первый. Правильно, а на другой стороне — монета, так называемый брактеат. С древнееврейскими буквами. Потому что с установлением королевской власти связывалась чеканка монет. А первыми королевскими чеканщиками были евреи».

Это показывает, как давно евреи стали частью польского ландшафта. Но также напоминает о том, что это тысячелетнее сосуществование вдруг прекратилось. Даже если польская еврейскость возрождается, то она уже не будет такой, как прежде. А потому эта история должна была быть рассказана заново и в совершенно другой форме.

Этот музей нужен и тем, и другим.

Польским евреям и их потомкам для того, чтобы они могли рассказать свою историю жизни на берегах Вислы — со всеми любовями и ненавистями, дружбами и предательствами, с миллионами рождений и смертей. И чтобы отдать должное этим людям. Потому что история польских евреев — это бесконечная литания: Моше Иссерлес, Баал-Шем-Тов, Натан Ганновер, Исаак Цильков, Израиль Познанский, Михал Ланды, Антоний Сломинский, Владислав Шпильман, Роман Полански, Марек Эдельман, Францишка Арнштайн, Мириам Акавья, Янина Бауман, Леопольд Унгер, Шмуэль Зигельбойм, Нимрод Ариав, Анна Лангфюс, Нехама Тек, Роман Брандштеттер... А за ними длинный перечень менее известных или вовсе неизвестных, но столь же важных Самуилов, Юзефов, Соломонов, Ривок, Эстер, Сар...

Есть еще одна литания, состоящая из названий их городов, городков, деревушек: Чортков, Мендзыжец, Бобова, Люблин, Варшава, Краков, Гура-Кальвария, Вильно, Львов, Конин, Лелюв, Ропчице, Пяски, Любартов, Аннополь, Коцк... Тоже бесконечно.

А полякам и христианам музей необходим для того, чтобы они могли понять, что «польскость — это по сути своей множественность и плюрализм, а не ограниченность и замкнутость. Кажется, что такое — идущее из эпохи Ягеллонов — понимание польскости, о котором я говорю, увы, перестало быть чем-то очевидным». Так писал Иоанн Павел II в книге «Память и идентичность», которую многие прочитали так невнимательно.

Должно пройти много лет, и даже смениться много поколений, чтобы общественное сознание изменилось. Но чем больше книг, чем больше дискуссий, тем больше надежда на разрушение стереотипов. Создание музея — это, безусловно, шаг в верном направлении, поскольку он учит эмпатии и толерантности к иному, чужеродному. С этой точки зрения,

музей — хорошая инвестиция, которая принесет плоды. Для меня важно, чтобы его посетители осознали, что евреи жили на этой земле на протяжении тысячелетия. Чтобы они подумали: эти люди были среди нас, и теперь их уже нет. Если музей заполнит хоть часть пустоты, то я буду рад. Это снова Марьян Турский. А я, христианин, поляк, доминиканец, могу только поблагодарить всех, кто, как и он, оставил между улицами Анелевича, Заменгофа и Левартовского частицу своего сердца. А также за то, что они дали возможность старшему поколению, помнящему тот мир, дожить до открытия музея. Их музея, который становится нашим.

Три дня назад, когда состоялось открытие, я был в Муранове^[1]. Не мог не быть. Я надолго запомню, как толпа поляков и евреев стояла в онемении, когда Марьян Турский восклицал и восклицал: «Мир зайнен до!^[2] Анахну по!^[3]Мы здесь!».

А потом этот 88-летний старик, спасшийся из лагеря уничтожения, взял за руку тринадцатилетнюю Йоасю Зелиньскую, ученицу варшавской гимназии Лаудер-Мораша. И вместе они распахнули двери Музея. Они ходили по залам — старый человек, заставший тот мир, и юная представительница тех, кто возрождает еврейскую жизнь на Висле, — а за ними президенты двух государств, польского и еврейского. Я до сих пор слышу слова президента Израиля: «Слово Польша вызывает трепет и тоску».

«И люди кругом — их убийство других не тревожит / лишь оттого, что другие на них не похожи...». Пусть то, о чем писал Мечислав Яструн в «Стихах по случаю», уже никогда не повторится здесь, на Висле, где мы снова живем под общим небом.

Простите патетику. Но бывают мгновения, когда по-другому нельзя.

- 1. Исторический район Варшавы, на территории которого во время Второй мировой войны располагалось еврейское гетто и где ныне находится Музей истории польских евреев.
- 2. Мы здесь! (идиш)

3. Мы здесь! (иврит)

Стихотворения

Стихотворения

Хенрик Мандельбаум (1922-2008)^[1] по утрам я рано вставал и сразу в лес за хворостом через поля мне нравилось потому что начинали петь жаворонки а иду назад и стоит подуть ветерку как из этих колосьев получался такой ковер ведь там были маки куколь и васильки и получался такой ковер и мне очень нравилось

могильников

трупы бросали в колодцы зарывали в ямах землянках и лошадиных могильниках^[2] а потом дети вытаскивали их из колодцев из ям из землянок из лошадиных могильников

защитник Роберт Серватиус (1894-1983)^[3]

те кто убивал еще живы и их не отличить от других конечно если присмотреться поближе то что-нибудь найдется но ведь у каждого что-нибудь да найдется

Перла Овиц (1921-2001)[4]

будь мы высокими вся наша семья сгорела бы в тот же день спасло нас то что мы лилипуты Менгеле нас сохранил отвращения к нему у меня нет нельзя мне его ненавидеть он заслужил осуждение но меня он спас

Гжегож Квятковский (1984), поэт, музыкант, драматург. Лауреат многих польских и иностранных премий.

- 1. В стихотворении использован рассказ Хенрика Мандельбаума[Хенрик Мандельбаум узник лагеря Освенцим, которому удалось выжить и бежать во время эвакуации лагеря Примеч. пер.], вошедший в фильм «Anus Mundi» режиссера Войцеха Круликовского (2007) Примеч. автора.
- 2. В стихотворении использованы воспоминания из книги Стефана Згличинского «Как поляки помогали немцам евреев убивать» (Варшава 2013) Примеч. пер.
- 3. Роберт Серватиус немецкий юрист, выступавший защитником на судебных процессах над нацистскими преступниками, включая Адольфа Эйхмана Примеч. пер.
- 4. Овиц семья еврейских музыкантов-лилипутов из Румынии, выживших в лагере Освенцим, где над ними проводил эксперименты доктор Менгеле Примеч. пер.

Хроника (некоторых) текущих событий

Хроника (некоторых) текущих событий

- «Гожув-Велкопольский: в течение ближайших десяти с лишним месяцев здесь будет вырублено 1200 деревьев. (...) Познань: в районе Ратайе городские власти санкционировали массовую вырубку деревьев. (...) Краков: исчезли клены и ясени в историческом парке Млынувка-Крулевская. (...) С начала года вырублено как минимум несколько сотен деревьев. (...) Сопот: городские власти в январе объявили, что изменившееся законодательство на территории этого города не действует, поскольку... Сопот внесен в реестр памятников истории целиком. (...) Западно-Поморское воеводство: на сайте продукции и услуг "Офертео" 22 февраля находилось 1237 объявлений типа "требуются услуги по вырубке деревьев, Западно-Поморское воеводство" (1141 заказ), "требуются услуги по вырубке деревьев, Щецин"». (Томаш Халадый, Матеуш Кокошкевич, Иоланта Ковалевская, Петр Козловский, Элиза Квятковская, Анна Левандовская, Яцек Мадея, Паулина Новицкая, Мачей Сандецкий, Камиль Сялковский, «Газета выборча», 25-26 фев.)
- «Вот уже несколько недель в стране происходит массовая вырубка деревьев. (...) 1 января вступила в силу новая редакция закона об охране природы. (...) За этот законопроект проголосовали 236 депутатов фракций ПИС и Кукиз'15. (...) Несмотря на многочисленные протесты, президент Анджей Дуда подписал закон. (...) По новым правилам согласовывать вырубку деревьев на территории частных владений не нужно. Войцех Морысь возглавляет фирму "Баланс", занимающуюся вырубкой деревьев. "Люди просто с ума посходили, рассказывает он. — Такое впечатление, что всем хочется поскорее вырубить всё, что только можно. Мы уже просто не справляемся, потому что нам постоянно звонят новые и новые клиенты. Ежедневно мы принимаем около полусотни звонков от очередных заказчиков. (...) Самый кошмарный заказ был в конце февраля — кому-то нужно было вырубить аллею из 50 дубов в одной из гмин в окрестностях Кракова. Мы отказались. Не хочу помогать кому-то, кто собрался отправить в печку столетние дубы". (...) Чем всё это кончится? Войцех Морысь: "Даже если правила изменятся, вырубленные деревья не

вернешь. Если этот закон будет действовать еще год или два, я останусь без работы. Люди всё вырубят. Одни — просто на всякий случай, другие — потому, что раньше не могли получить разрешения"». (Доминика Вантух, Александр Гургуль, «Газета выборча», 25-26 фев.)

- «"По сравнению с началом 2016 года мы зафиксировали более чем десятипроцентное увеличение оборота бензопил, шин и пильных цепей", говорит Мариуш Вальтер из фирмы "Штиль", работающий с 860 представительствами этой компании в нашей стране. (...) Мы посетили один из лицензированных магазинов "Штиль" в Кракове. "Ежедненво мы продаем 30–40 пильных цепей. Еще столько же люди приносят, чтобы наточить. За неделю мне удается продать около 500 литров масла для бензопил", рассказывает Аркадиуш, заведующий магазином. По его мнению, продажа запчастей для бензопил выросла почти вдвое». (Александр Гургуль, «Газета выборча», 2 марта)
- «"Без всяких последствий и контроля можно вырубать (…) даже старые и что самое главное здоровые деревья. (…) Думаю, что цена на древесину упадет, поскольку предложение уже начинает расти", говорит Кшиштоф Клыс из фирмы (…), занимающейся вырубкой и покупкой древесины. (…) Когда закон вступал в силу, министр окружающей среды Шишко утверждал, что "изменения в законодательстве предоставят людям выбор"». (Бартош Носаль, «Газета выборча», 21 фев.) «Новый закон также позволяет без ограничений и разрешений вырубать деревья на территориях земель,
- используемых в сельском хозяйстве. (...) Жертвами новых правил уже стали десятки тысяч деревьев. Один арендатор земельных участков в окрестностях Ставно в Любуском воеводстве вырубил свыше 4 тыс. берез, сосен и 50-70-летних дубов, причем случилось это на территории, охраняемой в рамках программы ЕС "Натура-2000". Сложно даже оценить масштаб февральской вырубки, поскольку количество вырубаемых деревьев не регистрировалось. (...) В ходе опроса, который проводило агентство "OmniWatch", респондентов спрашивали: "Должно ли у собственника земельного участка быть право срубить любое дерево, которое там растет?". 51,3% поляков ответили утвердительно, почти 37% отрицательно, прочие не определились с ответом». (Милош Венгельский, «Ньюсуик Польска», 27 фев. 5 марта)
- «Комментируя нынешние изменения в законе об охране природы, доктор наук Яцек Боровский, председатель Польского дендрологического общества, написал, что нас хотят вернуть во времена бесконтрольной вырубки аллейных и придорожных деревьев, то есть в 2004 год, когда в силу вступила подобная нынешней новая редакция природоохранного закона. Тогда в

одном лишь Варминско-Мазурском воеводстве было вырублено 30 тысяч придорожных деревьев. (...) Теперь же из закона об охране природы была исключена статья (...), предусматривающая, что разрешение на вырубку выдается по согласованию с региональным директором охраны окружающей среды. (...) В региональных дирекциях охраны окружающей среды началась реструктуризация. Ненужными оказались специалисты, которые, опираясь на свои знания об окружающей среде и ее охране, оценивали возможность вырубки конкретных деревьев. Староста, бурмистр, мэр города сейчас могут выдавать разрешения на вырубку деревьев не только без согласования, но даже без какой-либо консультации с природоохранными органами. (...) Грядет массовая вырубка придорожных деревьев». (Данута Фрей, «Жечпосполита», 22 фев.)

- «На наших глазах происходит истребление сотен деревьев. (...) В огромном масштабе. Такой вырубки в истории независимой Польши еще не было». (Адам Вайрак, «Газета выборча», 21 фев.) «2016 год войдет в историю как время демонтажа системы охраны окружающей среды в Польше. Системы, которая во всей Европе считалась образцовой (...) и на которую равнялись другие страны, в том числе высокоразвитые. Тогда Польше удалось то, что не получилось у других стран совместить защиту уникальных природных богатств с динамичным социально-экономическим развитием». (Сильвия Щутковская, «Дзике жиче», фев. 2017)
- «Власти удивлены как масштабом вырубки деревьев, так и размахом общественного сопротивления. (...) Ярослав Качинский (...) заявил, что за всем этим должно стоять некое таинственное лобби, и это достаточная причина, по которой нужно снова менять закон». (Марта Сапала, «Политика», 1-7 марта)

«Господин председатель приказал посадить обратно!.» Рисунок Хенрика Савки («Ньюсуик Польска», 6-12 марта)

- «Позавчера вечером председатель ПИС заявил, что необходимо внести изменения в закон об охране природы, а уже вчера депутаты и министерство окружающей среды приступили к работе над новой редакцией (ранее измененного В.К.) текста этого закона». («Дзенник газета правна», 23 фев.) «Премьер-министр Шидло исключила возможность отставки министра окружающей среды Яна Шишко. (...) Шишко пользуется поддержкой и доверием о. Тадеуша Рыдзыка, с чем приходится считаться председателю ПИС». (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 22 фев.)
- «Пусть поляки узнают, кто заблокировал борьбу со смогом,

кто вырубает Беловежскую пущу, выдает разрешения на отстрел зубров и уничтожает Польшу на корню. Всё это делает неприкасаемый министр — а по большому счету министрант — о. Рыдзыка. То, что министр Шишко не отправлен в отставку, прекрасно иллюстрирует всю наглость правящей партии», — Станислав Гавловский, бывший вице-министр окружающей среды. («Жечпосполита», 23 фев.)

- «Несмотря на период гнездования птиц, в Беловежской пуще вырубаются 90-летние дубы бьют тревогу экологи. (...) Вырубка носит сугубо коммерческий характер, и происходит даже на участках, отнесенных к наследию ЮНЕСКО. Хайнувский надлесничий Гжегож Белецкий признается, что в этом году планирует вырубить около 19 тыс. кубометров древесины. (...) "Мы в первую очередь должны выполнять план управления лесами, закрепленный лесным уставом, а не циркуляры относительно охраняемых ЮНЕСКО территорий", говорит он». («Газета выборча», 4-5 марта)
- «Директор Государственных лесов утвердил документ, в соответствии с которым в лесах появятся "склады биомассы", то есть древесины, которой можно топить электростанции. По мнению экологов, одним из лесов, который будет поставлять биомассу, станет... Беловежская пуща». (Войцех Цесля, «Политика», 6-12 марта)
- «После того, как против коммерческой охоты на зубров были собраны десятки тысяч подписей, Государственные леса приостановили отстрел зубров в этом сезоне. (...) В 2014 году (...) в Польше было выдано разрешение на отстрел 70 зубров. (...) Доходы, полученные государством в том же году за отстрел зубров, составили чуть менее 500 тыс. злотых. (...) Эти деньги поступили на счет Государственных лесов одной из богатейших структур в Польше. (...) Согласно польским законам, а также законодательству ЕС, охота на зубров, как на представителей вида, находящегося под особой охраной, запрещена». (Иоанна Подгурская, «Политика», 1-7 марта) «Когда-то охотники в Польше убивали 1,2 млн зайцев ежегодно. Сегодня этот вид практически исчез. Еще осталось
- ежегодно. Сегодня этот вид практически исчез. Еще осталось немного зайцев в южных районах страны, однако охотники безжалостны, и от их ружей гибнет около 15 тыс. зайцев ежегодно. (...) Охотой занимается 0,3% (то есть 120 тыс.) поляков. Много охотников среди политиков каждый пятыйшестой депутат и сенатор увлекается охотой. (...) Нынешний министр окружающей среды не исключение; немало охотников служит и в его ведомстве». (Зенон Кручинский, «Газета выборча», 24 фев.)
- «Польша находится на втором месте в Европе по количеству животных, разводимых ради меха. Каждый год у нас отправляют на убой 7,9 млн таких животных. (...) Некоторые

- политики, как в рядах "Гражданской платформы", так и ПИС, имеют отношение к меховой отрасли. (...) При этом результаты опроса, проведенного институтом "GfK", показывают, что 67% поляков выступает за введение полного запрета на разведение животных ради меха». (Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 28 фев.)
- «Фонд "Тара" организовал сбор средств на выкуп всех 700 лошадей, находящихся на ежегодной конской ярмарке в Скарышеве. К воскресенью на счете "Тары" было уже 320 тыс. злотых, что позволит выкупить почти 200 лошадей. (...) Фонду помогают люди со всей Польши. (...) Целью фонда "Тара" является изменение законодательства. "Мы хотим изменить сам статус лошади. Она не должна быть сельскохозяйственным животным, которого в любой момент можно отправить на убой. Лошадь должна быть другом человека. (...) Она заслужила такого же статуса, как у собак и кошек", объясняет основательница организации Скарлетт Шилогалис». (Аманда Гжмель, «Газета выборча», 6 марта)
- «Главное управление статистики сообщило, что рост промышленной продукции по сравнению с прошлым годом составил 9%. (...) Рост наблюдается и в розничной торговле. Потребление в январе выросло на 11,4%. (...) Уровень безработицы в январе составил только 8,7%, а фирмы наконецто начали принимать на работу новых сотрудников (рост трудоустройства составил 4,3%)». («Газета выборча», 18-19 фев.)
- «ВВП в 2016 г. вырос на 2,8%. (...) Оптимистические прогнозы правительства, предсказывавшего рост на 3,8%, не подтвердились, но и не реализовался сценарий более глубокого и продолжительного торможения, который казался вполне вероятным после третьего квартала прошлого года». (Гжегож Семёнчук, «Жечпосполита», 1 фев.)
- «По данным ВАЕL (Исследование экономической активности населения), реализация программы 500+ не отбило у поляков (а особенно полек) охоты заниматься профессиональной деятельностью. В третьем квартале 2016 г. (по сравнению с 2015 г.) коэффициент экономической активности женщин почти не снизился уменьшение составило всего 0,2%. (...) Это не означает, что программа 500+ никак не повлияет на состояние рынка труда. Разумеется, повлияет. Однако скорее на тех, кто только начинает трудовую деятельность либо возвращается к ней после перерыва, связанного с рождением ребенка». (Рафал Вось, «Политика», 1-7 фев.)
- «Как прогнозирует Европейская комиссия, темп роста польской экономики в этом году составит 3,2%. (...) Тревогу вызывают прогнозы относительно ситуации с бюджетом. Дефицит сектора государственных финансов вырастет в этом

- году до 2,9% ВВП, а в 2018 г. до 3%, что является максимально допустимым лимитом в ЕС. Следовательно, Польша, вместо того, чтобы использовать период благоприятной конъюнктуры для консолидации государственных финансов, движется в прямо противоположном направлении: увеличивает бюджетную дыру». (Из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 14 фев.)
- «В новом рейтинге экономической свободы Польша заняла 45 место среди 180 представленных стран. По сравнению с прошлым годом мы опустились вниз на одно место». (Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 16 фев.)
- «В конце 2016 г. долг Государственного казначейства составил 928,7 млрд злотых, сообщило во вторник министерство финансов. По сравнению с концом 2015 г. он увеличился на 94,3 млрд злотых. (...) По оценкам «Жечипосполитой» к концу 2016 г. долг составил ок. 52% ВВП по отношению к 48,8% ВВП в конце 2015 года (а по методикам расчета, принятым в ЕС 53,6% по отношению к 51,1% годом ранее). "Это означает, что государственный долг растет быстрее, чем предполагало правительство в своих финансовых планах. Говоря иначе начинает выходить из-под контроля", говорит Януш Янковяк, главный экономист Польского бизнес-совета». («Жечпосполита», 1 марта)
- «Европейская комиссия вчера представила ежегодный анализ и рекомендации для экономик стран ЕС в рамках так наз. "европейского семестра". Глава, посвященная Польше, рисует не слишком оптимистическую картину. Хотя в ближайшее время кризисы нам напрямую не угрожают, нынешняя экономическая политика не способствует развитию страны к лучшему и в отдаленной перспективе мы можем ощутить последствия этого. (...) Снижается процент трудоспособного населения, всё сложнее становится добиться роста производительности, (...) реформы (программа 500+, снижение пенсионного возраста) подталкивают людей к уходу с рынка труда, (...) отсутствует потенциал для увеличения предложений со стороны работников, (...) нет системы, благодаря которой человек мог бы обучаться всю свою жизнь. У предпринимателей нет уверенности в будущей экономической политики. (...) Правовая неопределенность создает угрозу правопорядку. (...) Дефицит сектора государственных финансов должен снова начать расти, (...) и это в тот момент, когда у Польши один из самых низких показателей экономического роста в ЕС». (Из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 23 фев.)
- «Инфляция в январе достигла 1,8% в годовом выражении. Так быстро цены в Польше не росли уже четыре года». («Жечпосполита», 14 фев.)

- «По данным Государственного управления статистики, в январе продукты питания подорожали на 3,3% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года». (Анна Попёлек, Эдита Брыла, «Газета выборча», 6 марта)
- «Для тех, кто экономит на вкладах, настали тяжелые времена. Возобновление инфляции привело к тому, что снижающейся в последние месяцы процентной ставки новых депозитов стало не хватать для принесения хоть какой-либо прибыли. (...) В январе этого года процентная ставка вклада составляла около 1,65% при инфляции порядка 1,8%. После налогообложения инвестиция приносит 0,5% убытков. (...) Банки не собираются повышать процентные ставки». (Мачей Рудке, «Жечпосполита», 28 фев.)
- «В 2016 году из государственных реестров исчезло более 500 книжных магазинов, а их количество сократилось до 4,4 тысяч (в 2009 году их было 7060). Из них, по оценкам агентства "Bisnode Polska", активно действуют на рынке около 2,7 тысяч. Остальные это так наз. "спящие" фирмы с приостановленной деятельностью». Продажа книг в Польше снизилась с 2,94 млн в 2010 г. до 2,32 млрд злотых в 2015 году. («Жечпосполита», 24 фев.)
- «Исследования, проведенные Национальной библиотекой, показали, что (...) в прошлом году (...) 63% поляков не прочитали ни одной книги». (Магдалена Леманьская, «Жечпосполита», 24 фев.)
- Под¬держ¬ка пар¬тий: «Право и справедливость» 35%, «Граж¬дан¬ская платфор¬ма» 17%, «Современная» 10%, Кукиз'15 10%, крестьянская партия ПСЛ 6%, Союз демократических левых сил 6%, «Вместе» 3%, «Свобода» 1%, Конгресс новых правых 1%, не определились с симпатиями 11%. Опрос Института рыночных и социологических исследований, 16–17 янв. («Жечпосполита», 23 фев.)
- Рейтинг доверия политикам, составленный ЦИОМом на основе опроса, проведенного 2–9 февраля: президент Анджей Дуда доверяют 60%, не доверяют 28%, премьер-министр Беата Шидло 52% и 33% соответственно, Павел Кукиз 51% и 27%, министр юстиции и генеральный прокурор Збигнев Зёбро 41% и 40%, председатель ПИС Ярослав Качинский 35% и 52%, председатель крестьянской партии ПСЛ Владислав Косиняк-Камыш 33% и 34%, министр обороны Антоний Мацеревич 27% и 55%, председатель «Гражданской платформы» Гжегож Схетына 27% и 40%, председатель «Современной» Рышард Петру 26% и 39% (по материалам «Газеты выборчей», 21 фев.)
- «Наша власть паталогически далека от народа. В ходе избирательной кампании Анджей Дуда обещал увеличить роль

референдумов и ничего для этого не сделал. Беата Шидло говорила, что будет прислушиваться к мнению граждан, но в действительности ключевые законопроекты принимаются без консультаций с общественностью», — Петр Апель, депутат от партии Кукиз'15. («Жечпосполита», 18-19 фев.)

- «В Освенциме, обгоняя поворачивающий частный автомобиль, лимузин премьер-министра Беаты Шидло, чтобы избежать столкновения, въехал в дерево. (...) По данным "Жечипосполитой", водитель, управлявший лимузином г-жи премьер-министра, не имел опыта управления подобными транспортными средствами и значительно превысил допустимую скорость». (Михал Оконский, «Тыгодник повшехны», 19 фев.)
- «Авария с участием правительственной "ауди" и видавшего виды "фиата сейченто" быстро превратилось в метафору столкновения высокомерной власти с обычным гражданином. (...) Курирующий деятельность Бюро охраны правительства министр Блащак (...) сразу свалил всю вину на молодого водителя "фиата", а полагающийся водителю по закону адвокат относится к нему, как подозреваемому. Видимо потому, что неравнодушные граждане уже собрали на новый "фиат" более 125 тыс. злотых». (Дариуш Цвикляк, «Ньюсуик Польска», 20–26 фев.)
- «Мы бы хотели обеспечить доступ к профессиональной юридической помощи человеку, ставшему участником этого ДТП водителю, чей автомобиль неожиданно столкнулся с государством "Права и справедливости". (...) Всего за несколько часов, на удивление оперативно, несмотря на ряд неувязок, молодого человека сделали подозреваемым. (...) ПИС использует двойные стандарты. Равенство в государстве, которым руководит ПИС, существует только на бумаге. (...) Вбрасывая очевидную ложь в медиа-пространство, ПИС повторяет ее до тех пор, пока все не забудут, в чем же заключалась правда. (...) Признать человека виновным может только суд. Я против того, чтобы приговоры выносились политиками правящей партии», Борис Будка, бывший министр юстиции. («Жечпосполита», 20 фев.)
- «В Катовице встретились около тысячи представителей всех юридических профессий. На конференции «Судья и конституция» речь шла о действиях органов правосудия после того, как ПИС парализовала работу Конституционного трибунала. Долгими овациями собравшиеся встретили первого председателя Верховного суда Малгожату Герсдорф. В среду 50 депутатов от ПИС обратились в Конституционный трибунал с заявлением о проверке конституционности норм, на основании которых она была избрана председателем суда. Депутаты от правящей партии хотят, чтобы трибунал признал

недействительными решения, принимаемые Верховным судом под председательством Герсдорф. Малгожата Герсдорф руководит Верховным судом с 2014 года. В последнее время она выступала в защиту независимости Конституционного трибунала и критиковала судебную реформу, автором которой является Збигнев Зёбро. (...) "Без рассмотрения заявления ПИС нельзя перейти к другим вопросам повестки дня, — комментирует адвокат Яцек Треля, председатель Верховного адвокатского совета. — Речь идет о дестабилизации работы Верховного суда, попытке подорвать его независимость, а также независимость всей системы судов общей юрисдикции». (Марек Петрашевский, Лукаш Возницкий, «Газета выборча», 4-5 марта)

- «Все видят, что происходит идет постепенный демонтаж правового государства. Парламентское большинство либо действует вне правового поля, либо просто нарушает закон. Всячески (...) обходит правовые нормы. Интепретирует закон так, как это никогда бы не пришло в голову самому опытному юристу. (...) Практикуется всё более широкое толкование конституционных норм. (...) Больше я ничего не скажу. (...) Ведь я действующий председатель и судья», Малгожата Герсдорф, первый председатель Верховного суда. («Газета выборча», 4-5 марта)
- «Польский парламентаризм достиг дна, хотя не исключено, что настоящее дно еще впереди. Депутаты голосуют, понятия не имея о содержании законопроектов, считая, что партийная воля должная принять форму закона. На поле боя остались только мы, судьи. (...) Судьи наделены властью для того, чтобы защищать гражданина от злоупотреблений законом, даже если злоупотребления совершаются государством», Ирена Каминская, судья Высшего административного суда, председатель ассоциации судей «Фемида». («Жечпосполита», 21 фев.)
- «Самые авторитетные юристы Польши подсказывали судьям, как в соответстви с законом использовать при отправлении правосудия конституцию для защиты прав и свобод человека и гражданина. "Вы не просто рупор закона. Вы власть, которая должна выносить справедливые решения", взывал к судьям профессор Варшавского университета Мартин Матчак в ходе конференции "Судья и конституция. Кризис конституционного судопроизводства и ослабление контроля над соответствием законов конституции", организованной Силезским университетом. Участники конференции пришли к общему мнению, что в чрезвычайной ситуации, когда Конституционный трибунал не выполняет своей основной функции, суды обязаны применять те нормы конституции, которые действуют "напрямую", и что

суды должны выносить решения, опираясь на конституцию и действующие законы. А правовому хаосу, которым грозит произвольное применение конституции, должна противодействовать унификация отправления правосудия, осуществляемая Верховным и Высшим административным судами. (...) Если ПИС сумеет подчинить себе судей, присвоив судебную власть, Польша будет отличаться от ПНР только изобилием в магазинах, отсутствием обязательного изучения русского языка в школах и реальным влиянием католической Церкви». (Эва Седлецкая, «Политика», 8-14 марта) • «Переломным моментом, который во многом символизирует (...) явления последних месяцев, стало постановление (...) прокурора о прекращении дела, связанного с отказом публиковать решение Конституционного трибунала. (...) Впервые в истории правового государства его орган (...) усомнился в базовой идее режима законности — обязанности подчиняться решению суда. (...) Такое решение прокуратуры войдет в учебники истории права в качестве классического примера глубочайшего кризиса правового государства, в котором должны действовать конституция, а также (...) институты, защищающие граждан от превышений властями своих полномочий», — проф. Марек Сафьян, судья Европейского суда, бывший председатель Конституционного трибунала. («Газета выборча», 22 фев.)

- «Вчера появилась неофициальная информация о запланированных ПИС изменениях в процедуре муниципальных выборов: для выборов председателей сельских гмин, бурмистров и мэров предусмотрен только один тур; сроки полномочий мэров, бурмистров и председателей сельских гмин ограничиваются двумя каденциями; одномандатные избирательные округа в повятах с населением свыше 20 тыс. жителей; возможность выдвигать свою кандидатуру только в один орган (к примеру, теперь нельзя будет побороться одновременно за мандаты председателя сельской гмины и депутата повята); в выборах выше уровня повята не смогут участвовать гражданские комитеты такое право получат только политические партии». (Агнешка Кублик, Ивона Шпала, «Газета выборча», 2 марта)
- «Появилась реальная угроза самим основам местного самоуправления. После войны процесс его ликвидации продолжался шесть лет с 1944 по 1950 год. Ныне же аналогичная цель будет достигнута в кратчайшие сроки, возможно, уже через два года», Ежи Стемпень, бывший председатель Конституционного трибунала. («Жечпосполита», 16 фев.)
- «Комиссия национальной обороны в связи с обращением депутатов "Гражданской платформы" планирует

поинтересоваться у министра обороны о причинах и масштабе увольнений с высших командных должностей в вооруженных силах. (...) Это серьезнейшая проблема. (...) В 2016 году ряды вооруженных сил покинули 4844 профессиональных военных (для сравнения, в 2015 году — 4528). Это говорит о том, что масштаб увольнений в армии был значительным», — Марек Козубаль. («Жечпосполита», 16 фев.)

- «Я заменил почти весь командный состав оперативных подразделений. Новые люди заняли 90% командных должностей в Генеральном штабе и свыше 80% в Главном командовании», Антоний Мацеревич, министр обороны. («До жечи», 6-12 марта)
- «Армия это структура с институциональной памятью. А Польша сегодня теряет офицеров, обучавшихся в западных образовательных учреждениях и обладающих серьезным боевым, командным и административным опытом. (...) Воспитание новых кадров подобного уровня займет многие годы и будет стоить больших денег», Вальдемар Скшипчак, генерал-лейтенант в отставке. («Газета выборча», 8 фев.)
- «Мне всякий раз смешно, когда я слышу, что мы эволюционируем в направлении фашизма итальянского типа. Смешно, потому что мы уже миновали условный 1922 год, когда партия Муссолини составляла меньшинство в парламенте. В Польше царит авторитаризм, пока еще не совсем полноценный, с некоторым количеством форточек и лазеек. В самом деле, ведь власть, если захочет, может добиться от Сейма принятия какого угодно закона! С учетом массовой поддержки ПИС, мы начинаем двигаться в сторону тоталитарной системы. (...) Когда власть пользуется поддержкой широких масс, она
- (...) Когда власть пользуется поддержкой широких масс, она перестает церемониться, и начинается террор. Так было уже во многих странах. (...) Самое печальное, что в Польше сейчас начинает происходить то же самое, что и в фашистской Италии явление, которое немцы называют "anpassungsfähigkeit", то есть "способность к приспособлению". (...) Либо мы приспособимся, и тогда нам крышка, либо будем сопротивляться. Другого выхода нет», проф. Ежи В. Борейша. («Ньюсуик Польска», 27 фев. 5 марта)
- «Коммунистический режим в Польше (....) имитировал некую систему. У нас были Сейм и Совет министров, но при этом все знали, что страной правит один человек (...) Первый секретарь Польской объединенной рабочей партии, сидевший в здании ЦК ПОРП (...). Это было видно невооруженным взглядом. (...) К сожалению, ситуация развивается в том же самом направлении. Мы идем туда, куда не хотели бы попасть ни за что на свете. Тем более, что всё это известно нам не только по коммунистическим временам. Эти приемы, как показывает реальная история, описанная в "Мессе за город Аррас" Анджеем

Щипёрским, используются уже сотни лет. И если заглянуть в учебники истории, можно увидеть, что заканчивается всё это очень болезненно и кроваво», — Януш Гайос, актер, играющий в моноспектакле «Месса за город Аррас», поставленном в 1994 году и после перерыва возобновленном в 2014 году. («Политика», 6-12 марта)

- «На наших глазах происходит резкое падение рейтинга президента. (...) Это уже больше не орган власти. Роль Сейма свелась к автоматическому штампованию законов. По большому счету, главные функции парламента, которые он должен выполнять в демократической стране, у нас оказались заблокированы, и в результате законодательная власть осуществляется по образцу ПНР. Как и в те времена, партия отождествляется с источником власти, которым тогда был "рабочий класс". (...) Если же кто-то начинает апеллировать к международным организациям и или к мнению мирового сообщества, его, как и тогда, называют предателем, лишенным чувства патриотизма. (...) Ярославу Качинскому всё это прекрасно знакомо. В 80-е годы он был членом Хельсинкского комитета, анализировавшего нарушения законности в ПНР и направлявшего соответствующие отчеты за границу. Тогдашние власти обвиняли его в том же самом, в чем он сегодня обвиняет оппозицию», — проф. Анджей Фришке. («Польска», 22-28 фев.)
- «Идеал Качинского традиционалистское, централизованное государство, особая роль в котором принадлежит бюрократии и аппарату насилия. Этот идеал основан на убеждении, что таким образом можно контролировать главные экономические и общественные процессы. Это анахроническая модель государства. (...) Прогресс, по версии ПИС, заключается в том, что правящая партия поняла механизм общего блага, который и выражает проект ПИС, поэтому он должен быть немедленно реализован. Противники "перемен к лучшему", как минимум, одурманены оппозиционной пропагандой, в худшем случае преследуют антипольские интересы. Правящая же партия, будучи авангардом общества, знает, что делает», проф. Яцек Рачиборский. («Политика», 22-28 фев.)
- «Открытое письмо в адрес Европейской комиссии относительно ситуации в Польше подготовили пять международных организаций, занимающиеся правами человека, демократизацией и свободой прессы: "Amnesty International", "Human Right Watch", фонд "Открытое общество", "Репортеры без границ" и Международная федерация прав человека, объединяющая 184 организации со всего мира. Обращение также поддержали более двадцати организаций из Польши. "Диалог с польским правительством

не смог остановить процесс дальнейшей дестабилизации режима законности, — пишут авторы обращения в коллегию комиссаров Европейской комиссии. — Мы считаем, что на данном этапе применение ст. 7 Устава ЕС является единственным способом призвать Польшу к ответу за невыполнение своих обязанностей. Это необходимо, чтобы предотвратить дальнейшее ухудшение ситуации"». (Лукаш Возницкий, «Газета выборча», 18-19 фев.)

- «Прошло больше года после запуска Европейской комиссией процедуры защиты законности в Польше. (...) У Европейской комиссии не было другого выхода, кроме как перейти в июле 2016 года от этапа вопросов и сомнений к этапу рекомендаций. Эта стадия также ничего не принесла, поэтому в декабре прошлого года комиссия выслала польскому руководству письмо, дающее последний шанс. Правительство Польши должно было ответить до 21 февраля. (...) Если бы комиссия хотела быть последовательной, ей бы пришлось перейти к следующему этапу процедуры (...) и обратиться в Совет Европы (к руководителям стран ЕС) с предложением наказать Польшу — либо приостановив наше право голоса в ЕС, либо заморозив поступление денежных вливаний из Евросоюза. (...) Несколько месяцев назад Ангела Меркель после своей встречи с руководством Вишеградской группы сказала председателю Европейской комиссии Жану-Клоду Юнкеру, что чувствовала себя на той встрече, будто "на саммите африканских стран". Эти слова означают, что какие бы процедуры ни вводил Брюссель, ни к чему это не приведет, поскольку руководители стран Вишеградской четверки представляют совсем другие ценности, нежели старая Европа. А ведь с ними нужно как-то сотрудничать». (Из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 20 фев.)
- «Польша отреагировала на рекомендации Европейской комиссии относительно ситуации вокруг Конституционного трибунала. (...) Министр иностранных дел написал, что режиму законности в Польше ничто не угрожает, а претензии Европейской комиссии, основой для которых послужила аналитика Венецианской комиссии, беспочвенны. Витольд Ващиковский заодно подверг критике комиссара ЕС Франса Тиммерманса, ответственного за процедуры, начатые против Польши». (Из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 22 фев.)
- «Марек Правда, директор представительства Европейской комиссии в Варшаве, вчера был вызван в МИД, где ему пришлось объяснять позицию комиссии относительно соблюдения законности в Польше». (Бартош Т. Виленский, «Газета выборча», 24 фев.)
- «В сентябре исполнится два года с момента принятия

Евросоюзом решения об обязательных квотах по приему беженцев. (...) Польша должна была принять 6182 человека, однако не приняла ни одного. И не собирается этого делать. (...) Пока что Брюссель только призывает нас к порядку, однако комиссар по внутренним делам и вопросам миграции Димитрис Аврамопулос заверил, что в нужный момент без колебаний перейдет к процедуре, связанной с нарушением Польшей законодательства ЕС. Финалом такой процедуры вполне может стать судебный процесс. (...) Это подтвердил председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер в письме, направленном в адрес Дональда Туска, председателя Европейского совета. "Комиссия использует все возможные средства, чтобы обеспечить выполнение этих обязательств", — написал Юнкер». (Из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 3 марта)

- «На 6 марта Франсуа Олланд пригласил в Версаль руководителей Германии, Италии и Испании. "Мы представляем четыре важнейшие страны ЕС. И именно наши страны должны решить, что нам вместе с остальными делать дальше", заявил Олланд. (...) В таком составе (...) европейские политики встречаются впервые. Это крупнейшие страны ЕС, одновременно находящиеся в "зоне евро". (...) Польша уже не рассматривается в качестве страны, которая может войти в "зону евро"». (Из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 22 фев.)
- «В скором времени может появиться два Евросоюза: один прежний, состоящий из 27 государств, другой более узкая, внутренняя группа стран, стремящихся к дальнейшей интеграции и не собирающаяся дожидаться тех, кто капризничает. В Париже в понедельник состоится совещание глав Франции, Германии, Италии и Испании; если бы Польша находилась в мейнстриме европейской политики, она тоже оказалась бы за столом переговоров на правах большой европейской страны! То, что нас туда не пригласили, говорит о многом. Это очередной сигнал, свидетельствующий о появлении рвущейся вперед четверки». (Марек Островский, «Политика», 8-14 марта)
- «После встречи в Варшаве, состоявшейся две с лишним недели назад, (...) главы Чехии, Словакии и Венгрии всё же не поддержали Польшу, сопротивляющуюся выдвижению Дональда Туска на второй срок на пост председателя Европейского совета». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 3 марта)
- «В субботу политический комитет ПИС своей резолюцией официально обязал Беату Шидло не поддерживать кандидатуру Дональда Туска. В тот же день министр иностранных дел Витольд Ващиковский заявил, что Польша выдвигает нового

кандидата — им стал Яцек Сариуш-Вольский, депутат Европарламента от "Гражданской платформы". (...) Руководство партии тут же исключило его из своих рядов, что одновременно означает и исключение из Европейской народной партии. (...) Это христианско-демократическая фракция в Европейском парламенте — будучи самой крупной, она обладает ключевым влиянием на распределение должностей в ЕС. (...) Европейская народная партия продолжает поддерживать Дональда Туска, а Сариуш-Вольский был вызван на беседу. (...) Его кандидатуру пока не поддержала ни одна страна EC». (Витольд Гловацкий, «Польска», 6 марта) • Дональд Туск еще два с половиной года будет председателем Европейского совета. «Ключевая фаза процедуры повторного назначения Дональда Туска заняла менее получаса. В четверг в Брюсселе главы всех 27 стран ЕС, кроме премьер-министра Польши, высказались за то, чтобы вновь доверить Туску эту высокую должность. Назначить политика на одну из важнейших должностей вопреки воле страны его происхождения — это совершенно беспрецедентная ситуация в истории ЕС. Беспрецедентна и ситуация, когда правительство блокирует кандидатуру, представляющую его же страну. При этом в прошлом бывали случаи, когда такие посты занимали политики из оппозиционных партий. "Я сделаю всё, чтобы уберечь правительство Польши от политической изоляции", пообещал Туск». (Из Брюсселя Анна Слоевская,

• «По решению правительства Мальты, председательствующей в ЕС, Яцек Сариуш-Вольский не был приглашен на саммит ЕС, чтобы представить на нем свои намерения». (Из Брюсселя Артур Ковальский, «Наш дзенник», 10 марта)

«Жечпосполита», 10 марта)

- «Анджей Пшилембский, посол Польши в Берлине, в 1979-80 гг. состоял на учете как тайный сотрудник госбезопасности с псевдонимом "Вольфганг" такие данные рассекретил в пятницу познаньский филиал Института национальной памяти». (Рафал Закшевский, «Газета выборча», 4-5 марта)
- В Пененжно (Варминско-Мазурское воеводство) «к груде камней, оставшихся от памятника генералу Ивану Черняховскому пришли полтора десятка российских дипломатов. Цветы возложили посол России в Польше Сергей Андреев, российский военный атташе Валерий Назаров, а также депутаты из расположенного в Калининградской области города Черняховска. (...) Монумент (...) был установлен в начале 70-х годов прошлого века недалеко от того места, где советский генерал в феврале 1945 года был смертельно ранен. (...) Под руководством Ивана Даниловича Черняховского (...) был арестован Александр Кжижановский ("Волк") и разоружены 8 тыс. солдат Армии Крайовой, многие из которых были

отправлены в лагеря либо принудительно призваны на службу в Красную армию». (Магдалена Пейко, «Газета Польска цодзенне», 21 фев.)

- «70 лет назад военные и милиция осуществили массовое выселение украинцев из юго-восточных районов Польши и их депортацию на "возвращенные земли". Официально целью акции "Висла" была ликвидация отрядов УПА. При этом она затронула почти 150 тыс. гражданских лиц. (...) Заявки на грант министерства внутренних дел и администрации для организации мероприятий, связанных с годовщиной этих событий, подали три организации: Союз украинцев в Польше, Ассоциация по развитию музея лемковской культуры в Зындранове, а также Общество лемков в Легнице. Ни одна из них денег не получила, причем без всякого объяснения причин. (...) Союз украинцев в Польше объявил о сборе пожертвований на этот проект. (...) Украинцев поддержал Почетный комитет общественных памятных мероприятий в связи с 70-й годовщиной акции "Висла". В составе комитета: Данута Куронь, Кристина Захватович, доминиканиец Томаш Достатний, проф. Влодзимеж Мокрый, Адам Боднар, Анджей Северин, Анджей Стасюк». (Анна Горчица, «Газета выборча», 2 марта)
- «Акция "Висла" это не что иное, как злодеяние, совершенное в отношении польских граждан польским же государством. Не имеет значения, что эти граждане были украинцы, а польским государством руководили коммунисты. Это была этническая чистка, операция, преследующая цель уничтожения конкретной национальной группы. А коли так, то эта история не вписывается в сегодняшний польский официальный тренд», — Петр Тыма, председатель Союза украинцев в Польше. («Газета выборча», 8 марта) • «"Если мы требуем, чтобы украинцы пересмотрели свой подход к УПА (...), то мы, в свою очередь, для начала должны присмотреться к нашим «проклятым солдатам»", — написал на фейсбуке Павел Кукиз. (...) По мнению политика, "среди «проклятых» было множество настоящих героев, однако не стоит прославлять тех, кто под лозунгом «Бог, честь, Родина» совершал злодеяния в отношении гражданского населения».
- «Суд в Белостоке отклонил запрет на проведение марша националистов, наложенный распоряжением бурмистра Хайнувки. (...) Против марша выступают жители, большинство из которых являются белорусами и православными. Планировалось, что одним из героев, в честь которых проводится марш, будет Ромуальд Райс ("Бурый"), солдаты которого несут ответственность за геноцид жителей православных деревень». («Газета выборча», 22 фев.)

(«Жечпосполита», 20 фев.)

- «"Для белорусов, живущих в окрестностях Белостока, «Бурый» символизирует бессмысленную жестокость и садизм, ведь он убивал беззащитное население, в том числе детей, женщин и стариков. (...) Марши «патриотических» организаций в Хайнувке, посвященные «подвигам» «Бурого» это не только демонстрация крайнего неуважения к его жертвам, но и напоминание местным белорусам о присутствии тех, кому импонируют поступки Ромуальда Райса. (...) Прокурор белостокского филиала Института национальной памяти (...) 30 июня 2005 г. был вынужден констатировать, что действия Ромуальда Райса и его подчиненных квалифицируются как «преступления против человечества»", говорит проф. Эугениуш Миронович. Постановление прокурора было оставлено в силе окружным судом Белостока 30 нояб. 2005 года». («Пшеглёнд православны», март 2017)
- «Язык ненависти» «95,6% молодых людей постоянно имеют с ним дело в интернете. 75% сталкивается с "языком ненависти" в разговорах, а около 68% в общественных местах. Взрослые (...) чаще всего слышат "язык ненависти" по телевизору (77,9% по сравнению с почти 54% двумя годами ранее), во время разговоров со знакомыми (64,7%) и в общественных местах (57,4%). (...) "Риторика ненависти усилилась по отношению к шести группам людей. Это евреи, мусульмане, цыгане, украинцы, чернокожие, гомосексуалисты", говорит Миколай Вишневский, автор исследования "Язык ненависти, язык презрения", проведенного Центром изучения предубеждений». (Юстина Сухецкая, «Газета выборча», 28 фев.)
- «Четверг. "У тебя 30 дней, чтобы убраться из Варшавы" такую записку нашел иранец Салар Фарси, владелец кафе на улице Медовой. За последние пять месяцев его кафе четырежды подвергалось нападениям». (Михал Войтчук, «Газета выборча», 4-5 марта)
- «Согласно статистике департамента по делам иностранцев, с 1991 по 2015 гг. Польша приняла почти 80 тыс. беженцев из Чечни. (...) По разным данным, в стране осталось около 6 тыс. из них». («Газета выборча», 16 фев.)
- «Большинство поляков (54%), опрошенных Институтом рыночных и общественных исследований, считают, что польское правительство недостаточно помогает жертвам конфликтов на Ближнем Востоке (37% респондентов придерживаются противоположного мнения). (...) Поляки, без всякой поддержки со стороны государства, собрали и перечислили двум тысячам сирийских семей почти 10 млн злотых». (Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 8 марта) «Мы занимаемся постоянным мониторингом соблюдения в
- · «Мы занимаемся постоянным мониторингом соолюдения в Польше прав человека. В январе мы впервые опубликовали

отчет о ситуации иммигрантов в вашей стране. Мы также наблюдаем за тем, как вы относитесь к цыганам. (...) Ситуация Польши очень серьезная! Если законность нарушается в какойто одной стране ЕС, это означает, что она нарушается в целом сообществе», — Майкл О'Флаэрти, директор Агентства ЕС по основным правам. («Газета выборча», 23 фев.)

• «Всякий раз, когда я иду по лесу, то ступаю в основном по мусору. (...) Чувствуешь себя грибником, только мусора гораздо больше, чем грибов. (...) Недавно я шел вдоль канавы, и меня обогнал автомобиль, в котором сидели патриоты, судя по тому, что на машине были наклейки, мол, помним Варшавское восстание и "проклятых солдат»", "Смерть врагам Родины" и всё такое. И из этого набитого патриотами автомобиля в канаву полетели две упаковки из-под пиццы, несколько пивных банок, пластиковые вилки и бумажные стаканчики. А патриоты поехали дальше, видимо, нести смерть врагам родины. Пришлось за ними прибраться», — Виктор Зборовский, актер. («Газета выборча», 25-26 фев.)

Экономическая жизнь

Экономическая жизнь

Треть польских фирм сталкивается с проблемой привлечения сотрудников, — пишет газета «Жечпосполита». Одна из причин — снижение пенсионного возраста: 60 лет для женщин и 65 для мужчин. Закон вступает в силу в октябре этого года. В нынешнем году на пенсию может выйти 460 тыс. человек, что почти в два раза больше, чем в 2015-м. Редакция обратилась к работодателям (как из частного, так и из общественного сектора) с вопросом, готовятся ли они к предстоящим переменам. Некоторые работодатели полагают, что часть потенциальных пенсионеров все же не оставит работу. Особенно это касается предприятий, где заняты высококвалифицированные работники (таких, например, как Варшавский производственный центр оптоэлектроники). Также многие сотрудники административно-управленческого аппарата намереваются продолжать работу после достижения пенсионного возраста.

Эксперты, однако, указывают, что не всегда и не везде будет просто восполнить кадровый дефицит. В регионах, где уже сегодня отмечается нехватка рабочей силы, и в отраслях с низкой оплатой труда естественная смена поколений может обернуться проблемой. Некоторые работодатели признают, что будут вынуждены платить больше или пожилым сотрудникам, чтобы удержать их на работе, или молодым, чтобы привлечь их на рабочие места.

Министерство труда хочет облегчить создание социальных кооперативов, — пишет Людмила Ананникова в «Газете выборчей». Первые социальные кооперативы появились десять лет назад. Это альтернатива открытому рынку труда, предназначенная для лиц, которым сложно устроиться на работу: с ограниченными возможностями, бездомным, прошедшим лечение от зависимостей, бывшим заключенным, беженцам. В соответствии с законом, лица, которые в ином случае могут оказаться исключенными из общества, должны составлять не менее половины членов кооператива. Лица, организующие социальный кооператив, могут получить поддержку из фондов биржи труда и средств, выделяемых Евросоюзом.

В Польше сегодня действует около 1,5 тыс. социальных кооперативов. Предложенные правительством изменения

имеют целью облегчить создание новых. По сравнению с другими странами Польша отстает от Италии, Великобритании или Франции, где занятость в секторе социальной экономики составляет 10% от общей занятости. В Польше — лишь 1%. Новые правила должны помочь создать до 2020 года 35 тыс. новых рабочих мест в социальных кооперативах. Одно из нововведений предусматривает, что кооператив может состоять уже из трех человек, а не из пяти, как это было раньше, что затрудняло создание учредительского пула и увеличивало издержки. В соответствии с новыми предложениями, специфический контингент может составлять 30% членов кооператива, а не как раньше — 50. Благодаря этому, то есть большему участию полностью трудоспособных работников, кооперативу проще будет осуществлять свою деятельность.

«Повышение пособий может снизить активность безработных, ищущих работу», — пишет Матеуш Жемек в газете «Жечпосполита». Как заявляет ведомство труда и семьи, выделяемые на борьбу с безработицей средства должны использоваться более эффективно и направляться туда, где они по-настоящему нужны. К этим заявлениям предприниматели относятся с некоторым скепсисом. Дело в том, что более половины зарегистрированных безработных — это так называемые долгосрочные безработные, т.е. неработающие уже более двух лет. Их повышение пособия не затронет. Так что лучше было бы направить средства на профессиональную активизацию таких лиц. Тем более что предпринимателям очень нужны рабочие руки. Многие работодатели полагают, что повышение пособия до 1000 злотых (как планирует правительство) пагубно скажется на стремлении безработных найти работу. Для некоторых окажется просто нерентабельным начинать работу сразу после потери прежней. Выгоднее будет получать пособия.

Правительство утверждает также, что в текущем году планируется проведение реформы служб занятости, которым придется уделять больше внимания проблеме профессиональной активизации долгосрочных безработных. Была созвана комиссия экспертов с участием представителей правительства, организаций работодателей и профессиональных союзов. Новые законоположения должны учитывать рост уровня безработицы, который предвидится через несколько лет.

Реполонизация или национализация? Так ставит вопрос комментатор газеты «Жечпосполита» Павел Яблонский. То, что правительство пропагандирует выкуп из рук иностранцев

важных для страны предприятий, это не так и плохо. Хуже, что вместо того, чтобы оказать поддержку частной собственности, в нее постоянно инвестируются деньги налогоплательщиков. История показывает, пишет П. Яблонский, что в условиях Польши государственное или политическое управление обычно малоэффективно.

Одна из важнейших отраслей — судостроение. Не только потому, что отрасль обеспечивает тысячи рабочих мест, но и потому, что производственный процесс на верфи предполагает использование продукции многих других фирм — от металлургических заводов до предприятий по производству двигателей и электроники. Если судостроение рухнет, работу потеряют не только корабелы, но и те, кто занят на предприятиях-поставщиках. Поддержка судостроения поэтому имеет больший смысл, чем, например, бесполезное расходование общественных средств на дотирование все более дорогостоящей добычи угля.

Однако является ли огосударствление кораблестроительной промышленности единственным путем для спасения отрасли? Нет, имеются и другие методы эффективной поддержки: заказы, гарантии, развитие инфраструктуры, благоприятствующий экономический климат. Лозунг реполонизации (или национализации) судостроительной промышленности имеет политические корни. Даже если удастся спасти отрасль, ее роль и прежняя мощь уже не вернутся. Мир изменился. В Европе успешны только верфи, производящие узкоспециализированную продукцию. Если у польских фирм будут частные владельцы плюс поддержка государства, то, безусловно, в будущем отечественные корабелы смогут успешно конкурировать с западными.

«Проект постройки первой польской ядерной электростанции приостановлен», —признает министр энергетики Кшиштоф Тхужевский на страницах «Дзенника. Газеты правной». Ожидалось ускорение, предстоял конкурс на выбор атомной технологии, а пришлось дать по тормозам. Это не означает полного отказа от ядерной энергетики. Министр предлагает задуматься: если выбирать между одним ядерным блоком и тремя традиционными (угольными) подобной мощности, то с точки зрения экономической эффективности выигрывают традиционные блоки.

Что же произошло? Почему приостановлен проект строительства атомной электростанции? Главная причина — нехватка денег. Стоимость строительства ядерной электростанции может составить 50-60 млрд злотых. Не то чтобы у польских энергетических компаний не было таких средств. Дело в том, по мнению министра, что за те же деньги

можно построить три традиционные электростанции вместо одной ядерной. Решением могут стать непосредственные доплаты на строительство со счетов частных хозяйств за электроэнергию, но на это не соглашается Еврокомиссия. Брюссель против, чтобы помощь такого рода получали угольные станции, которые более всего загрязняют окружающую среду.

Как пишет «Жечпосполита», эксперты полагают, что новые электростанции должны сооружаться, поскольку существующие выработали ресурс и опасны в эксплуатации. Вскоре проявится значительный дефицит мощностей в периоды пикового потребления — по прогнозам, с начала 20-х годов. Возникнут проблемы не только с обеспечением достаточных резервов, но и с удовлетворением запросов внутреннего потребления.

«Электрификация автомобильного транспорта — это один из наиболее амбициозных экономических проектов действующего правительства», — пишет Анджей Кублик в «Газете выборчей». Министерство энергетики обещает, что в 2025 году по польским дорогам будет ездить миллион электромобилей. Компания «ElectroMobility Poland» объявила конкурс на проектирование польского массового электромобиля. Требования заданы в самом общем виде: длина движущегося средства не более 3,75 м; при полной зарядке аккумулятора машина должна проезжать до 150 км; функциональный салон. В конкурсе могут участвовать профессионалы, которые в течение полугода должны представить эскиз кузова будущего автомобиля, технический чертеж и экспликацию. Пять лучших проектов получат премии — 50 тыс. злотых каждый, и приглашение во второй тур конкурса, цель которого — разработка модели автомобиля. Авторы проектов, отвечающих основным требованиям второго этапа, получат премии по 100 тыс. злотых, а лучшие модели будут направлены в мелкосерийное производство. А это уже открывает дорогу к массовому производству. Победителем конкурса будут считаться модели, сто экземпляров которых получат допуск к эксплуатации. Объявлено, что если проект получит общественное одобрение, то правительство может помочь в финансировании выпуска таких автомобилей частными производителями путем приобретения 49% акций.

Социальная чувствительность в текучей современности

Интеллектуальный облик Зигмунта Баумана

Зигмунт Бауман. Фото: East News

В первые дни января нынешнего года в Лидсе (Англия) умер проф. Зигмунт Бауман — польский социолог и философ, автор более чем 50 книг на темы современности, которые раскупаются по всему миру. С начала 70-х годов и вплоть до смерти он жил и работал в Великобритании, куда приехал в результате антисемитской травли, развязанной в Польше в марте 1968 года.

Зигмунт Бауман родился в 1925 г. в Познани в ассимилированной еврейской семье. Во время Второй мировой войны принимал участие в боевых действиях в составе сформированной на территории СССР дивизии им. Т. Костюшко. После войны (до 1953 г.) работал в Корпусе внутренней безопасности — вооруженном формировании министерства общественной безопасности, а затем в Варшавском университете.

Мировое признание научных достижений Баумана — в

частности, видный британский историк социологии проф. Деннис Смит еще в 1999 г. выпустил книгу, посвященную его творчеству и озаглавленную «Пророк постсовременности» («The Prophet of Postmodernity»), у него десяток с лишним званий почетного доктора, присвоенных университетами разных стран за особые научные достижения, и проч. контрастирует с амбивалентным отношением к нему со стороны польских правых кругов. Достаточно вспомнить, что его альма-матер, Варшавский университет, где Бауман в свое время защитил диссертацию и возглавлял кафедру общей социологии, несколько лет назад отверг предложение о присвоении ему звания почетного доктора наук. Вовлеченность Баумана в коммунизм, а также его восприимчивость к левым идеям, которая пропитывает и динамизирует его творчество, трактовались — в частности, приверженцами правых точек зрения — как нечто дискредитирующее. Для других он оставался крупным социологом, вдумчиво, проницательно и критически исследующим замысловатые сложности современного мира.

Критика современности

Характерной общей чертой богатого творчества Баумана является критический взгляд на современность. В таких текстах, как «Постсовременность как источник страданий», «Глобализация. Последствия для человека и общества», «Потребление жизни», «Текучая современность. Жизнь в эпоху неопределенности»^[1] или «Жизни, растраченные понапрасну», Бауман показывает современные общественные процессы, всякий раз занимая при этом критическую позицию. Тем самым в его трудах не обнаруживается никаких обоснований для рассмотрения этого ученого в качестве апологета постсовременности или же ее промотора — а именно так поступают отдельные комментаторы. Когда Бауман пишет об обществе, новых технологиях, о потреблении или глобализации — если перечислить всего лишь немногие из затрагиваемых им тем, — он каждый раз становится на сторону тех, кого современные общественные и социальные перемены маргинализуют, стигматизируют или расчеловечивают, дегуманизируют: на сторону бедняков, иммигрантов и всех прочих, чьи шансы на достойную жизнь или вообще на жизнь либо ограничиваются, либо сводятся к нулю. Критика современности носит у Баумана главным образом социологический характер: он выявляет, наглядно показывает и деконструирует те общественные механизмы, которые — даже если сами по себе они проявляются вроде как улучшающие качество жизни, — после внимательного исследования оказываются опасными и несправедливыми.

Речь здесь идет хотя бы о дерегуляции, консьюмеризме или глобализации. Критицизм Баумана не оканчивается указыванием проблем — он также ищет их решения. Бауман не только часто обращается к творчеству «мастеров подозрений»^[2], но и сам тоже относит себя к этой линии мышления, принимая в качестве своей цели современную общественную систему, которая основана на консьюмеризме и приватизированности.

После современности — иначе говоря, где и когда? Что же, однако, представляет собой та общественная формация, которую Бауман — вместе с другими авторами называет постсовременностью или постмодерном и которая образует главное пространство его интересов? Постсовременность — это новая форма современной цивилизации, своего рода преобразование или совокупность изменений, которые надлежит рассматривать как выход за пределы современной парадигмы. Сам термин «постмодерн» отображает колебания в вопросе о характере взаимоотношений между современностью и постмодерном, постсовременностью. Ведь этот термин, с одной стороны, указывает на завершение определенной формации (он говорит о том, что имеет место после современности); с другой стороны, он подчеркивает генетическую и структуральную связь с современностью и, наконец, с третьей, выражает колебания по поводу облика этой новой формации, которая, скорее, проклевывается, нежели уже приняла окончательный вид. Другой известный социолог, Энтони Гидденс, лапидарно определяет позднюю современность как такую современность, которая распознала свои собственные границы; ее сутью является высокая рефлексивность (личностная и структуральная), которая претерпевает постоянные преобразования, или — как предпочитал говорить Бауман — «перетекания», а следовательно, осуществляет демонтаж того, что является общественным, — ценностей, межчеловеческих взаимоотношений и т. д. — и их перенесение в состояние неопределенности формы и содержания. «Постсовременность живет в атмосфере непрестанного нажима для демонтирования всяческих ограничений, коллективно навязываемых единичным личностным судьбам, дерегуляционных и приватизационных форм давления («Постсовременность как источник страданий»). В таком мире отдельная личность не столько освобождается от ограничений — как провозглашают доносящиеся до нее отовсюду сообщения, — сколько теряется, «отклеивается» от коллективной жизни и гонится за чем-то таким, чего никогда не обретет и что никогда не даст ей ощущения самореализации

и свободы. «В своем сегодняшнем постсовременном виде современная цивилизация открыла, как представляется, тот коварный философский камень, который Фрейд высмеял и осудил как вредный плод наивной фантазии стремления к удовольствию — удовольствию, которое всё больше и всё приятнее» («Постсовременность как источник страданий»). Тем самым удовольствие и стремление к нему становятся не столько сферой интересов конкретной личности, сколько общественной нормой, той силой, которая влияет на межличностные и социальные взаимоотношения, на форму институтов или же на политические и экономические процессы, порождая их преобразование.

Удовольствие не для всех

Постсовременность Бауман оценивает критически, указывая, что дерегулированная и приватизационная общественная система, которая опирается на рыночные механизмы, является источником растущих проявлений социального неравенства, эксплуатации и исключения, причем вышеуказанные процессы носят центральный и структуральный характер, а не образуют собой побочный продукт неких позитивных изменений и процессов. К примеру, реализация принципа удовольствия через посредство потребления приводит в итоге к стигматизации не-потребителей и к тому, что они лишаются своих прав: «Когда мерилом чистоты становится способность участвовать в потребительских развлечениях, те, кто не принимает участия в подобной игре, становятся "проблемой"; они делаются чем-то "нечистым", от чего следовало бы избавиться. С точки зрения той игры, в которой большинство с энтузиазмом участвует, такие люди в первую очередь представляют собой "потребителей с изъяном", неполноценных потребителей. [...] Они не доросли до свободы в том мире, где свобода измеряется диапазоном возможных вариантов потребительского выбора» («Постсовременность как источник страданий»).

Впрочем, для Баумана в рамках современного потребительского общества сами потребители тоже оказываются обманутыми. Ведь консьюмеризм заключается не столько в непрерывном удовлетворении потребностей, сколько в возбуждении разнообразных страстных желаний, удовлетворить которые не удается. Однако более важным оказывается следующее: потребители сами становятся продуктами, а в результате этого сами подлежат процессу объективации и лишения субъектности — по ночам они видят вовсе не свои сны (ибо их сновидения создаются в рекламных агентствах), их программируют таким образом, чтобы они жаждали того, в

чём, по правде говоря, не нуждаются, и они делают это с улыбкой, сами платя за это.

Разум без твердого знания

Приватизация и дерегуляция как структуральные факторы приводят к усилению текучести мира, к его открытости, эластичности или росту личностной свободы, но вместе с тем к такой непрекращающейся изменчивости и неуверенности, при которой индивидуум в ситуации распада общины остается предоставленным самому себе. Ибо, коль скоро всё должно зависеть от личности, то понятно, что это предвещает каждому человеку тяжелую, амбициозную и наполненную трудом жизнь, которая основывается на отсутствии надежного и твердого знания. «Ничто в этом мире не известно тебе наверняка, но известно, что обо всем, о чем ты знаешь, можно знать совершенно иным способом, — и при этом каждое знание стоит ровно столько же, сколько и другое знание, не лучшее и не худшее, но уж безусловно не менее временное и мимолетное по сравнению с прочими» («Постсовременность как источник страданий»).

В итоге утверждение, постулирующее опору общественной системы на личность, оказывается мифом, поскольку личности неоткуда получить опору для своей свободы. И подобно тому, как потребитель, входя в супермаркет, не выбирает то, в чем он нуждается или чего хочет, потому что у него отсутствуют знания по поводу всех имеющихся там товаров, их происхождения, действия и т. д. (зато он оперирует рекламными слоганами), точно так же и личность в существующей ныне общественной системе тоже не столько свободно и рефлексивно принимает решения о своей судьбе, сколько раз за разом позволяет соблазнять себя разнообразными мифами, которые будто бы должны принести этой личности благополучие и успех, — диетами, новыми техническими приспособлениями или другими суррогатами самореализации. Чтобы разум мог принимать решения, ему требуется знание, а оно, как ни говори, оказывается ненадежным, нетвердым и не заслуживающим доверия. Самым свежим и ярким примером такой ситуации является хотя бы значимость fake news — фейковых новостей, ложной информации — в недавней избирательной кампании по выборам президента Соединенных Штатов. Бауман утверждает, однако, что подобная ситуация обычна и повседневна. Фейковые новости, разнообразные полуправды или недоговоренности — вот и всё знание, которым мы располагаем.

Турист и бродяга — иными словами, любой из нас

О постсовременной жизни Бауман предлагает думать с помощью метафор туриста и бродяги — персонажа, свободно путешествующего в глобализованном мире куда и когда ему хочется, — и другой его ипостаси, второго «я», которого принуждают к путешествиям вопреки его собственной воле. Турист и бродяга — это фигуры, различающиеся возможностью не только физического перемещения, но и «выбора жизненных путей» («Постсовременность как источник страданий») как таковых. В данном смысле каждого из нас можно расположить между двумя вышеназванными позициями-антиподами. «Я утверждаю, что свобода выбора представляет собой в сегодняшнем обществе главный и решающий структурирующий фактор. Чем большей свободой выбора обладают какие-то лица, тем более высокую позицию они занимают в общественной иерархии» («Постсовременность как источник страданий»). А поскольку иерархия имеет форму пирамиды, то лишь немногие могут пользоваться свободой выбора, — «чем ниже, тем сильнее сужается практический выбор по мере того, как набор тех благ и образов жизни, которые действительно доступны, оскудевает» («Свобода»^[3]). Хотя свобода существует для всех, на практике ею могут наслаждаться немногие.

Глобализация как исключение

Бауман уже незадолго до конца XX века отчетливо и громко говорил о вещах, выглядящих сегодня всеобщим и повсеместным знанием, которое доносится до потребителей СМИ по существу из каждой информационной программы и которое, помимо всего прочего, составляет также элемент повседневного опыта довольно большого числа лиц, а именно, он заявлял, что глобализация — это сложный процесс, несущий с собой как положительные, так и отрицательные последствия, причем «имманентной частью указанного процесса глобализации являются прогрессирующая пространственная сегрегация, сепарация, а также исключение» («Глобализация. Последствия для человека и общества»^[4]); глобализация приводит к росту фундаментализма и возбуждает националистические мечтания, образующие защитный механизм от размывания и растворения всего и вся в том, что глобально, — но вместе с тем она порождает и самое обыкновенное стремление повысить ценность и престиж локальности, которая в глобалистском нарративе становится чем-то худшим, нежели космополитическая свобода туриста. «Поводы для беспокойства исходят прежде всего от нарастающих трудностей при попытках достичь

взаимопонимания между, с одной стороны, элитами, которые в результате глобализации становятся всё менее связанными с конкретной территорией, и "локализованным" остальным миром, с другой. Центры выработки значений и ценностей сегодня экстерриториальны и высвобождены от уз, навязываемых локальностью, — это, однако, не касается человеческого состояния, которому вышеуказанные значения и ценности должны придавать смысл». Общественное распознание данной ситуации ведет сейчас к росту значимости популистских партий, притягивающих массы «бродяг», которые хотят изменить свое положение и знают виновников своей неблагополучной судьбы — это элиты и их институты, иначе говоря, рынки. «Из-за неограниченного и ничем не сдерживаемого распространения принципов свободного рынка, а в первую очередь благодаря свободе перетекания капитала и финансовых средств экономика всё больше и больше ускользает из-под политического контроля». Этот процесс сопровождается сжатием государства, которое отдает свои функции и прерогативы рынкам, а также делегирует личности ответственность за саму себя и за людскую совокупность. Оба указанные направления Бауман оценивает как негативные процессы: рынки руководствуются антиобщественной логикой, содействуя коррозии общественной жизни, а также создавая различные формы исключения и несправедливости; в свою очередь, личность, обремененная избыточной ответственностью, не только не в состоянии справляться со всеми проблемами самостоятельно, но ее чрезмерное индивидуализирование делается еще одним механизмом коррозии всего общинного, коллективного.

Два лица современного тела

Рассуждения Баумана о постсовременности и критическая оценка последней красной нитью проходят через преобладающую часть его трудов. Есть, однако, смысл уделить больше места одному из наиболее важных его текстов, написанному в 1988 г., — работе «Актуальность Холокоста» [5], где он занимается проблемой Холокоста как продукта современности, а не всего лишь германского общества. Бауман констатирует (в духе франкфуртской школы), что современность вопреки ее собственным декларациям о доминировании разума носит еще и мифический характер. Миф современности о самой себе опирается на веру в эмансипирующую силу прогресса, в том числе и бюрократических процедур, которые вдобавок обладают морализирующими качествами. Указанные процедуры должны элиминировать аморальные формы поведения, например, «закон джунглей», должны вытаскивать человека из

первобытного варварства. После Холокоста этот миф попрежнему продолжает присутствовать и детерминирует мышление о Холокосте как об «аберрации», «раковом наросте» или «антитезе» современности. Тем временем Бауман диагностирует западную субъектность следующим образом: «Мы подозреваем (даже если не хотим сами себе в этом признаться), что Холокост мог попросту открыть второе лицо всё того же современного общества, чьим иным, гораздо лучше известным лицом мы столь сильно восхищаемся. И мы также подозреваем, что оба эти лица прекрасно подходят одному и тому же телу. Но больше всего мы, пожалуй, боимся того, что никакое из пары этих лиц не может существовать без другого, словно две стороны одной медали».

Бюрократическая культура и Endlösung

Холокост выявил, что массовая смерть может быть реализована в рамках рациональной калькуляции и бюрократических процедур, при которых руководствуются принципом эффективности и базируются на научном мышлении, то есть действуют в рамках признанных принципов современности — таких, какими их описал Макс Вебер. Бауман утверждает, однако, что Холокост не является попросту продуктом современности, — ведь признание этого означало бы его уравнивание с бесчеловечной, имморальной системой: «Современная цивилизация не была достаточным условием Холокоста, однако, вне всякого сомнения, она была его необходимым условием. Без нее Холокост был бы немыслим. Именно рациональный мир современной цивилизации сделал Холокост вообразимым и возможным». Бауман задается вопросом: насколько «сама идея Endlösung'a («окончательного решения» еврейского вопроса) была порождением бюрократической культуры». И отвечает: «Самый страшный урок, который следует извлечь из анализа "извилистой дороги в Освенцим-Аушвиц", состоит в том, что выбор физического уничтожения в качестве надлежащего способа выполнения задачи по Entfernung'y (устранению евреев) был — в конечном счете — результатом рутинных бюрократических процедур, а именно: приспосабливания средств к целям, балансирования бюджета, применения универсальных правил деятельности и т. д. Говоря еще жестче, этот выбор был результатом интенсивных попыток отыскать рациональные решения для серии очередных "проблем", которые появлялись вместе с изменениями ситуации». Таким образом, «окончательное решение» — это не столько варварство в чистом виде (варварство, понимаемое как нечто, выходящее за пределы разума, словно амок, безумие или экспрессивное выражение «первобытной» жестокости),

сколько чистой воды бюрократия, разум, повышающий эффективность и ищущий оптимальные решения для проблемы устранения евреев. «Холокост явился результатом подлинной рациональной озабоченности и был сотворен бюрократией, которая верна своей природе и своим целям». Холокост не был, однако, «целиком предопределен» современной бюрократией вкупе с культурой прикладной инструментальной рациональности, и эти последние не обязательно должны были к нему привести. «Принципы и правила прикладной рациональности сами по себе характеризуются исключительно слабой способностью предотвращать подобные явления, [...] в них нет ничего, что позволяло бы признать применяемые устроителями Холокоста методы "социальной инженерии" ненадлежащими, а проведенные с их помощью действия — иррациональными». Такое мышление об обществе как объекте административных действий — биополитика, как это называл Мишель Фуко, сделало возможным развитие идеи Холокоста; так что в итоге перед нами моральные последствия того цивилизационного процесса, который «отделяет вопросы использования и применения насилия от соображений морали и [...] освобождает желаемые требования (desiderata) рациональности от ограничений, налагаемых на них этическими нормами или моральными сдержками».

До-социальные источники моральных импульсов

Баумановская критика современности затрагивает также теории современности — как вышеупомянутого Вебера или затронутого тут Норберта Элиаса (цивилизационный процесс), так и Эмиля Дюркгейма. Социологическая теория морали показывает, что она (мораль) обладает интегрирующей социальной силой и что источником морали служит общество (Дюркгейм). Коль скоро Холокост узаконивался и легализовался коллективным, общественным путем, то теория, которая предполагает морализующую функцию общества и говорит о варварстве без общества и до общества, на самом деле обходит молчанием тот факт, что жестокость может также быть общественным продуктом, а вовсе не результатом неподобающего, ошибочного действия тех или иных общественных механизмов. Моральные формы поведения становятся чем-то средним, ординарным, делаются конформизмом, диктатом большинства над меньшинством, более сильного над более слабым, палача над жертвой, чья вина состоит лишь в инаковости, в отступлении от произвольно установленной общественной нормы — будь то социальное происхождение, сексуальная ориентация или цвет глаз... Для социальной теории одним из уроков Холокоста является — по

утверждению Баумана — необходимость признания досоциальных источников морали (например, в духе Эмманюэля Левинаса). Такая первобытность — это: «от рождения присущая человеческому существу ответственность за Другого». В противном случае всякая мораль, в том числе и та, которая довела до Холокоста, оказывается обоснованной и оправданной. Холокост смог произойти, — утверждает Бауман, — так как общественная система нейтрализовала все подобные первобытные моральные импульсы. Из Холокоста проистекает не только предостережение, но и надежда: «Позиционирование собственного выживания выше морального долга не является чем-то заранее предрешенным, неизбежным и неотвратимым. Человека можно склонять к совершению такого выбора, но нельзя его к этому принудить. И поэтому нельзя перекладывать ответственность за совершение подобного выбора на тех, кто оказывал давление».

Те опасные аспекты духа современности, которые довели до Холокоста, частично обнаруживаются также во времена постмодерна. Рыночная логика руководствуется прикладным инструментальным разумом, а ее последствия видны в упомянутых ранее категориях исключений.

Критицизм и социализм

Критической восприимчивости Баумана присущ ясный и решительный левый оттенок. На его критику постсовременности можно смотреть как на критику капитализма. Бауман соглашается с Марксом в диагностировании капитализма как формации, которая впустую расточает блага и деморализует людей: «Сегодня доказательства капиталистической вины накапливаются и разбухают в беспрецедентных масштабах, ибо эти масштабы воистину планетарны» («Социализм. Утопия в действии»). Бедность изливается на все страны — она касается как юга, так и севера, а разъедающие общественную ткань консьюмеризм и индивидуализация представляют собой глобальные процессы. Одновременно Бауман критикует коммунизм как неудачное, слишком поспешное внедрение безусловно правильной идеи, которая по-прежнему остается верной и в которой он видит шанс на улучшение критикуемой им сегодняшней системы. «Грехи коммунизма вытекают из стремления срезать дорогу, пойти кратчайшим путем. А сие означает — ускориться. Миновать все обязательные, неизбежные исторические процессы и этапы, сразу же прыгнуть отсюда, из этой дикости и глуши в утопию. Вместо перепахивания человеческих душ было выбрано тотальное разрушение» («Я дал себя соблазнить», 2013, интервью «Газете выборчей»).

По мнению Баумана, как в послевоенной Польше

социалистическое видение привело к необходимым общественным преобразованиям, так и сегодня оно остается единственной реальной альтернативой для существующей системы. «Среди утопий, распаляющих сегодня человеческое воображение и придающих смысл человеческим действиям (или хотя бы позволяющих рассчитывать на их разумность), социалистическое видение является, пожалуй, единственным, которое отваживается выходить за пределы горизонта каждодневной рутины и регулярно пропагандируемых правил надлежащей жизни, а также стратегии удачной или счастливой жизни; а потому оно, следовательно, единственная утопия, чреватая возможностями фундаментального размышления над основательным исправлением человеческого состояния, так как она являет собой почти единственный шанс добраться до истоков порождаемых нашим обществом недомоганий и болячек, а также этической увечности совместного человеческого бытования...». Согласно Бауману, социалистическое видение может осуществить «ремонт» и восстановление уничтожаемой общинной солидарности, трансформировать атомизированное потребительское сборище в сообщество. «Я не стыжусь того выбора ценностей, который сделал тогда, потому что не только вплоть до сегодняшнего дня не подвергаю его критике, но еще больше в нем утвердился» («Я дал себя соблазнить», 2013, «Газета выборча»).

Перевод Евсея Генделя

- 1. Усеченное название этой книги переведенной, как и ряд других работ 3. Баумана, на русский язык (см. 3. Бауман. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. —. СПб.: Питер, 2008. 240 с.), обыгрывается в заголовке настоящей статьи и не раз используется в ее тексте здесь и далее примеч. перев.
- 2. Так в Польше принято называть трех великих мыслителей К. Макса, Ф. Ницше и 3. Фрейда.
- 3. Русский перевод: Бауман 3. Свобода / Пер. с англ. Г. Дашевского, предисл. Ю. Левады. М.: Новое издательство, 2006. 132 с.
- 4. Русский перевод: 3. Бауман. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.Л. Коробочкиной М.: Издательство «Весь Мир», 2004.— 188 с.
- 5. 3. Бауман. Актуальность Холокоста / Пер. с англ. С. Кастальского, М. Рудакова. – М.: «Европа», 2010, 316 с.

Кривоклет

Кривоклет

Не боитесь, спросил меня после одного из процессов какой-то журналист, что, когда вы вот так несете серную кислоту в бутылке, она может потечь и обжечь вас, на что я ответил: иногда ради искусства стоит поступиться собой, и это вынесли в заголовок, крупным, жирным шрифтом, хотя на деле проблема тут есть, поскольку бутылка, с одной стороны, должна быть герметически закрыта, а с другой — готова к тому, чтоб ее в любую минуту можно было открыть, вынув быстрым, безошибочным движением из кармана плаща или куртки, хотя давно уже только плаща, куртки я не выношу после неудачи в музее Берлин-Далем в зале с Примеряющей нитку жемчуга Вермеера, когда бутылка раньше времени вылезла у меня из кармана и смотритель категорическим тоном отправил меня в раздевалку, поскольку в залы музея ни под каким видом нельзя вносить никаких жидкостей, ведь с тем же успехом вы могли бы в этой бутылке пронести серную кислоту и попытаться повредить один из холстов, сказал он, отчего я на долгие годы проникся омерзением к этому залу, а вернее ко всему музею Берлин-Далем, и с тех пор уже ни разу не осмелился встать напротив Примеряющей нитку жемчуга, дабы быстрым, безошибочным движением отвинтить крышечку и облить Вермеера серной кислотой, а может, при случае и пару-тройку других полотен, что зависело бы от реакции находящегося поблизости смотрителя или остальных посетителей, которые, как правило, не любят рисковать, полагая, не без оснований, что я так называемый сумасшедший. Я уже изучил и перепробовал целый ряд методов, и мне приятно думать, что в ином, лучшем мире, где мужчины в подходящем возрасте, выплескивающие серную кислоту на произведения искусства или даже на шедевры искусства в известных и даже известнейших музеях, пользовались бы несколько иной репутацией, нежели в нашем, что, быть может, словари и энциклопедии содержали бы статью Кривоклетов метод или Кривоклетова система, или хотя бы Кривоклетовская система спрей-сбрызгивания серной кислотой, КССССК, а я бы мог выступать с гостевыми лекциями и объяснять, как довел до совершенства способ проноса и применения емкостей с серной кислотой, вставляя парочку-другую презабавных историек о неудачных экспериментах и даже, если б атмосфера лекции

располагала к такой непринужденности, показывая длинный бежевый шрам на левом бедре — результат неудавшейся попытки повреждения портрета Халса в Дрездене с использованием бутылки от распылителя для мытья окон. Хоть я решительным образом не рекомендовал бы использовать бутылку из-под распылителя, тем не менее, с неким смущением вынужден признать, что, по сути, тара, будь она из материала стойкого к серной кислоте, особой роли тут не играет, поскольку звеньями идеального метода являются: бутылка с хорошо завинчивающейся крышечкой из материала, стойкого к серной кислоте, быстрое отвинчивание крышечки и выплеск на полотно; причем, если зал, где висит избранное полотно, находится вблизи туалета, что проверяется по плану музея, который получаешь при входе вместе с билетом, то можно на время транспортировки и проноса в здание музея рискнуть и завинтить крышечку посильнее, даже заклеить ее скотчем, а затем в укрытой от посторонних глаз кабинке туалета скотч отклеить и чуть-чуть отвинтить крышечку, но, честно говоря, ничто не заменит ловкости рук, а ее проще всего совершенствовать путем тренировки, поэтому я многократно упражнялся в обливании картины, точнее ее репродукции, как правило, водой, но всегда используя ту бутылку, которую мне придется пустить в дело в самый важный, завершающий мои старания момент. В последние недели, с тех пор, как мне, наконец, удалось купить серную кислоту и обнадежить себя получением пропуска из Медицинского центра при замке Иммендорф, у меня по понятным причинам не было ни места, ни возможности поупражняться, так как это угрожало успеху всего моего предприятия, а большей радости сторожам Длугому и Ауэбаху я не мог бы доставить, чем выдать себя, когда, спрятавшись за высокой елью или туей в парке замка, начал бы тренироваться в обливании водой прибитой с этой целью к стволу высокой ели или туи репродукции с известного возрожденческого полотна, положим, Тициана, выкраденной из альбома «Шедевры итальянского искусства», многие годы пылящегося в больничной библиотеке; но утешаю себя одним: тара, в которой я купил серную кислоту, эти сподручные литровые бутылки, появились в продаже давным-давно, я их уже использовал и в Вене, и в Дрездене, неизменно заранее потренировавшись много раз, поэтому теперь могу рассчитывать хотя бы на одну картину, а может, даже на две или три. Естественно, остается вопрос: можно ли найти удовлетворение, облив две или три соседние картины, лишь потому, что висят они рядом, в одном ряду, а смотритель как раз стоит в дверях в соседний зал и что-то читает или разглядывает в своем телефоне; но такой вопрос задаст себе только человек безучастный к обливанию картин серной

кислотой, если не сказать профан, который, таким образом, никогда бы не рискнул распрощаться со своей так называемой нормальной жизнью и со своей так называемой нормальной семьей единственно ради того, чтобы испортить тонкий слой краски, а скорее всего, исключительно слой лака на какойнибудь пятисотлетней картине или доске; такой человек, а я это знаю слишком хорошо, наверняка, счел бы, что такая операция выйдет себе дороже, он ведь не побрезгует — а как же! — банальным вандализмом, за милую душу поцарапает комунибудь машину ключом от почтового ящика, разукрасит спреем стену, пусть даже старинного здания, это всегда пожалуйста — развлечение достойное, а от риска в жар не бросает, но уничтожение собственности высокой денежной и культурной ценности буквально его парализует. Зато у такого человека, как я, относящегося к делу серьезно и, замечу без ложной скромности, профессионально, на сей вопрос есть однозначный, причем однозначно отрицательный ответ, поскольку я отдаю себе отчет в том, что кураторы выставок имеют тенденцию вешать шедевры на неком расстоянии друг от друга, чтобы глаз посетителя передохнул между одним водопадом гениальности и другим, разве что мы имеем дело с циклом картин — тогда кураторы повесят их рядом, ведь у них, вопреки общепринятому мнению, вкус отвратительный; так называемое общение с произведениями искусства у них этот вкус не воспитывает, не обостряет, а наоборот, притупляет, поэтому, когда они видят цикл, то поступают, как какаянибудь декораторша, хуже, как почтовая работница, что вешает четыре тарелочки с котиками в один ряд, ровненькопреровненько, это ведь комплект, а комплект — дело святое, его ни в коем случае разделять нельзя, а если одна из тарелочек с котиками разобьется — это непоправимая потеря; и в глубине души не одна почтовая работница и не один музейный куратор предпочли бы бесповоротно потерять целый цикл, нежели одну из картин или тарелочек, поскольку разукомплектованный комплект бьет по его или же ее незыблемым устоям мироздания. Но поскольку моя цель — уничтожить непременно шедевр или несколько шедевров, а не один шедевр и парочку обычных полотен какой-нибудь школы или мастерской, то у меня два выхода: или я объявляю войну всему циклу, хотя по-настоящему знаменитых циклов в живописи не так уж и много, не будем себя обманывать, нередко в цикле из трех, четырех или даже шести картин, ну, пусть даже десяти картин, шедевром является только одна, к тому же, каждая из этих картин зачастую висит где-нибудь на другом континенте, но, если бы по воле ужасающего вкуса кураторов все они висели вместе, то и так из Четырех последних вещей Босха я не облил бы ничего, кроме Вознесения спасенных, из Жития Святой

Уршулы Корреджо мог бы обезобразить исключительно Сон Святой, из Триумфов Цезаря Мантеньи — разве что Несущих вазы, но все они уже настолько в плачевном состоянии, что доложить еще и свое мне бы не хватило совести, а уже из таких четырех Аллегорий любви Веронезе — впрочем, репродукция каждой размещена на отдельной странице в альбоме «Шедевры итальянской живописи» — для обливания не пригодно ни одно, ни одно полотно; или же мне остается второй выход: найти зал, где между одним шедевром и другим ровно такое расстояние, какое я смогу преодолеть между первым наскоком и моментом, когда меня обезвредит смотритель или ктонибудь из стоящих поблизости посетителей, хотя, скорее, смотритель, посетители редко открывают в себе героическую жилку; между одной атакой на полотно и второй для людей проходит слишком мало времени, чтобы вообразить себя на фотографиях в газетах или в информационных программах, зато этого времени предостаточно, чтобы признать атакующего сумасшедшим, поскольку признать кого-то сумасшедшим большинству людей удается молниеносно, в принципе мало что большинству людей удается признать так молниеносно, как признать кого-то сумасшедшим, потому-то и принимают они стойку и мину зайца, оказавшегося на мушке, и они принимают стойку и мину человека, который, в сущности, хотел бы спасти бесценный шедевр искусства, бросаясь, налетая, обезоруживая, спасая наше общее наследие, но не в силах ничего сделать, ибо как раз в тот момент он по совершенно непонятным причинам становится зайцем. Имея столь ограниченный выбор, я всегда старался не снижать критерия своего выбора и не решаться, к примеру, на два или три полотна, известные, но не шедевральные, только из-за того, что они находятся на близком расстоянии друг от друга, или на известный цикл, висящий в угоду ужасающему вкусу кураторов на одной стене, но ведь цикл далекий от совершенства, из которого я бы мог с чистой совестью назвать шедевром лишь одно-единственное полотно и с чистой совестью облить его серной кислотой, поскольку я прекрасно понимаю, что цена моего поступка будет, как всегда, одинакова: возвращение, причем на долгие годы, в какуюнибудь больницу, лечебницу или в какой-нибудь медицинский центр, с их невыносимыми пациентами, с их пищей и терапевтическими занятиями в художественных мастерских, где придурковатые сотрудники низшего звена, страдающие каким-то смехотворным психическим расстройством, лепят котиков из папье-маше, а рехнувшиеся старые девы ангелочков из глины, и где, что самое главное, во властях состоят люди, совершенно лишенные вкуса, сиречь врачиспециалисты по лечению изобразительным искусством,

иными словами, цена будет чудовищно высокой, и я готов заплатить такую цену исключительно за уничтожение шедевра или шедевров. Льщу себя тем, что я ни разу не испортил обычного холста, причем меня никогда не прельщало нанести ущерб так называемому имуществу значительной стоимости, все эти медийные страсти вокруг потерь, весь этот пересчет на шиллинги, марки, а потом и на евро, все эти суммы, напечатанные большущими цифрами, непременно черножелтым или черно-красным цветом, в огромной рамке, с черно-желтым или черно-красным восклицательным знаком — все это меня потрясало до глубины души, поскольку у меня совершенно сложившееся мнение насчет того, как назначают цены на Дюрера или Тициана, а уж тем более Вермеера, который много лет не появлялся на рынке; поэтому любая спекуляция по поводу цен на его работы — чистый вымысел, а кроме всего прочего, то, что Портрет малопривлекательной мещанки в брыжах Рембрандта где-то был продан за столькото и столько-то тысяч или миллионов, не означает, что его Автопортрет стоил бы столько же, мол, те же размеры и болееменее тот же период, — такое может взбрести в голову только идиоту. Тем не менее, всякий раз, когда я «уничтожал» какуюлибо картину, причем слово «уничтожал» всегда употребляли, чтобы раздуть из мухи слона, поскольку, несмотря на мои многочисленные старания, каждый из облитых холстов был, как говорится на жаргоне реставраторов и журналистов, в конце концов, спасен или, что он, мол, уцелел, или, что его удалось уберечь от уничтожения, то есть я, к моему великому сожалению, ни разу не причинил так называемого невосполнимого ущерба, но все равно австрийские газеты, особенно некоторые из них, неизменно до умопомрачения печатали вздор о так называемом невосполнимом ущербе, с чудовищным количеством нулей, обязательно черно-красного или черно-желтого цвета, поскольку какой-то лишенный вкуса и воображения редактор позвонил какому-то лишенному вкуса и воображения маршанду или историку искусства, который сказал ему: пять миллионов, десять миллионов, пятнадцать миллионов, поскольку на таком-то и на таком-то аукционе за столько ушел Портрет малопривлекательной мещанки в брыжах, а это тот же автор и тот же период. Но я бы никогда не облил Портрет малопривлекательной мещанки в брыжах серной кислотой, виси он хоть рама в раму с Автопортретом Рембрандта, хотя как раз автопортреты Рембрандта и Портрет Титуса, один лучше другого, в головах музейных работников настолько похожи, что слились у них в один цикл и в венском Музее истории искусств висят для меня удобно, бок о бок; но, предположим, висят они отдельно, а зал — больше нынешнего, тогда мне придется бежать от одного к другому, а я, к примеру,

вывихнул ногу в щиколотке и не то что бежать передвигаться почти не могу, но все равно я не оболью серной кислотой Портрет малопривлекательной мещанки в брыжах, я предпочитаю остановиться на одном, зато шедевральном Рембрандте, остается лишь вопрос долгих раздумий, какой автопортрет выбрать для этой цели, причем не исключено, что, в конце концов, я остановлюсь на Портрете Титуса, который в моем понимании вовсе не уступает наилучшим автопортретам Рембрандта. Однако все это зависит от пропуска, и если вы думаете, что в Медицинском центре при замке Иммендорф получить такой пропуск проще простого, то вы сильно ошибаетесь, впрочем, у меня нет ни малейших оснований думать, что кто-то считает получение такого пропуска пустячным делом, наоборот, о таких заведениях говорят: дом без дверных ручек, то есть, вроде как, войти туда — войдешь, а вот выйти — гораздо труднее, хотя, естественно, в Медицинском центре при замке Иммендорф немало дверных ручек, прекрасно смазанных санитаром Эггером, которые не только образцово служат, как и всё в Медицинском центре при замке Иммендорф, они не только легко ходят вверх и вниз, приводя в движение открывающий и закрывающий механизм, но также, как следствие, позволяют свободно перемещаться между комнатами пациентов, общими залами, коридорами, туалетами, так как в вопросе замков как дирекция, так и персонал Медицинского центра при замке Иммендорф проявляют далеко идущий либерализм. Однако, если присмотреться к сложной по форме глыбе Медицинского центра при замке Иммендорф, то есть фактически к сложной по форме глыбе замка Иммендорф как такового, который в какой-то степени напоминает набор каменных детских кубиков фирмы «Анкер», а на самом деле не детских, а коллекционерских, элитных, в которые никто не играет и которые вечно остаются лежать на соответствующей полке в соответствующей коробке, аккуратно сложенные, вплотную друг к другу, отдельно серо-бежевые для строительства каменных стен, в том числе их зубчатые гребни, хитроумно уложенные один в один в углу коробки, дальше идут только красные, на крыши, требующие особого внимания, когда соединяешь их друг с другом так, чтобы все кривизны крыши идеально совпадали, и наконец, отдельно те, более темные, серо-голубые — это обрамления окон, иными словами, присмотревшись, можно убедиться, что и двери тут необыкновенные, а к этим необыкновенным дверям прикручены необыкновенные дверные ручки, которые нуждаются в особом обращении. Естественно, особое обращение касается не только дверных ручек и самих дверей, но и всего, что с ними связано, то есть портьера и сторожа,

исполняющего по стечению обстоятельств свои обязанности в сторожевой будке, которая некогда была домиком садовника и оставалась домиком садовника до тех пор, пока замок Иммендорф оставался замком Иммендорф, но когда он стал Медицинским центром при замке Иммендорф, домик подвергся прямо-таки ужасному разрушению, став обиталищем сторожа Ауэрбаха и сторожа Длугого, двух личностей, которые, даже захоти они стать садовниками, их бы никогда не приняли на эту должность, ведь она требует возвышенных чувств, чтобы не сказать человеческих, ибо насколько человек, сам по себе, тверд и может целые годы выдерживать нечеловеческое обращение сторожа Длугого и сторожа Ауэрбаха, на что имеются многочисленные доказательства, настолько растения, подвергающиеся нечеловеческому обращению со стороны людей с нечеловеческими чувствами, неизбежно хиреют и умирают. Особое обращение означает, что не достаточно нажать рукой на дверную ручку (хотя подобное сдает экзамен с другими ручками и дверьми в Медицинском центре при замке Иммендорф), надо еще представить соответствующему лицу соответствующую бумагу, выданную Секретариатом по делам контактов с пациентами и их семьями, скрепленную печатью Секретариата по делам контактов с пациентами и их семьями, а также за подписью главного врача Медицинского центра при замке Иммендорф, доктора Ганса Арнима Келманна, проставленной неизменно чернилами лилового оттенка, так что все те, или, скорее всего, все те, кто обращает внимание на такие вещи, как оттенок чернил, считают это некой экстравагантностью, одновременно, впрочем, добавляя, что главный врач психиатрической клиники мог бы пойти в своей экстравагантности значительно дальше, чем выбор столь редкого оттенка чернил, которые специально для него присылают из Линца. Получение пропуска — дело непростое, есть пациенты, которые не могут получить его годами, но есть и такие, что получают его часто, а по мнению некоторых австрийских газет, даже слишком часто, возмутительно часто, до безумия часто, причем для получения пропуска не имеет значения, что это за болезнь: легкое недомогание или нечто серьезное, иными словами, является ли пациент обычным беспокойным гражданином, нуждающимся в нескольких месяцах спокойствия в уединении, или же опасным преступником, которому суд отказывается назначить наказание по той простой причине, что судебный эксперт, впрочем, частенько, это кто-то из сотрудников Медицинского центра при замке Иммендорф, а нередко и сам главный врач, доктор Ганс Арним Кельманн, так вот они сочли, что у оного преступника или, если быть точнее, приняв во внимание

линию защиты, больного, в момент совершения преступления степень вменяемости и оценка совершаемого деяния были в значительной мере ограничены. Можно даже сказать, что шансов на получение пропуска у недомогающих пациентов зачастую намного меньше, чем у тяжелобольных, поскольку недомогающие пациенты все время сохраняют наивную веру — а, говоря «все время», я имею в виду иногда даже целые десятилетия, в течение которых они из-за своего недомогания пребывают то в одной, то в другой клинике или больнице, то в одном, то в другом медицинском центре — так вот, они все время сохраняют этакую наивную, не известно откуда берущуюся веру, ведь не из опыта же, накопленного в клиниках, больницах и медицинских центрах, веру в то, что врачи — их союзники, хотя врачи на протяжении многих лет трактовали их не как союзников, а как самых заклятых врагов, которые попались им в руки, благодаря чему их можно без особого труда мучить то так, то этак, как психически, так и физически; причем только исключительно наивный человек думает, что настоящий врач не будет мучить больного исключительно психически, если может мучить его вдобавок и физически, а также исключительно физически, если может мучить его вдобавок и психически, к тому же всеми возможными способами. Из чего можно заключить, что недомогающие пациенты, а точнее следовало бы сказать, так называемые недомогающие пациенты, считающие врачей своими союзниками, соглашаются на очередное лечение, будто они совершенно лишены инстинкта самосохранения, из-за чего нередко в первый раз попадают в больницу (существуют тому многочисленные доказательства даже в такой небольшой клинике, как Медицинский центр при замке Иммендорф) почти совершенно здоровыми, со своего рода, позволю себе так выразиться, душевной хрипотцой, но последующие годы и месяцы мало помалу превращают их в руину человека, присупоненного кожаными ремнями к стальной койке, поскольку в своей неумеренности они соглашались то на диазепам и галоперидол, то на препараты первой генерации, второй генерации, третьей генерации, соглашались на групповую терапию, на поведенческую терапию, наконец, на лоботомию и в то же самое время день за днем соглашались на совершенно нечеловеческое обращение с ними врачей и остального персонала, начиная со сторожей Ауэрбаха и Длугого, и кончая главным врачом доктором Гансом Арнимом Келманном. Так называемые недомогающие пациенты легко соглашаются на очередное лечение, поскольку они беспокоятся о своем здоровье, поскольку они глубоко убеждены, что их душевную хрипотцу вылечить несложно; так, вероятнее всего, и случилось бы, не переступи они в свое время порога клиники,

больницы или медицинского центра; им вместо этого следовало бы отлежаться пару дней или месяцев на кушетке в комнате, с окнами выходящими во двор, и там пережить самый тяжелый приступ душевной хрипотцы, но нет ведь, взяли они себя в руки, уложили в сумку пижаму, косметичку и легкое чтиво и сделали один-единственный шаг, который не следовало было делать, — то есть переступили порог клиники, не ведая, что вот так они подписали себе окончательный приговор. А поскольку они рассчитывают на быстрое излечение, то, видя во врачах своих союзников, они начинают им рассказывать о каждом, даже пустячном симптоме: беспокойный сон, головокружение, почесуха, думая, что это приблизит выздоровление, тем временем, врачи в своих Таблицах страданий и терапии выискивают беспокойный сон, головокружение и почесуху, после чего приносят им назначение на конкретное лечение, которое так называемые недомогающие больные подписывают, не ведая, что это вовсе не путь к выздоровлению, а к эволюции болезни, к превращению ее из душевной хрипотцы в душевное воспаление легких, туберкулез и, наконец, смерть. Из-за этого так называемые недомогающие больные становятся в данной клинике, или больнице, или в данном медицинском центре, по сути, самыми тяжелыми больными и со временем превращаются не только в руины, они вместе с тем — что мне кажется довольно занятным — становятся пациентами, особенно благодарными врачам за то, что те сломали им жизнь, ведь ни один раб, выкупленный с турецких галер, ни одна мать, которой тот или иной святой воскресил ребенка, что с мельчайшими деталями прописано на вотивной иконе, не светятся такой благодарностью, как так называемые недомогающие больные на завершающей стадии болезни, когда от них уже отвернулся последний член семьи, когда их уже не посещает любимая племянница из австрийской Штирии или лучшая подружка с так называемой школьной скамьи, хотя в школах уже давно сидят на стульях, а не на скамьях, да-да, именно тогда они достигают поистине вершин благодарности, что, естественно, побуждает врачей лишь усилить свои истязания. В отличие от них так называемые тяжело больные не имеют ни малейших иллюзий по части выздоровления; надо быть последним идиотом, чтобы верить в излечение от тяжкой психической болезни, но среди так называемых тяжело больных идиоты практически не встречаются, а коль скоро они не верят, то находятся в абсолютной ясности ума и в полном блеска убеждении, что именно вот это и есть их жизнь, другой не будет, не произойдет никакого выздоровления, никакого идиллического возвращения на кушетку в тишайшей комнате, с окнами выходящими во двор, к жене, что, стоя на

подоконнике, преспокойно моет окно, насвистывая шлягер группы АББА; нет, они знают, что уже не будет ни так называемой нормальной жизни, ни так называемой нормальной семьи, ни так называемой нормальной еды, поэтому они гораздо бдительнее в отношении врачей и, если когда-то и была у них наивная вера во врачебную порядочность и добросовестность, то очень скоро они сориентировались в своей реальной ситуации. Так называемые тяжелобольные имеют симптомы, целую массу симптомов, за которые недомогающие больные, всегда охотно рассказывающие врачам несусветные глупости, готовы порезать себя на куски, лишь бы узнать эти симптомы; тяжело больные, во время сна ли или идя по коридору, переживают такие вещи, от которых недомогающим больным волосы бы встали дыбом не только на голове и загривке, но и на ногах, тем не менее, отвечая на вопрос врача: были ли у них в последнее время какие-нибудь особо неприятные ощущения, они улыбаются, пожимают плечами или в сотый раз жалуются на качество еды, что даже у довольно опытных врачей отбивает охоту расспрашивать, вот почему это коронный номер в репертуаре выходок любого тяжело больного, ведь даже самый сильный, самый хитрый и охочий до жестокости врач, капитулирует, услышав о холодных комочках в картофельном пюре и сплошняком сером гарнире из морковки с горошком, где горошек отличишь от морковки исключительно по форме. Поэтому недомогающие больные фактически не получают пропусков, впрочем, их это особо и не волнует — они убеждены, что, благодаря сотрудничеству с врачами, недельки через две-три они вернутся к своей нормальной жизни, нормальной семье и нормальной еде; зато тяжело больные, по причине глубокого понимания того, как функционирует больница, а также по причине отсутствия доверия к врачам, скрывают какие бы то ни было симптомы и посвящают массу времени и внимания на то, чтобы доказать свою нормальность и тем самым виртуозно маскируют свою болезнь, которую знают гораздо лучше, если не сказать интимнее, чем недомогающие больные, в результате чего могут получить пропуск намного чаще, хотя, конечно, и не так часто, независимо от того, что по сему поводу пишут некоторые австрийские газеты, которые, пожалуй, не употребляют слова часто с таким упоением и в сочетании с такими наречиями, как тогда, когда речь заходит о пропусках для пациентов психиатрических больниц. В моем случае самой естественной маскировкой в последнее время была, ясное дело, трудотерапия, конкретно та трудотерапия, которую я глубоко, всеми фибрами своей души, испокон веков не переношу, иными словами: занятия в художественных классах с доктором Паулем Иммерфоллем, да-да, тем самым, известным во всем

мире доктором Паулем Иммерфоллем, седовласым, приятной наружности врачом, телевизионным экспертом по психическому здоровью, ведь на телевидении нельзя быть экспертом по психическим заболеваниям, можно только по психическому здоровью, так вот, тем самым Паулем Иммерфоллем, похожим на беженца из телесериала про врачей, с неотъемлемыми очками в золотой оправе, соавтором множества памятных книг по случаю девяностолетия другого известного во всем мире доктора, украшением не одной научной конференции, а также автором и соавтором бесчисленных научных работ, в которых он — с чутьем, по мнению его самого и его коллег, редким даже среди врачейпсихологов, которые по их собственному мнению и мнению их коллег, имеют обостренное чутье — занимался проблематикой лечения посредством искусства. В понимании доктора Пауля Иммерфолля, а также его коллег, лечение посредством искусства основано на создании произведений искусства, то есть следует обклеивать картонку цветными лоскутками, лепить бесформенные фигурки из соленого теста или глины, марать недорогую бумагу недорогими восковыми мелками или такими же недорогими карандашами, о чем мне приходится говорить в связи с тем, что ни одно искусство не допускает отсутствия уважения к инструменту, а тем временем у врачейспециалистов по терапии посредством искусства нет ни малейшего уважения к инструменту, что следует, само собой, из того, что у них нет ни малейшего уважения к своим пациентам, поэтому они и покупают самые дешевые мелки и самые дешевые карандаши, а также самую дешевую бумагу и самые дешевые акварельные краски, которые готовы разводить в самой дешевой воде из-под крана, будь эта вода дорогой или дешевой, ведь вопреки тому, что они гласят, они не считают своих пациентов художниками, а только пачкунами, портящими мелки, бумагу и соленое тесто, которые покупаются на средства из и без того уже стесненного бюджета больницы, что никогда не преминут заметить. Поэтому — что типично для врачей, для тех, кто снискал высочайшую славу, славу международного уровня — рассказывая о своих впечатлениях о работе с художниками, но не на конференции, а в кругу ближайших коллег, они никогда не назовут пациентов художниками, наоборот, усаживаясь зачастую в кресло и разглаживая складки врачебного халата, они закладывают ногу на ногу и говорят: это художник? ну-ну, художником был такой, например, Дюрер, Моне, Мане, Ренуар — о да, Ренуар! как и все люди, лишенные даже зачатков вкуса, они больше всего ценят Ренуара, этого повелителя безвкусицы, этого художника профилей Марии Антуаннеты на вазочках, который попал в музеи в результате несчастливого стечения

обстоятельств, несчастливого для всей истории искусства, а также для всех тех, кто несмотря на воспитание в австрийской школе и хождения по австрийским улицам, а также несмотря на так называемое общение с произведениями искусства, не лишен той исчезающе малой частички вкуса; о, Тициан, говорят они еще, вот это художник, достаточно взглянуть на его размашистый мазок! Ведь врачи, как правило, знают только одну ходкую банальность для определения данного художника, банальность, которая приклеена, привязана к его имени крепко-накрепко: Тициан — размашистый мазок, Леонардо внушающая уважение сила гения, Боттичелли — неземное наслаждение, Рембрандт — самые лучшие импасто^[1] в истории искусства, Вермеер — поистине фотографическая точность, Дюрер — прямо-таки каллиграфическая линия, Рубенс божественные округлости, ведь, само собой разумеется, они никогда не присматривались к комете, которую Дюрер рукой импрессиониста прорисовал на обратной стороне гравюры Святого Иеронима, они не помнят, что Изабелла Брант^[2] умерла, прежде чем ее раскормили муж и время, и была она худенькой девушкой, сидящей под кустом жимолости, что Боттичелли — это целые бочки горечи и страданий, что Вермеер — нечто большее, чем фотографическое отображение бликов света на краю облитого глазурью кувшина, что это сотворение света наново, и так далее, и так далее, все это для них не имеет никакого значения, так как с искусством они знакомы, пожалуй, только по альбому «Тысяча самых значительных произведений искусства», лежащему на кофейном столике в салоне, и даже когда они буквально умирают со скуки в своем кабинете, нет, чтобы спуститься в библиотеку за папкой «Шедевры итальянской живописи» и бросить взгляд на несколько репродукций, ведь для глаза это вопрос просто-напросто элементарной гигиены, это как почистить зубы или вымыть руки после туалета, но нет, они ведут негигиеническую жизнь во всех отношениях, и отсутствие гигиены глаза тут не исключение. А потому и говорят: Тициан — вот это художник, или Дюрер, или Вермеер; возьми такой даже самую дешевую, как у нас, бумагу, самые дешевые восковые мелки и самые дешевые плакатные краски, и шедевр готов, ибо искусство — это величие духа, это мощь видения, это врожденный талант, а эти, с наших занятий, если и есть у них что-то врожденное, то одни лишь изъяны, ха-хаха, хорошо сказано, говорит второй, очень хорошо сказано, врожденные изъяны, да, в этом что-что есть, ведь художник, скажем, Боттичелли — это неземное наслаждение, верноверно, это уже тот, первый, у Боттичелли неземное наслаждение, он совершенно не похож на Леонардо, но велик,

да-да, соглашается с ним второй, тем не менее, Леонардо — это нечто иное, это внушающая уважение сила гения, как-то мы с Дорой посетили выставку машин Леонардо, просто так, пользуясь случаем, уже и не вспомню, где, наверно, в Иннсбруке, такая передвижная выставка, понимаешь, и должен тебе сказать, именно так я и подумал: внушающая уважение сила гения! При этом, стоит обратить внимание, что они называют всегда одни и те же фамилии, всегда те же самые пять, десять, максимум пятнадцать фамилий, в основном итальянских, голландских и французских: Джотто, Леонардо, Рафаэль, Боттичелли, Дюрер, Вермеер, Тициан, Веронезе, Рембрандт, Рубенс, Ренуар, Дега, Мане, а после него всегда Моне, хотя одного от другого они не отличают, Пикассо, но ни в коем случае не Ван Гог; я не раз слышал разговоры врачейпсихиатров о художниках, однако ни разу не слышал, чтобы они упомянули этого художника, который действительно лечился у психиатров; наоборот, они обходят Ван Гога и как художника, и как пациента абсолютным молчанием, о Ван Гоге нет ни единой ходкой и банальной фразы, которую бы использовали врачи-психиатры. Такой зависимости я не заметил ни у кардиологов, ни у нефрологов, ни у терапевтов, наоборот, у них есть свои банальные фразы о Ван Гоге, и они их используют с истинным самозабвением: все-таки Ван Гог это нечто большее, чем отрезанное ухо, Ван Гог — в его вибрирующих красках чувствуется страстность юга, Ван Гог гениальный самоучка; меж тем психиатры ни словом о нем не обмолвятся, будто и не существовало его не только как художника, но и как пациента, из разговоров врачейпсихиатров о живописи и трудотерапии он вычеркнут решительно и неопровержимо. Можно даже сказать так: то, что они сторонятся разговоров о Ван Гоге, сторонятся самого Ван Гога, не разбираются в Ван Гоге, относится к железным принципам и традиции этой профессии, ведь врачипсихиатры с самого начала не уяснили себе, кто он таков, видя в нем недомогающего пациента, а он эту роль, роль недомогающего пациента, принял со всем тем, что с нею связано, то есть с мучениями и изматывающей терапией, которая в конце концов привела его к смерти, так как должна была привести к смерти, но ведь прежде, чем его настигла, она открыла дорогу многочисленным мучениям, как чисто медицинским, так и совершенно далеким от медицины, припасенным врачами-психиатрами; взять хотя бы доктора Пейрон из Сен-Реми-де-Прованс, который все картины, оставленные Ван Гогом в больнице, распределил следующим образом: портреты он отнес своему сыну, великолепному стрелку, который, говорят, со ста метров мог попасть человеку в глаз, и тот за несколько недель порвал холсты в лоскуты;

остальные же разделил между часовщиком Ванелем, тоже любителем пострелять, а также фотографом, художникомдилетантом, который соскоблил с них краску и на очищенном полотне нарисовал прованские пейзажики, в которых врачпсихиатр, доктор Пейрон из Сен-Реми-де-Прованс, наконецто смог разглядеть произведение искусства. Кто-то, настолько наивный, чтобы верить в наличие высоких чувств у врачейпсихиатров, мог бы заподозрить, что в данном случае их мучают угрызения совести, но лично я, будучи свободным от подобного рода глупых предубеждений, знаю, что это и физически, и психически невозможно, что в процессе обучения каждый врач теряет большую часть своих высоких чувств, между тем психиатры, все без исключения, теряют их целиком и полностью; а о Ван Гоге они не говорят по той простой причине, что, несмотря на разработку всемирно известных программ лечения посредством терапии искусством, они не в состоянии соединить в своем мозгу искусство и психическую болезнь, они могут видеть в человеке либо художника, либо больного, а мы знаем, кто хоть однажды был признан недомогающим больным, тот никогда им быть не перестанет и в глазах врача-психиатра навсегда останется недомогающим больным, которого в соответствии с Таблицами страданий и терапии следует загнать в гроб. Если говорить обо мне, то меня признали недомогающим больным еще в раннем возрасте, в четырнадцать, может, пятнадцать лет, когда я по собственной воле пошел на прием к врачу-психиатру, по собственной воле, без чьего-либо принуждения, обеспокоенный некими симптомами, которые сегодня я распознаю в любом не лишенном вкуса и впечатлительности молодом человеке, пошел в университетскую больницу и был на приеме у врачапсихиатра, который после пяти минут разговора поправил очки в проволочной оправе, облокотился на край письменного стола и произнес эти ужасные слова: ничего страшного, болезнь несерьезная, для здоровья ваше расстройство не опасно, это своего рода душевная хрипотца, с которой нужно отлежаться на больничной койке. Вот тут-то он, как Лесной царь, и похитил меня, похитил на многие годы, на восемь, десять, двенадцать лет уволок меня в иллюзию так называемого недомогания, где я принимал его за своего союзника и делился с ним каждым, даже малосущественным симптомом, который чаще всего был попросту проявлением жизни в его необычайном разнообразии, необычайном даже за стенами больницы или медицинского центра. А он не оставался моим должником, он вместе со своими коллегами назначал мне диазепам и галоперидол, назначал электрошоки и инсулиновые шоки, назначал групповую терапию и поведенческую терапию, назначал антидепрессанты, седативные средства и

нейролептики, а я месяц от месяца, год от года был ему за все его старания все больше и больше благодарен, целыми днями напролет лежал я на койке, уставившись в стенку, или, сидя на террасе больницы и прикуривая одну сигарету от другой, размышлял, как бы тут получше, от всего сердца выразить ему свою безграничную благодарность за электрошоки и инсулиновые шоки, за нейролептики и седативные средства, которые должны были постепенно вытащить меня из легкой душевной хрипотцы, а на самом деле загнали в хроническую и тяжкую болезнь, до сих пор по-иезуитски называемую пустячным недомоганием.

Перевод Ольги Лободзинской

- 1. Приём в живописи в виде густой, сочной накладки красок для усиления эффекта света и фактуры. Примеч. пер.
- 2. Первая жена фламандского живописца Питера Пауля Рубенса. Умерла в возрасте 34 лет от чумы. Примеч. пер.

«Доктор Живаго» на станке парижской «Культуры»

«Доктор Живаго» на станке парижской «Культуры»

В свое время Здзислав Кудельский опубликовал в «Новой Польше» переписку Ежи Гедройца с Густавом Герлингом-Грудзинским, касающуюся польского издания романа Бориса Пастернака. Полагаю, что стоит вернуться к этой теме, вспомнив некоторые аспекты той переписки, на этот раз в контексте других писем редактора парижской «Культуры» и его адресатов.

Публикация романа «Доктор Живаго» была крупнейшим успехом издательства «Инстытут литерацки». В общей сложности там вышло пять изданий романа Пастернака (два в 1959, затем в 1967, 1972 и 1974 гг.), совокупный тираж которых достиг 11 тыс. экземпляров.

На основе архивных материалов^[1] можно воссоздать процесс подготовки польского издания «Доктора Живаго». Мои выписки касаются издательских вопросов и не отражают аспектов, связанных с реакцией на роман.

18 октября 1957

Густав Герлинг-Грудзинский $^{[2]}$ — Ежи Гедройцу: «В ноябре выходит итальянский перевод огромного (650 страниц!) романа Бориса Пастернака, о котором мне еще в 48-м году говорил в Лондоне Котт $^{[3]}$, что это единственное великое произведение русской литературы, написанное "в стол"» $^{[4]}$.

25 октября 1957

Ежи Гедройц — Густаву Герлингу-Грудзинскому: «Если говорить о Пастернаке, то рукопись, по-видимому, этой книги курсирует в Польше — не исключено, что я ее получу. Ее привезли поляки с Фестиваля молодежи. Интересно, что мнения их об этой книге отрицательны: что книга попросту очень слабая и что издание имело бы, собственно, только смысл политической демонстрации».

12 ноября 1957

Густав Герлинг-Грудзинский — Ежи Гедройцу:

«Мнение Ваших молодых собеседников о романе Пастернака находит подтверждение в том, что неделю назад рассказывал мне в Риме проф. Рипеллино^[5], переводчик поэзии Пастернака, который недавно вернулся из Москвы (где виделся с П.) и на обратном пути остановился в Варшаве, где благодаря любезности владельца вроде бы единственного экземпляра романа в Польше Земовита Федецкого^[6] смог его прочитать. Роман действительно слабый, но в нем есть, по мнению моего информатора, несколько отличных и сильных фрагментов, которые делают невозможным его издание как в России, так и в Польше.

На днях я получу из «Темпо презенте»^[7] пробный экземпляр итальянского издания (роман появится в продаже только под конец ноября) и смогу выработать собственное мнение».

5 января 1958

Ежи Гедройц — Анджею Бобковскому^[8]: «Я хочу издать на польском «Доктора Живаго» Бориса Пастернака, который только что вышел в Италии и обещает стать мировым бестселлером. Это бомба, а не книга. Хотелось бы мне, чтобы в нашей стране был такой же великий и одновременно смелый писатель»^[9]..

12 января 1958

Ежи Гедройц — Густаву Герлингу-Грудзинскому: «Что касается Пастернака, то, с одной стороны, жду ответа от итальянского издателя, которому уже писал Еленский, и пытаюсь раскрутить нескольких богатых знакомых, чтобы они поиграли в меценатов. Это огромные затраты, а притом заранее известно, что издание будет убыточным: Польша берет задаром, а эмиграция читает всё меньше».

19 февраля 1958

Ежи Гедройц — Густаву Герлингу-Грудзинскому: «Федецкий по-прежнему упорствует, что «Доктор Живаго» — очень слабая книга, и это мнение даже охладило его взаимоотношения с Пастернаком, с которым он не только дружил, но даже жил у него. По его мнению, выдающаяся книга — «Глейт»^[10] (не уверен в названии, потому что письмо получил с оказией, и оно весьма неразборчиво, а книги такой я не знаю). Это не мешает ПИВу^[11] [польскому Госиздату], несмотря на отсутствие шансов, прилагать старания к выходу по-польски. В связи с этим я оставляю свои проекты, и это тем легче, что до сих пор еще не вижу денег на издание такой огромной книги».

22 февраля 1958

Густав Герлинг-Грудзинский — Ежи Гедройцу: «В Риме мне говорили, что итальянский издатель романа П[астернака] (который, хоть и коммунист, один из самых богатых в Италии промышленников) носится с замыслом издать за свой счет русский оригинал «Доктора Живаго». Быть может, если ПИВ раздумает или натолкнется на непреодолимые препятствия, можно будет через итальянских знакомых вытянуть у Фельтринелли пару грошей на издание польского перевода в «Библиотеке "Культуры"»».

26 февраля 1958

Ежи Гедройц — Анджею Бобковскому:

«Пастернака пока что не издаю, primo, поскольку нет денег, а я в огромных долгах. Но главная причина в том, что я жду окончательного решения относительно издания романа в Польше. Там есть пара благородных идиотов, которые думают, что им это удастся. Я должен дождаться официального запрета, который, я уверен, не за горами. Впрочем, я рассчитываю на неопубликованную рукопись Пастернака, с которым пытаюсь установить контакт, пусть и весьма окольным путем. Однако первые результаты уже есть: скорее всего, для российского номера у меня будет уйма его новых стихов, неопубликованных и никому не известных».

25 октября 1958

Ежи Гедройц — Густаву Герлингу-Грудзинскому:

«С Пастернаком небывалая сенсация^[12]. Может, самая большая — само поведение Пастернака. Несколько лет тому назад это было бы непредставимо. Какой отличный урок польским литераторам. А propos Пастернака: здесь Федецкий, который, кстати, на днях собирается в Неаполь. Очень симпатичный и любопытный. С упорством продолжает твердить, что «Доктор Живаго» — это графомания, но подозреваю, что начинает мучиться угрызениями совести за растраченные возможности: рукопись была у них еще пару лет назад, и в 56-57-м году были шансы напечатать это в Польше. Кто знает, не стоит ли издать это по-польски сейчас. Буду пытаться заинтересовать этим какой-нибудь американский фонд, потому что у них прорусские склонности. Только кто мог бы это хорошо перевести?».

28 октября 1958

Ежи Гедройц — Чеславу Милошу:

«Не хотите ли написать короткую заметку о Пастернаке в связи с получением им Нобелевской премии и развернувшейся

против него кампании?^[13] Будь у меня деньги, мне бы очень хотелось, чтобы Вы перевели «Доктора Живаго» вместе с поэтическим разделом. Хотя, конечно, деньги тут нужны очень большие»^[14].

29 октября 1958

Ежи Гедройц — Густаву Герлингу-Грудзинскому:

«У меня к вам огромная и срочная просьба. А именно: не могли бы Вы помочь в получении у итальянского издателя авторских прав на польский перевод «Доктора Живаго»? Разумеется, важно и то, чтобы заплатить за права как можно меньше. Вся идея совершенно безумная, так как я еще не знаю, откуда и как добуду деньги на издание — а тут нужны большие деньги, — но сначала я должен иметь гарантированные права».

30 октября 1958

Густав Герлинг-Грудзинский — Ежи Гедройцу:

«Федецкому просто самолюбие не позволяет признаться в ошибке, допущенной в оценке. Такое же явление я наблюдаю и у его друга Рипеллино.

Если вам удастся раздобыть средства на польское издание «Доктора Живаго», то перевести этот роман с русского оригинала мог бы только Ю. Мацкевич^[15]. Если невозможно будет найти русский текст, то я сам был бы готов посвятить около 10 месяцев жизни, чтобы перевести роман с итальянского (но только после осуществления моих собственных писательских планов, то есть начиная с мая-июня будущего года). Разумеется, в обоих случаях стихи доктора Живаго должен был бы перевести Милош».

2 ноября 1958

Густав Герлинг-Грудзинский — Ежи Гедройцу:

«Судя по результатам моих телефоннных переговоров с Римом, на расстоянии мало что удается сделать в вопросе получения авторских прав на польский перевод «Д.Ж.», поэтому завтра, вероятно, поеду в Рим. Разумеется, дам Вам знать, если удастся выяснить что-то конкретное».

3 ноября 1958

Ежи Гедройц — Густаву Герлингу-Грудзинскому: «Если бы дело дошло до издания у меня, то переводом занялся бы Федецкий вместе со всей группой «Опинье» [16] сразу после возвращения в Варшаву. Не говоря уже о том, что я ценю Федецкого как русиста, я считаю успехом, что несколько писателей в Польше решаются сделать что-то неподцензурное.

Федецкий, кстати, в будущем году едет в Москву, а поскольку он

дружит с Пастернаком, то как-то довезет ему экз. и устроит кой-какой шум среди русских «ревизионистов». Может, из этого выйдет какой-то контакт и сотрудничество на будущее. Несомненно, если говорить о стихах, то это мог бы быть только Милош».

6 ноября 1958

Густав Герлинг-Грудзинский — Ежи Гедройцу: «Вчера вернулся из двухдневной поездки в Рим. Дело выглядит следующим образом. После многочасовых разговоров (от которых у меня голова всё еще пухнет) мне удалось полностью убедить директора римского представительства Фельтринелли Серджо Д'Анджело $^{[17]}$ (я с ним подружился: это бывший коммунист, и именно он, как бывший представитель Фельтринелли в Москве, раздобыл у Пастернака рукопись «Доктора Живаго»). Сам он, однако, не мог принять решение и сразу написал письмо Фельтринелли (который в настоящий момент в Лондоне), представив нашу просьбу в самом благоприятном свете. Трудности — не финансового порядка (Фельтринелли считается одним из самых богатых людей в Италии), но «политического»: мне пришлось его убедить, что «Культура» — левая группа и не принимает участие в американской холодной войне. Дело в том, что — хотя Фельтринелли и вышел из партии — он остался чувствителен к некоторым вопросам, о которых Вы догадываетесь. Уже из этого я делаю вывод, что у «Free Europe Press» нет здесь никаких шансов и что если Ф. даст польские права, то только нам».

7 ноября 1958

Ежи Гедройц — Густаву Герлингу-Грудзинскому: «Если говорить о ближайшем номере «Культуры», то он выйдет под знаком «Живаго» и будет, без всякого преувеличения, выгодно отличаться от всего того бреда, который пишут о Пастернаке на Западе»^[18].

13 ноября 1958

Густав Герлинг-Грудзинский — Ежи Гедройцу: «Был здесь Федецкий. Действительно очень милый и умный, при условии, что с ним не разговариваешь о «Докторе Живаго». В своем упрямстве он заходит так далеко, что более интересной находит новую русскую прозу типа... Овечкина^[19]. Это, по моему ощущению, вопрос престижа. Федецкий когда-то сказал Пастернаку, что роман ему не нравится, вызвал этим у П. немалую горечь, и теперь ему стыдно отступиться».

19 ноября 1958

Густав Герлинг-Грудзинский — Ежи Гедройцу: «Наконец-то победа! Вчера поздно вечером получил прилагаемую телеграмму. Ее содержание: «Согласие на перевод дано. Фельтринелли хочет с Вами поговорить, утром Вы застанете его в римской редакции».

Только что говорил по телефону с Фельтринелли. Речь идет только о том, чтобы Вы написали ему официальное письмо на фирменной бумаге с просьбой о разрешении, на которое он письменно ответит согласием».

28 ноября 1958

Земовит Федецкий пишет из Рима Ежи Гедройцу. Он готов, после возвращения в Польшу, совместно с Вацлавой Комарницкой $^{[20]}$ заняться переводом «Доктора Живаго». К работе он может приступить в середине января, а закончить ее 15 мая.

11 декабря 1958

Ежи Гедройц пишет Юзефу Мацкевичу^[21], предлагая ему перевести «Доктора Живаго». Мацкевич заинтересован, однако не может взяться за перевод в связи с большим объемом другой литературной работы и установленными Гедройцем жесткими сроками. Предлагает кандидатуру Михала Криспина Павликовского^[22].

5 января 1959

Ежи Гедройц предлагает перевод «Доктора Живаго» Михалу К. Павликовскому. Он уверен, что стихи из романа переведет Чеслав Милош. Павликовский соглашается, но через какое-то время отказывается.

Январь 1959

Чеслав Милош пишет Ежи Гедройцу^[23]:

«Зося^[24] спрашивала меня, не мог бы я перевести стихи Пастернака из «Доктора Живаго». Я сказал ей, что по этому поводу думаю: до сих пор я никогда не пытался переводить Пастернака, чьи стихи мне представляются непереводимыми. Я хотел бы когда-нибудь попробовать. Его стихи, опубликованные недавно в Польше, переведены очень плохо. Что из себя представляют стихи в «Докторе Живаго», я понятия не имею, а французский перевод не позволяет составить о них какого-либо представления. Ясно только, что это целый сборник. Если оригинал соответствует тому, что осталось во французском переводе — тогда игра не стоит свеч,

возня и хлопоты с этими стихами не окупятся их реальной ценностью.

Если Вы ставите своей целью издание «Живаго» на польском, то я должен добавить еще несколько замечаний. Мне не кажется, что сейчас это хорошая идея — хорошей она была бы несколько месяцев назад. По-моему, «Культура» должна совершить сейчас «отказной» маневр — говорю это, зная, что Вы не цените моих советов. Я имею в виду, что в условиях холодной войны «Культура» не должна позволять навязать себе роль антикоммунистического издательства, поскольку это может серьезно ослабить ее долгосрочное влияние и осложнить работу. (...) Ситуация же с романом Пастернака является результатом вручения Нобелевской премии и поднятой антикоммунистическими силами шумихи, причем, неудачной. (...) Чутье подсказывает мне, что издание «Живаго» по-польски сейчас будет расценено как акция против Бориса Пастернака. А куда лучше быть за него.

Однако важнее всего то, что «Доктор Живаго» представляется мне неинтересным для польского читателя. Пастернак находится на другом этапе самосознания, который у польских читателей уже позади».

В очередном письме, также недатированном, Чеслав Милош пишет Ежи Гедройцу:

«Прочитал стихи Пастернака. Мне кажется, что это вещи очень неоднородные по своей художественной ценности, а намерения автора и вовсе представляют для меня загадку. Если мой диагноз верен, дело обстоит следующим образом. Пастернак — это своего рода аналог наших Тувима и Ивашкевича, его следовало бы поместить как раз посредине. Техника его соответствует приемам Скамандра, во всяком случае, некоторым ее аспектам. (...) Со времен Скамандра польская поэзия совершила огромный шаг вперед, опередив русскую поэзию на целых сто лет. В то время как религиозные стихи Пастернака возникли под влиянием Евангелия, совершенно в России (как мог бы предположить поэт) забытого. Отсюда двойственный характер <стихотворений Живаго>: с одной стороны, их так наз. душещипательность, для нас устаревшая, то есть стихи личного характера, слабые, ничуть не лучше послевоенного поэтического творчества Ивашкевича. С другой — религиозные стихи, представляющие из себя не что иное, как пересказ некоторых страниц Евангелия <своими словами> — явление, вполне объяснимое в стране, где Евангелие не принадлежит к числу распространенной литературы, но совершенно непонятное в странах, где то же самое Евангелие известно гораздо лучше.

Но даже при всем желании, перевести эти стихи я бы не смог. Если Вы хотите знать, почему, прочитайте стихотворение «Рождественская звезда» и обратите внимание на чередование рифм, особенно во второй его части. Я говорил с Вами о транскрипции. Но если убрать рифмы и этот регулярный ритм, исчезнет всё, поскольку больше там ничего нет — и останется посредственная проза. Это принципиально антиинтеллектуальная поэзия (а польская поэзия развилась не только в ритмическом, но в интеллектуальном отношении, отсюда среди молодых такой культ — пожалуй, чрезмерный — американской поэзии). (...)

Это поэзия человека, связанного не столько цензурой, сколько самой словесностью, топчущейся на одном месте. Если прозаик может многое почерпнуть для себя в русском XIX веке, то поэт — отнюль»^[25].

19 января 1959

Ежи Гедройц сообщает Густаву Герлингу-Грудзинскому, что Ежи Стемповский «взялся за перевод и намерен закончить его до мая. У меня просто камень с души упал. Открытым остается вопрос перевода поэтической части. Если Зб[игнев] Херберт^[26] за это не возьмется, то предложу [Юзефу] Лободовскому^[27]. Хочу в мартовском номере объявить подписку и сделать листовку о подписке, которую лондонская пресса, может быть, согласится добавить к своему тиражу^[28]. Как Вы знаете, я пессимист в том, что касается эмигр[антского] читательского рынка, однако истерия вокруг Пастернака может помочь. В таких обстоятельствах есть шансы, что книга будет готова к июлю, так что ее можно будет распространить на фестивале [молодежи и студентов^[29]], а значит, возможно, FE^[30] сколько-нибудь закупит».

В тот же день Ежи Гедройц пишет Юзефу Лободовскому, предлагая ему перевести стихи Юрия Живаго.

23 января 1959

Густав Герлинг-Грудзинский пишет Ежи Гедройцу: «Не могу избавиться от восхищения (приправленного легким скептицизмом), что Стемповский решил справиться с «Доктором Живаго» за 4 месяца. Это будет рекорд, тем более, что он опровергнет легенду о черепашьих темпах работы Гостовца [31]».

14 февраля 1959

После двукратного напоминания Юзеф Лободовский наконец

отвечает Ежи Гедройцу:

«Предложение принимаю тем охотнее, что многие из этих стихотворений у меня уже готовы. Их 25, разного, впрочем, качества, с очень сильными соседствуют довольно слабые, переводить которые мне не очень хочется, но ничего не поделаешь — я понимаю, что необходим весь цикл».

22 февраля 1959

Ежи Гедройц — Густаву Герлингу-Грудзинскому: «Доктор Живаго продвигается. Стемповский уже выслал мне две первые главы перевода. Действительно отлично. Если бы была премия для переводчиков, без всякого сомнения, ее следовало бы присудить ему. Переводы Лободовского, которые я тоже частично получил, также очень хороши. Начинаю большую — по моим возможностям — подписную кампанию. Перспективы скорее хорошие».

29 июня 1959

Ежи Гедройц — Густаву Герлингу-Грудзинскому: «"Живаго" готов, заканчиваем переплет и около 5 июля разошлем подписчикам. Удалось».

Издание «Института литерацкого» снабжено следующим примечанием:

«Благодарим всех, кто помогал нам в издании «Доктора Живаго» на польском языке, а в особенности г-на Джанджакомо Фельтринелли, миланского издателя, бесплатно предоставившего нам авторские права на польское издание, Конгресс свободы культуры в Париже, профинансировавший перевод, а также г-на Чарльза Меррилла-мл. [32] за оказанную материальную помощь».

4 августа 1959

Август Замойский^[33] пишет Ежи Гедройцу после получения экземпляра польского издания «Доктора Живаго»:

«Первое мое впечатление поистине колоссально, считаю, что перевод просто великолепен — это тот польский язык, которым в сегодняшней Польше никто не владеет. А особенно религиозные стихи!!!

У меня, разумеется, имеется здесь русский и франц[узский] тексты. Мнение мое пока не окончательно, но польский перевод столь для меня соблазнителен, что, возможно, прочитаю сейчас «Живаго» целиком.

Я, конечно, не принадлежу к читателям романов — эта литературная форма изрядно меня мучает.

Не знаю, прочитал ли я за свою жизнь хотя бы полтора десятка романов.

И все же у меня складывается впечатление, что «Живаго» лучше звучит в польском переводе, на польском языке. Искренне поздравляю Вас с этим изданием, а перед переводчиком снимаю шляпу.

Я не считаю Пастернака ВЕЛИКИМ поэтом, его религиозные стихи, [стихи Живаго], хоть и затрагивают метафизические темы и очень мне близки, нельзя назвать трансцендентными — им не хватает мистики. Они слишком повествовательны, конкретны, слишком «реально» сплавляются с «легендой» в одно целое. А от жены, которая с Пастернаком знакома лично, я знаю, что его взгляды на искусство и поэзию идентичны моим, о которых Вы, возможно, в курсе благодаря моей работе, опубликованной в «Искусстве и критике»^[34]. Впрочем, это чудо, что та работа вышла в П[ольше]! Ибо она по сути своей антагонистична безбожному коммунизму и соцреализму. Без Бога нет искусства, а тем более общественной жизни, и точно так же думает Пастернак».

24 августа 1959

Ежи Гедройц отвечает Августу Замойскому: «...очень рад, что Вы оцениваете нашего Живаго столь положительно. Экземпляр, разумеется, был отправлен автору. Ужасно жалко, что Ваша супруга [35] не едет в этом году в Москву. Я очень рассчитывал не только на автограф Пастернака для Меррилла, но и на очередные [подпольные] материалы».

23 января 1960

Ежи Гедройц — Августу Замойскому:

«Получил из Москвы письмо от Жоржа Нива^[36]. Он бегает к Пастернаку. Пастернак очень доволен польским переводом».

- 1. В архиве издательства «Инстытут литерацки» в Мезон-Лаффите доступна переписка Ежи Гедройца, в том числе копии отправляемых писем.
- 2. Густав Герлинг-Грудзинский (1919-2000) один из создателей «Культуры», прозаик, литературный критик.
- 3. Ян Котт (1914-2001) критик, эссеист, театровед.
- 4. Все цитаты из переписки Ежи Гедройца с Густавом Герлингом-Грудзинским приведены по: Сделайте все, что в Ваших силах, чтобы издать Пастернака. Из переписки Густава Герлинг-Грудзинского и Ежи Гедройца. Публикация

- Здзислава Кудельского. / пер. с польского Натальи Горбаневской // Новая Польша, 2011, № 9.
- 5. Анджело Мария Рипеллино (1923–1978) профессор русской и чешской литературы в Риме, поэт, эссеист и переводчик.
- 6. Земовит Федецкий (1923-2009) переводчик русской литературы, работал в редакции варшавского журнала «Твурчосць». В 1945-48 гг. был советником пресс-атташе посольства Польши в Москве, лично поддерживал финансово Бориса Пастернака.
- 7. В архиве Герлинга-Грудзинского в Неаполе сохранилось шесть писем редактора «Темпо презенте» Николя Хиаромонте (25 ноября 1957 25 февраля 1958) относительно польского издания «Доктора Живаго», о котором Герлинг-Грудзинский написал статьи в «Иль Мондо» и «Темпо презенте».
- 8. Анджей Бобковский (1913-1961) прозаик, публицист.
- 9. Ежи Гедройц, Анджей Бобковский. «Письма 1946-1961». Составление и предисловие Яна Зелинского. (Варшава: «Чительник», 1997), с. 499
- 10. Борис Пастернак, «Охранная грамота».
- 11. «Паньствовы инстытут выдавничи» («Государственный издательский институт») подписал (и вскоре расторг) договор на перевод «Доктора Живаго» с Северином Полляком.
- 12. Речь идет о присуждении Пастернаку Нобелевской премии.
- 13. Чеслав Милош, Комментарий к комментариям относительно Нобелевской премии // Культура, 1958, №12.
- 14. Ежи Гедройц, Чеслав Милош. «Письма 1952-1963». Составление и предисловие Марека Корната — Варшава: «Чительник», 2008, с.311.
- 15. Юзеф Мацкевич (1902–1985) прозаик, публицист, сотрудник русской эмигрантской прессы, в частности «Нового журнала» и «Русской мысли».
- 16. «Опинье» польский журнал, посвященный советской культуре. В 1957 году вышло два номера, после чего журнал был закрыт. Его главным редактором был Северин Полляк. В состав редакции также входили Земовит Федецкий и Ванда Падва. В «Опинье» (№2, июль-сентябрь, с.14-41) были напечатаны фрагменты «Доктора Живаго» в переводе Марии Монгирд.
- 17. В архиве Герлинга-Грудзинского в Неаполе хранятся письма Серджо Д'Анджело («Giangiacomo Feltrinelli Editore Roma») от 11 декабря 1958 г. и 24 февраля 1960 г., касающиеся книги

- Г. Герлинга-Грудзинского «От Горького до Пастернака» и прав на польское издание романа Пастернака.
- 18. См.: «Культура», 1958, №12. В номере опубликованы статьи Анджея Бобковского «Великий инквизитор», Чеслава Милоша «Комментарий к комментариям относительно Нобелевской премии», а также упомянутая статья Густава Герлинга-Грудзинского «Великая книга».
- 19. Валентин Овечкин (1904-1968) писатель и журналист, автор злободневных репортажей о жизни деревни.
- 20. Вацлава Комарницкая (1912–1984) переводчица, в основном английской литературы.
- 21. Юзеф Мацкевич, Барбара Топорская. Редакционная переписка «Культуры» Лондон: «Контра», 2015, с.134, 136, 143.
- 22. Михал Криспин Павликовский (1893–1972) публицист, преподаватель русского языка в Беркли, автор обзоров русской прессы в польском эмигрантском еженедельнике «Вядомосьци» (Лондон).
- 23. Ежи Гедройц, Чеслав Милош. «Письма 1952-1963». Составление и предисловие Марека Корната (Варшава: «Чительник», 2008), с.314-315. Письмо не датировано. Дата, указанная в настоящем издании (ноябрь 1958) — ошибочна.
- 24. Зофья Герц (1910-2003) ближайший сотрудник Ежи Гедройца.
- 25. Ежи Гедройц, Чеслав Милош. Письма 1952–1963 / Составление и предисловие Марека Корната Варшава: «Чительник», 2008, с.328–329.
- 26. Збигнев Херберт (1924-1998) поэт и эссеист.
- 27. Юзеф Лободовский (1924–1988) поэт, публицист, прозаик, переводчик русской, украинской и испанской поэзии.
- 28. Это была первая операция подобного рода в издательской деятельности Гедройца. Объявления о подписке появились в польской эмигрантской прессе в Европе и Канаде. Ход оказался необыкновенно успешным, предоплата была получена от 2,5 тыс. будущих читателей.
- 29. Фестиваль молодежи в Вене, 26 июля 4 августа 1959 года.
- 30. Издательство «Free Europe Press» приобретало у издательств книги с целью их дальнейшего распространения в странах восточного блока.
- 31. Павел Гостовец псевдоним Ежи Стемповского.
- 32. Чарльз Э. Меррилл (р.1920) преподаватель и научный

- деятель, филантроп. Некоторую сумму на издание книги также пожертвовал его брат, поэт Джеймс Меррилл (1926–1995).
- 33. Август Замойский (1893-1970) польский скульптор, живший во Франции.
- 34. Август Замойский. Искусство и субстанция // Искусство и критика. 1958, № 9 (сентябрь), с. 148–197.
- 35. Элен Пельтье-Замойская (1924-2012) французская русистка, жена Августа Замойского. Сыграла ключевую роль в передаче машинописных рукописей русских писателей (в первую очередь Андрея Синявского и Юлия Даниэля) в «Инстытут литерацки»
- 36. Жорж Нива (р.1935) французский славист.

Отчет

Отчет

Свой дебютантский сборник переводов «Из новой русской лирики», в котором — наряду с Гумилевым и Хлебниковым самое почетное место занял Борис Пастернак, я издал в 1936 году, но с автором мне суждено было познакомиться лишь спустя ровно два десятилетия. С поэзией Пастернака я столкнулся еще до того, как в Польше появились первые переводы его стихов, сделанные Тувимом и Броневским — и уже тогда она стала для меня глубоким потрясением, которое, в сущности, и определило мои будущие поэтические симпатии. Тогда же я начал переводить Пастернака. Помню, как путь к этой поэзии мне указали переводы Тувима, особенно «Из суеверья» — эта «коробка с красным померанцем», коробка, которая открылась, явив мне магию, волшебство и великолепие, легкость и глубину, лирику столь летучую, что почти неуловимую, уходящую вглубь, в размышления о предопределенности человеческих судеб. Сборник «Из новой русской лирики» я послал Пастернаку — и лишь по прошествии двадцати лет получил от самого поэта подтверждение, что книга была получена. В 1948 году, впервые попав в Москву в составе первой делегации польских писателей (о которой упоминает в своих дневниках Эренбург), я — хоть и ехал с мыслью, что непременно должен увидеться с Пастернаком — по ряду причин с ним не встретился. Прошло восемь лет. Марк Живов, ныне покойный переводчик польской поэзии, прекрасный ее популяризатор, имя которого сегодня, увы, вспоминают все реже, сам предложил съездить со мной в Переделкино к Пастернаку. И вот, в конце октября 1956 года мы, по предварительной договоренности, входим в дом, где живет поэт.

Была поздняя осень. На границе дня и сумерек стерегли дом полусонные клены. В саду стоял запах прелой листвы и оставшихся на грядках увядающих овощей. Дом в глубине сада чернел на фоне предвечернего неба. Вдалеке, за монастырским холмом, виднелось темное пятно кладбища, доносились грохот и свистки электричек. Светлая полоска обозначала последний различимый след уходящего дня. Тишина в саду, тишина земли, засыпающей под мокрой травой, напоминала паузу в тревожных стихах Пастернака.

Большая столовая. Какой-то шкаф, буфет. В углу белая скульптура — фигура девочки. На стене, под большим стеклом, но не окантованные — эскизы, наброски, рисунки Леонида Пастернака. Мы останавливаемся, вдруг за спиной раздается: «Я сию минуту». Голос глухой, странный. Пастернак. В легкой ветровке, ворот рубашки расстегнут. Спустя мгновение он возвращается, ведет нас в небольшую комнату — голые стены, большой рояль, тахта, плетеное кресло. «Да. Я о вас знаю. Помню. У меня есть ваш том переводов — сохранился с давних лет». И почти сразу, без каких-либо преамбул, деловито, как человек, привыкший к подобным визитам: «Ну что ж, расскажу вам о себе». И начался странный монолог, очень личный, немного беспорядочный. Пастернак говорил, обдумывая каждую фразу, иногда казалось, будто он говорит словно бы сам с собой — и только время от времени внимательно, пытливо всматривается в меня, словно отслеживая и контролируя преломление восприятия, проверяя в нем самого себя.

Он говорил, что стал другим. Что все, что он делал до сих пор, было непростительной забавой, эти рифмы, эта игра слов... Самое главное — говорить просто, чтобы объять всю правду, высказать то, что важнее всего в нем, поэте, и тем самым важнее всего для других людей. Говорил, что недавно написал стихотворение о рояле, который носильщики тащат на десятый [1] этаж. В рояле звучит человеческий труд. Тот, кому предназначается рояль, смотрит на их усилия и в этой игре распознает музыку города — соединяется с людьми. Я вставил, что это ведь в какой – то степени продолжение главной мысли стихотворения «Опять Шопен не ищет выгод...». Пастернака, казалось, немного удивило это замечание. Он на мгновение задумался, а потом сказал: «Да, вы правы. Это дальнейшая попытка отыскать нравственный смысл искусства».

И тут же, словно не желая придавать своим давним стихам какое бы то ни было значение, снова заговорил о том, что все его творчество до сих пор было сплошным недоразумением, как недоразумением было отношение к нему в Советском Союзе и на Западе. Говорил, что не понимает восторгов по поводу своей прежней поэзии, что они ему неприятны. Его переводят в Англии, во Франции, он получает много писем, сыграл будто бы какую-то роль в поэзии. Их и в самом деле было трое в русской поэзии, Маяковский, Есенин и он, и все трое, каждый посвоему, выражали в поэзии свою современность и, каждый посвоему, воплощали посредством новой поэзии революцию, но

(тут он снова возвращается к своей мысли, которая его не отпускает) все, что он делал прежде — не то, чем на самом деле должен дорожить поэт. Нужно показать, что происходит вокруг, в природе, среди людей и в нем самом. Нужно достичь некоего ощущения единства всех элементов жизни, уметь с ними слиться. Такие вещи нельзя писать сложно, непонятно, забавляясь игрой звуков. Он хотел бы упростить свои прежние стихи, хотел бы все их переработать, чтобы они говорили более ясно, чтобы более точно выражали самую сущность того, что в поэзии главное и что он стремится высказать как поэт. Я не протестовал, не защищал старые стихи, которые не только двадцать лет назад, но и теперь казались мне необычайно пронзительными, поэтически новаторскими именно в их глубочайшей гармонии всех средств выразительности, отнюдь не трудными для понимания и, благодаря своей философской однородности, не усложненными. Я слушал с грустью, пытаясь понять побуждение, внутреннюю потребность, искал источник этой странной перемены в поэте, логику насилия над самим собой. Мне хотелось знать, не есть ли это жест некой отчаянной самозащиты, закодированной в изощренной системе саморазрушения.

Пастернак говорил о готовящемся издании избранного его стихов. Объяснял, что — хотя так делают только в посмертных публикациях — сборник будет редактировать не он, а один молодой человек, который, вопреки желанию поэта, хотел бы включить в книгу побольше прежних произведений, в то время как сам он хочет, чтобы их было как можно меньше. Он спрашивал, как мне кажется: имеет ли поэт право перерабатывать свои прежние стихи, если они перестают его удовлетворять. Я сказал, что написанное поэтом до конца остается его собственностью и что практически нет писателей, которые бы не возвращались к своему прежнему творчеству, не переделывали его и не вносили изменений. Но с моей точки зрения — возможно, я слишком напирал на это, Пастернак слушал меня очень внимательно, кивая в знак согласия — поэт не вправе отнимать у читателя произведения, которые тот принял, которые стали частью его воображения; что в дальнейшем он может разве что создавать вариации, своего рода комментарии к своему предшествующему творчеству. В ответ Пастернак начал говорить, что он удивляется, почему люди всегда были к нему добры, всегда слишком высоко оценивали его прежние стихи, а ведь он только теперь заговорил так, как следует, отбросив все лишнее. Недавно он написал роман. Он прекрасно отдает себе отчет, что роман этот отличается от всего, к чему привыкли читатели в его стране. На первый взгляд, в нем мало действия, но он должен был все это написать, поскольку происходящее в романе происходит в нем

самом. Это своего рода подведение итогов всего его творчества, совокупность его знаний о жизни, о жизненном опыте и о себе. Пастернак говорил о фальшивых суждениях о нем, которые люди упорно разносят. Даже о состоянии его здоровья кружат сплетни. «Вы и сами им поверили, — добавил он с улыбкой, когда так заботливо допытывались в начале разговора, можно ли в моем присутствии курить, не повредит ли мне дым. А я здоров и в последнее время веду очень активный образ жизни». Люди постоянно видят в нем кого-то другого, продолжал поэт, а ведь он себя знает лучше всех. Например, в период перевода «Фауста» он был тяжело болен. Врачи запретили ему работать. Разрешили проводить за столом не более двух часов в день. Но именно тогда на него накатила волна трудолюбия. Он часами сидел над «Фаустом», работал по ночам — и выздоровел, быть может, именно поэтому. Недавно он за месяц написал целый цикл новых стихов. Это, в основном, пейзажная лирика, в которой он хотел бы наконец высказать то, что он полагает сущностью явлений, происходящих одновременно в природе и в человеке — ведь именно выражение этого ощущения является подлинной задачей поэта. Некоторые стихотворения он пишет потому, что они нужны ему тематически, есть темы, которые он должен для себя исчерпать. Я спросил, легче ли ему пишется, если он знает, что после долгого перерыва эти стихи войдут в сборник, который вот-вот появится. «В каком-то смысле да, — ответил Пастернак, — ведь чтобы писать не в стол, нужен определенный настрой».

А потом Пастернак читал свои стихи — иначе, чем обычно читают русские — спокойно, без жестикуляции. Он читал недавно написанный цикл. Среди этих стихотворений была «Музыка», о которой он только что рассказывал, «Золотая осень», а стихотворение «Во всем мне хочется дойти до самой сути...» стало своего рода поэтическим итогом этого страстного монолога.

Я прочитал Пастернаку это стихотворение по-польски, поскольку два дня назад его перевел. Он сказал, что не знает польского языка, но звучание, общая интонация перевода кажется ему близкой оригиналу. И добавил: «Это стихотворение, в сущности, несколько декларативно, но для меня оно очень важно. В нем, пожалуй, есть то, что является содержанием почти всех моих произведений». Пастернак говорил, что ему хорошо работается в Переделкине, что он не представляет себе жизни в другом месте, что мало с кем тут видится — чаще всего со своим ближайшим соседом Всеволодом Ивановым. Когда я упомянул, что назавтра приглашен к Иванову на обед, он обрадовался: «Замечательно, это мой друг, я тогда тоже завтра приду».

На следующий день я вновь оказался в Переделкине. На обеде,

кроме Иванова и его семьи, присутствовали Борис Пастернак с женой. Речь шла о современной русской литературе, о ее связях и расхождениях с литературой Западной Европы. Пастернак говорил о самобытности русской литературы и даже поэзии, доказывал, что этому способствовал целый ряд исторических факторов, что эта специфика не только стиля, но прежде всего видения, мировосприятия — ценна, но она оторвала русскую литературу от общего течения, от европейской мысли. Критически отзывался об участии писателей в работе союза писателей, заметил, что это дело чиновников. «Впрочем, — добавил Пастернак, — большинство деятелей союза и так являются чиновниками». Иванов, который в это время занимал там какой-то руководящий пост, пытался возразить, но Пастернак шутливо прервал его: «Ведь на самом деле ты со мной согласен: писателю следует писать — и только».

*

Прошел год. Я снова приехал в Москву. На сей раз в Переделкино мы отправились вместе с Анной Каменьской. Для Пастернака это был год тяжелый, мы знали, что у него возникли большие проблемы в связи с публикацией «Доктора Живаго» в Италии. Сад теперь был укрыт снегом, деревья стояли черные, омертвевшие, протоптанная в снегу тропинка морозно хрустела под ногами. Мы уже подходили к дому, когда вдруг навстречу нам выбежал Пастернак в той же тонкой светлой блузе, что и в прошлом году, и, едва поздоровавшись, заговорил прерывистым встревоженным голосом: «У меня к вам просьба: ради бога, не упоминайте при моей жене о романе. Она устала от этого, она так переживает, что у нее чуть ли не истерика начинается, когда заходит о нем речь».

Лицо взволнованное, огорченное, в глазах больше нет прежнего выражения покоя.

После такого предостережения разговор за обедом, разумеется, шел на нейтральные темы. Когда я обратил внимание на рисунки Леонида Пастернака, висевшие на стене под стеклом, поэт рассказал об отце, сказал, что больше никаких работ не сохранилось.

Говорили о литературной ситуации в Польше и в Советском Союзе, о молодой поэзии и ее перспективах. Пастернак рассказывал, что к нему приходит много молодежи, которая ищет его совета и помощи, что это поколение другое, новое, скинувшее с себя бремя прошлого, бунтующее против любого схематизма. Говорил, что своим размахом молодые авторы напоминают его собственное поэтическое поколение, поколение, которое в двадцатые годы стремилось к

преодолению барьеров, боролось с хаосом мыслей, с окостенением поэтического воображения.

Он внезапно становился и, вопреки тому, о чем так просил вначале, сам заговорил: «Они измучили меня с этим романом. Это просто невыносимо. Я каждые несколько дней пишу письма Фельтринелли, пишу все, чего от меня требуют, требую вернуть рукопись, но все без толку».

В этом было что-то истерическое, какая-то отчаянная горячность. А когда он так же внезапно умолк, я, освободившись от оков обета молчания и одновременно желая немного снять общее замешательство, начал рассказывать о журнале «Опинье» («Мнения»), в котором тогда работал и в первом номере которого был опубликован большой фрагмент романа — впервые в переводе на иностранный язык. Пастернак слушал с интересом, было видно, насколько для него важно, чтобы то, что он пишет, выходило за пределы его страны. Потом, уже в комнатке с роялем, где мы сидели втроем с Каменьской, Пастернак, показывая нам зарубежные издания своих стихов, поинтересовался, кто переводит его в Польше. Разумеется, он знал переводы Тувима и Броневского, но лишь от меня узнал о переводах Яструна. Добавил, что ему было бы приятно, если бы в Польше вышло избранное его стихов, но он также был бы рад — и считает это важным — если бы перевели его последнюю автобиографию, написанную в качестве предисловия к подготовленному в прошлом году, но так и не изданному сборнику. «В Переделкино у меня нет машинописи моих последних стихотворений и автобиографии, но в Москве есть. Женщина, занимающаяся моими делами, — сказал Пастернак, — делает это весьма исправно, она принесет вам в гостиницу обе тетради.

Назавтра мне передали большой конверт, в котором я обнаружил машинопись автобиографии с собственноручными поправками поэта и тетрадь с напечатанными на машинке последними стихами, озаглавленную «После перерыва».

1971

Из книги: S. Pollak, Ruchome granice, Kraków, 1988.

 В опубликованной версии стихотворения Пастернака «Музыка» — шестой этаж. По мнению А. Жолковского («Чудесные вольности в "Музыке" Бориса Пастернака» // Новый мир, 2016, №3) поводом к созданию стихотворения мог послужить переезд в 1956 г. Святослава Рихтера в новую квартиру, располагавшуюся на шестом этаже Дома композиторов в Брюсовом переулке, близ Храма Воскресения Словущего с колокольней («Как колокол на колокольню»); не исключена также контаминация рихтеровской квартиры с квартирой самого Пастернака в девятиэтажном доме с башенкой («Дом высился, как каланча…») в Лаврушинском переулке — Примеч. пер.

Встречи с Конрадом (4)

Встречи с Конрадом (4)

Личная жизнь писателей всегда интересовала их читателей. Конрад, однако, не пользовался славой сердцееда, хотя поначалу его отношения с женщинами протекали бурно.

Помимо объектов школьного флирта — Теклы Сырочиньской или Офелии Бущиньской, девочек из семей, друживших с Коженёвскими, в числе дам, которых он дарил чувством и приязнью, следует назвать Каролину Таубе из Кракова. После смерти отца Конрада опекал Людвик Жоржон, директор школы-пансиона на улице Францисканской, 43. Там по соседству жила семья Таубе, и Конрад дружил с братьями Таубе и был знаком с их сестрами. Текстуальные следы, которые можно обнаружить в предисловии к роману «Ностромо», говорят о том, что юноша симпатизировал одной из сестер своих друзей, той, что постарше.

Безусловно специфику отношений Конрада с женщинами в значительной степени определило отсутствие матери, ее ничем не заменимых нежности и заботы. Кроме того, мальчик оказался свидетелем эмоционального крушения мира овдовевшего отца, видел, что потерять любимого человека означает потерять часть самого себя. Вне всяких сомнений, тоска по матери и глубоко переживаемый отцом траур стали причиной романтических и идиллических представлений Конрада о женщинах. Некоторые исследователи, представители дальневосточного культурного ареала, полагают подобную идеализацию женственности неотъемлемой чертой польской ментальности, в основе которой к тому же лежит католическая набожность с ее культом Девы Марии. С этим утверждением можно полемизировать, однако следует принять его во внимание как свидетельство попытки осмыслить женские образы в прозе Конрада, найти к ним интерпретационный ключ.

Первое серьезное, овеянное легендой чувство к неизвестной марсельской даме определило дальнейшее течение эмоциональных перипетий Конрада. К созданию этой легенды приложил руку сам писатель, посвятив марсельским приключениям несколько произведений: «Зеркало морей»

(1906), фрагменты «Из воспоминаний» (1912), «Золотая стрела» (1919) и неоконченный роман «Сестры» (1928). Получив деньги от дяди, Тадеуша Бобровского, юноша поступает на французское судно, отвлекается от похоронной атмосферы тогдашнего Кракова, ощущает радость молодости и ведет себя довольно легкомысленно. Связывается с кругом роялистов, сочувствующих Дону Карлосу — претенденту на испанский трон, и принимает участие в контрабанде оружия для карлистов, находясь при этом под сильным влиянием и действием чар таинственной Риты, что заканчивается драматической дуэлью с американцем Д.М.К. Блантом. Хотя писатель сам указывал перечисленные произведения в качестве достоверных и надежных источников, опирающихся на реальные факты — взять хотя бы дарственную надпись Ричарду Керлу — однако акцент в каждом из этих текстов делал на совершенно разных вещах. Настолько разных, что ни биографы, ни исследователи его творчества на протяжении долгого времени даже не ставили вопрос о том, имеют ли приключения, о которых рассказывает Конрад, отношение к реальности. Даже Жан Обри, тщательно реконструировавший его биографию, принял все за чистую монету, хотя вторая карлистская война шла в 1873-1876 гг., после чего в феврале 1876 года Дон Карлос покинул Испанию. Так что маловероятно, чтобы в 1877 году, вернувшись из Индии, Конрад мог участвовать в контрабанде оружия для войны, которая уже закончилась. Бесценным источником информации оказались постепенно обнаруживавшиеся и публиковавшиеся письма Тадеуша Бобровского. Итак, в письме к другу Аполлона Коженёвского Стефану Бущиньскому от 23 марта 1879 года Бобровский представил свою версию событий: Конрад Коженёвский, двадцати одного года от роду, в отчаянии от того, что больше не может служить во французском флоте, занялся какой-то контрабандой, из-за которой потерял все деньги, выданные ему дядей. И без того плачевное положение усугубил отказ принять его на американское судно, после чего Конрад одолжил у своего друга Фехта значительную сумму... и проиграл ее в Монте-Карло. Наконец пригласил Фехта на чай, и перед его приходом попытался совершить самоубийство, выстрелив в себя из револьвера. Фехт немедленно известил дядю, Тадеуша Бобровского, поскольку Конрад, к счастью, оставил на виду все адреса... Дядя, однако, велел Бущиньскому сохранить это в тайне, а в качестве официальной версии указывать дуэль, которая как в Польше, так и во Франции считалась делом почетным и не требующим дальнейших объяснений. Дуэль облагораживала, а самоубийство считалось трусостью — почему заботливый дядя и придумал мистификацию, в которую многие поверили.

Конечно, это заставило специалистов по Конраду спорить — что имело место на самом деле: дуэль из-за несчастной любви к некой Рите или же попытка самоубийства из-за долгов? Кто лгал — Бобровский Бущиньскому или Конрад Бобровскому? К тому же личность таинственной Риты с трудом поддается идентификации.

А в 1894 году, в Шампель, на водах, Конрад, боровшийся с недугом и меланхолией и работавший над «Изгнанником», познакомился с двадцатилетней Эмили Брикель, которая находилась на лечении вместе с родителями. Были совместные поездки на Женевское озеро, обеды, прогулки, игра в крикет, домино, долгие беседы о литературе. Эмили играла Конраду на фортепиано и пела, а он учил ее управлять лодкой и играть на бильярде. Писатель подарил девушке «Каприз Олмэйра» с дарственной надписью, в которой подчеркивал музыкальный талант Эмили и то, что ее присутствие принесло ему радость и развеяло скуку пребывания в Шампель — надо сказать, признание несколько эгоцентрическое. Тем не менее девушка страдала после отъезда Конрада, она поняла, что потеряла друга, какого больше никогда не найдет, и решила перевести «Каприз» на французский язык. В своих личных записях Эмили отмечала, что знает три рода любви, к маме, к будущему мужу и к Конраду. Младше Конрада на восемнадцать лет, она происходила из лотарингской зажиточной мещанской семьи, которая полагала, что Конрад, судя по его поведению, собирается просить руки Эмили, и не одобряла эти планы. Они обменялись несколькими письмами, заверяя друг друга в сердечной дружбе, однако Конрад отступал на безопасные позиции дружеской любезности и путался в своих рассказах, например, не признавался в том, что он поляк, придумывал несуществующих друзей, которым якобы помогал или из-за которых страдал. Об остальном остается лишь догадываться. В это же самое время он вел оживленную переписку и общался с «тетушкой» Порадовской и стал причиной серьезного конфликта между Идой Найт, дочерью комиссара города Порт Дарвин, и младшей сестрой госпожи Борроуз, Анеттой, которая, влюбившись в Конрада, устраивала Иде ужасные сцены ревности.

Тетушка Порадовская занимает в жизни Конрада совершенно особое место. В силу своего происхождения и воспитания он, несмотря на отсутствие капитала, был вхож в круги интеллигенции и интеллектуалов, однако вне Польши с представителями этой среды связан не был. Порадовская стала исключением, она уже успела кое-что напечатать, писала романы из жизни поляков и русинов и пользовалась

признанием в обществе, а Конрада, младше ее на девять лет, считала своим протеже. Тетушка выводила его в свет и пыталась устроить на службу. Дядя, Тадеуш Бобровский, еще в 1891 г. обвинял Конрада в том, что тот флиртует с Порадовской, племянник все отрицал, однако по несколько раз в месяц писал ей письма, полные романтических аллюзий и весьма личных признаний. Вне всяких сомнений он относился к Порадовской как к наперснице и другу, кроме того, вероятно, рассчитывал на ее помощь. Конрад был родственником, моложе ее, значительно беднее, без положения в обществе и работы — так что особых шансов на связь с Маргерит не имел, мог предложить ей разве что сотрудничество, что и делал, правда, без особого, документально подтвержденного успеха.

Он неожиданно, быстро и прагматично женился на Джесси Джордж. Это саркастически описал Форд Мэдокс Форд разумеется, в тот период, когда писатели разорвали дружеские отношения и сотрудничество — в романе «Корпорация "Простая жизнь"». Главный герой — поляк, некий Симеон Брандецки, путешествовавший, работавший в Африке и решивший в конце концов осесть в Англии. Он меняет имя и становится писателем Саймоном Бренсдоном. Будучи человеком ленивым, которому казалось обременительным даже элегантно сидеть на стуле, что уж говорить об английской орфографии, он нанимает секретаршу. Вышеупомянутая лень заставляет Саймона вести необычный образ жизни: писатель не в состоянии встать утром, потом трудится до поздней ночи, работа затягивается, в результате секретарша превращается в любовницу, на которой герой рано или поздно вынужден жениться. Это была саркастическая сплетня, которая тем не менее свидетельствует о том, что Конрад удивил свое окружение женитьбой на дочери многодетного владельца склада и магазина, на семнадцать лет моложе его, малообразованной, не слишком эффектной. К тому же ни супруг не считал ее красивой, ни она не питала к нему особой страсти. Они познакомились в ноябре 1894 года через общего знакомого. Джесси работала машинисткой в торговом бюро. На четвертом свидании он подарил ей экземпляр «Каприза Олмэйра» с дарственной надписью. Потом они долго не общались — Конрад уехал лечиться в Шампель... Наконец в январе 1896 года он попросил ее руки, в марте они поженились. Друг Конрада, Гарнетт, был поначалу очень обеспокоен его выбором, потом признал, что Джесси обладала идеальным для жены писателя характером, поскольку дарила мужу покой и освобождала от хозяйственных хлопот. Однако, когда вышел второй том воспоминаний Джесси о муже, тот же Гарнетт заметил, что она могла бы управлять четырехзвездочным

отелем, а Конраду требовалась попросту хорошая домоправительница, так что за свой эксперимент он дорого заплатил.

*

Потом он влюблялся уже «ничем не рискуя», то есть в женщин, с которыми не мог быть вместе по объективным причинам, или в тех, которые не отвечали ему взаимностью.

Перевод Ирины Адельгейм

Выписки из культурной периодики

Я с нетерпением жду какой-либо захватывающей дискуссии, касающейся вопросов культуры, художественной жизни, роли и места литературы, или хотя бы сообщения о том, что интерес к чтению в Польше возрастает. Если говорить о чтении, то исследования, проводившиеся до сих пор, не внушают оптимизма, — напротив, свидетельствуют, что профессия издателя, который не получает каких-либо дотаций, — это область высокого финансового риска, хотя, конечно, случаются исключения, подчас даже случается, что книга, обладающая несомненными художественными достоинствами, привлекает к себе рекордное число читателей. Разве что в кино как-то дело пошло, и количество тех, кто готов раскошелиться на посещение киносеанса, кажется, потихоньку растет. Безусловно, здесь Польша никак не уникальна: снижение интереса к книге, если чтение, как в скандинавских странах, не поддерживается специальными программами, это стабильный цивилизационный тренд. И то сказать: сегодня предложение в сфере культуры и развлечений (с акцентом на последние) столь велико, что сравнение нынешней ситуации с той, которая имела место еще в середине прошлого века, не имеет смысла. И если я вспоминаю времена, когда новый роман Тадеуша Конвицкого или Казимежа Брандыса не только вызывал газетные дискуссии, но и был, что называется, у всех на устах, то вполне отдаю себе отчет, что с подобным явлением, скорее всего, я уже на моем веку не встречусь. Тем более что отделы культуры в газетах и других средствах массовой информации ужались до размеров колонки вроде «Мира увлечений», а на телевидении культурные программы выходят в часы, когда большинство возможных зрителей уже в объятиях морфея. И это тоже тенденция, отмечаемая не только в Польше. Разве что случится скандал, но и он вызовет волну интереса максимум на неделю, а дальше — снова тишина.

Главным объектом внимания прессы, которую относят в разряд культурной, а в последнее время все чаще называют формирующей взгляды, остается общественно-политическая жизнь, которая, если судить по активности избирателей в Польше, как и культура, хотя и не пользуется успехом в общественном потреблении, однако же побуждает к действию,

— как минимум, журналистов, которые в этих обстоятельствах все чаще путают свою профессию с профессией идеологов и выполняют функцию солдат воюющих лагерей. Потому как в течение уже долгих лет политическая культура в Польше — это культура сражения, а не выпестованная в зрелых либеральных демократиях культура переговоров. Причем на нынешний момент это явление переживает резкий рост — тем более что в парламентском пространстве, несмотря на тот факт, что уже полтора года «Право и справедливость» имеет безусловное большинство и может провести какое только заблагорассудится решение, оппозиция лишена возможности сколько-нибудь эффективно противодействовать власть предержащим, которые неустанно подчеркивают, что не затем получили нынешний демократический мандат, чтобы не реализовать заявленную перед выборами программу. Поэтому проводят ее с достойной восхищения предприимчивостью.

В таких обстоятельствах пресса стала для оппозиции одним из последних инструментов в попытке противостоять существующему положению вещей. Пока лишь формируя мнения, что позволяет иметь надежду, что на следующих выборах оппозиция одолеет партию Ярослава Качинского. А это представляется задачей весьма амбициозной, поскольку вицепремьер нынешнего правительства, создатель нового плана экономического развития Матеуш Моравецкий утверждает, что ПИС продержится у власти до 2031 года. Так что ничего удивительного, что статья, посвященная оппозиции, «Вместе или как?» Яцека Жаковского в «Политике» (№ 10/2017) начинается следующим образом: «Анти-ПИС ждет выборов как соловей лета. Но высказывается о них словно о железном волке $^{[1]}$. А волк тут как тут. Если ничего не изменится, оппозиция может стать еще больше оппозицией — не только в Сенате и в Сейме, но также в советах многих воеводств, поветов и гмин, в которых сейчас правит. Если законодательство не будет изменено, 11 ноября 2018 года мы изберем новые органы самоуправления. (...) Так или иначе, но оппозиции остался самое большее год на то, чтобы решить, как преодолеть первое из препятствий трехэтапной гонки [следующие этапы — парламентские выборы в 2019 году и президентские в 2020-м — Л.Ш.]. В конце ее решится, будет ли ПИС править больше одного срока (это не значит, что безусловно больше трех). А по пути, в мае 2019 года, нас еще ожидают евровыборы. Преобладает мнение, что выборы местного самоуправления будут задавать тон в соревновании за то, кто будет править Польшей в третьем десятилетии XXI века». Далее, указывая на разрозненность оппозиции и на то, что ПИС набирает очки, благодаря позитивному отношению общества к проводимой социальной политике, автор пишет: «К сожалению, надо считаться с тем, что расклад голосов активного электората в ближайшие год-полтора может существенно не измениться в пользу оппозиции. Так что единственный просматривающийся сегодня на ближайшие полтора года путь к удержанию оппозицией власти в местных самоуправлениях, а затем к успеху на уровне страны — это консолидация».

А тем временем на страницах связанного с ПИС еженедельника «В сети» (№ 10/2017) Ян Рокита, бывший в свое время кандидатом «Гражданской платформы» на пост премьера, в статье «Централизующее наступление ПИС» подвергает критике приемы работы нынешнего правительства: «Похоже на то, что в руководстве кабинета Беаты Шидло уже есть план, как отнять у воеводских сеймиков и маршалов воеводств ключевые инструменты для осуществления региональной политики. До сих пор казалось, что правительство намеревается приостановить имеющую место при любой администрации тенденцию к созданию министрами отраслевых княжеств, в которых они могут творить все что захочется. А прежде всего — увольнять и назначать кого им угодно не только в варшавском центральном ведомстве, но и в каждом регионе, а лучше — и в каждой сельской гмине. С этим патологическим стремлением ведомственной Польши к централизации всей публичной сферы боролись все правительства со времени обретения независимости, с тем, однако, что премьеры родом из посткоммунистических левых, как правило, в такую тенденцию все равно вписывались, а правительства родом из «Солидарности» пытались как-то противиться. Во время предыдущего правления ПИС войну не на жизнь, а на смерть вела с ведомственной централизацией Зита Гилёвская, которая полагала данный тренд наиболее характерным проявлением «посткоммунизма». Кабинет премьера Шидло порывает с этой традицией, все определённее вступая на тропу, проложенную в прошлом централизаторами из Союза демократических левых сил, в особенности в период премьерства Лешека Миллера. (...) Реконструкция во всей красе пресловутой ведомственной Польши не принесет славы ПИС, разве что порадует многих лоббистов из всех и всяческих отраслей. Порадуются также министры, нарезающие себе свои вожделенные княжества (...). Логика дальнейшего функционирования таких ведомственных княжеств хорошо известна. Начнется с протекции и непотизма, а также коллективных требований групповых привилегий. Затем последует сокрытие средств от министра финансов, чтобы на свет не выплыли разные сомнительные финансовые операции, бессмысленные расходы и бездарность руководства. (...) Все это очень легко предвидеть, поскольку все это не так давно уже было в Польше. Можно только поинтересоваться, где в этом всем вице-премьер Моравецкий с его неустанно возобновляемыми россказнями об инновациях, современном управлении и борьбе не на жизнь, а на смерть с «ведомственным проклятьем Польши»? Или вице-премьер уже полностью погрузился в свои миражи отдаленных перспектив и не хочет видеть, что происходит в окружающем его реальном мире?»

Это хороший вопрос, касающийся, кстати, не только экономических проблем. Дело в том, что тенденции к централизации проявляются во всех сферах общественной жизни. И это, как представляется, не столько стихийные, вопреки г-ну Роките, явления, имеющие место при любой власти, сколько, скорее, запланированные мероприятия. Они проистекают из убеждения, что только сильная централизация поможет начать широкого масштаба действия, направленные на фундаментальное оздоровление общественной и политической жизни, страдающей, по мнению Качинского и его сторонников, от сильной связи современных элит с коммунистическим прошлым, а с другой — от их неписаного согласия на подчинение Польши тому, что, хотя и называют «диктат Брюсселя», по сути, является диктатом доминирующего в Европейском союзе Берлина. Отсюда систематическая перемена кадров едва ли не во всех сферах политической жизни и, прежде всего, в государственной администрации, армии, на дипломатических постах. Все это должно привести к обретению Польшей положения, которое отвечало бы мечтаниям о полной субъектности и, тем самым, способности переформировать Евросоюз по своей задумке, которая пока еще смутно вырисовывается в выдвинутом Ярославом Качинским лозунге пересмотра основополагающих документов Европейского союза. Под таким углом зрения экономическая проблематика имеет второстепенное значение, о чем, между прочим, председатель ПИС несколько раз обмолвился, выражая уверенность, что даже замедление экономического роста — это приемлемая цена за введение в жизнь вожделенных изменений в трактатах Евросоюза.

По-видимому, эти же планы имеет в виду Магдалена Огурек, кандидат Союза демократических левых сил на последних президентских выборах, а сейчас отдающая свое перо и голос связанному с окружением ПИС еженедельнику «До жечи» (№ 10/2017), когда в интервью, озаглавленном «Я сильно болею за правительство», подчеркивает: «Реализуемый ПИС проект —

это перестройка демократии, носившей до сих пор корпоративный характер, когда кусочки государства были сданы в аренду влиятельным группам. Сущность демократии была сведена до ритуала голосования, в результате которого кто бы ни выиграл, править будут одни и те же. (...) Нынешняя оппозиция вышла далеко за рамки, которые можно бы называть конструктивными. Она не вступает в дебаты, не выдвигает проектов, а сосредотачивается лишь на реализации невыполнимого плана добиться падения правительства и досрочных выборов». А еще мы узнаём из этого разговора, как г-жа Огурек воспринимает Ярослава Качинского: «Это, безусловно, выдающийся политический стратег. Он выдвинул и реализовывает такой план Польши, против которого оппозиция совершенно бессильна. Умеет несколькими короткими предложениями отправить оппозицию в нокдаун, показать ее поразительную интеллектуальную косность. (...) От других политиков его отличает все. Сегодня в Польше нет другого человека, у кого было бы целостное видение Польши. С его планом можно не соглашаться, можно спорить, но это план для Польши. Ни один из политиков оппозиции не в состоянии представить конкурирующей концепции государства. Лидеры оппозиции играют в другой лиге. Увы, в дворовой».

Придется, наверное, признать правоту г-жи Огурек, ведь она видит нечто, для меня невидимое — быть может из-за моего весьма бедного, по сравнению с этой дамой, политического и жизненного опыта. Вот ведь высмотрела г-жа Огурек «целостный план Польши» председателя Качинского. Нельзя исключать, что в ближайшее время г-жа кандидат в президенты от левых (на последних выборах) представит на страницах правого издания, на которое работает, как минимум, эскиз этого плана. Не один я возрадовался бы. Но вот в чем нет у меня сомнения: такой целостной или хотя бы частичной концепции Польши в высказываниях нынешней оппозиции не сыскать.

^{1.} Т.е. о чем-то очень далеком; имеется в виду связная с основанием Вильнюса легенда о волке с железной шкурой, которого князь Гедимин не сумел поразить стрелами — Примеч. пер.

В поисках «Другой России»

Сегодня в польско-российских отношениях преобладает атмосфера недоверия. Некоторые политики открыто выступают за замораживание контактов между нашими странами. В этой непростой ситуации стоит обратиться к историческим примерам, и думаю, что Польско-российский дискуссионный клуб, существовавший в Варшаве в 1934—1936 гг., деятельность которого описал Петр Мицнер в книге «Варшавский "Домик в Коломне"», был бы сегодня для нас ценным примером.

Убегая от большевиков на Запад, многие русские эмигранты осели в Польше. Так случилось с писателем Дмитрием Мережковским, поэтессой Зинаидой Гиппиус и литературным критиком Дмитрием Философовым, которым удалось вырваться из большевистского Петрограда только в 1919 году. Они остановились в Варшаве и сразу стали налаживать взаимопонимание между поляками и русскими эмигрантскими центрами, сосредоточенными вокруг Бориса Савинкова. Как подчеркивает автор, это была попытка создания «Третьей России» — антибольшевистской и вместе с тем лишенной великодержавного империализма. Однако эти надежды развеялись после подписания Рижского мирного договора, положившего конец польско-большевистской войне. Мережковский и Гиппиус уехали в Париж, а Философов остался в Польше.

Основанный им дискуссионный литературный клуб «Домик в Коломне», название которого отсылает к поэме Пушкина, размещался в Варшаве по адресу Хотимская, 35. Он был явлением уникальным хотя бы уже потому, что встречи русских эмигрантов в других странах носили закрытый характер, и в них преобладала атмосфера тоски по утраченной родине. Основатель же этого кружка сразу привлек к активному участию в дискуссиях польских интеллектуалов, благодаря чему эти встречи, несмотря на свою камерность, получали широкий отклик в прессе. Во встречах принимали участие среди прочих Мария Домбровская, Юлиан Тувим, Ежи Гедройц и Владислав Татаркевич. Отчеты и тексты докладов печатали журналы «Вядомосци литерацке», «Скамандр», «Вербум» и русская эмигрантская газета «Меч». В «Домике» пробовали выработать общее видение кризиса, в котором оказалась

межвоенная Европа, а также преодолеть пагубное влияние большевистской пропаганды, представляющей ложную картину событий, происходящих в СССР.

Автор описываемой книги фокусирует внимание и на деятельности других эмигрантских литературных групп, в которых активно участвовали поляки, очарованные русской литературой, — варшавской «Таверны поэтов» (1921–1925), «Литературного содружества» (1929–1934), вильнюсских кружков и обществ, созданных по инициативе поэта и переводчика Дорофея Бохана. Санационные власти скорее отрицательно относились к такого рода активности эмигрантов из России, поскольку в межвоенный период старались стереть любые следы захватчика с Востока. Символом этой политики было, например, разрушение собора св. Александра Невского на Саксонской площади (ныне — пл. Пилсудского) в Варшаве.

Несомненным достоинством публикации П. Мицнера является упоминание личности Дмитрия Философова — публициста и литературного критика, автора многих статей, посвященных Польше и польской культуре. Он происходил из петербургской аристократической семьи. Его отец, Владимир Философов, занимал должность Главного военного прокурора. Мать, поэтесса и общественный деятель Анна Философова (в девичестве Дягилева), была родственницей импресарио Сергея Дягилева. Дмитрий Философов принимал активное участие в организуемых в начале XX века собраниях Санкт-Петербургского религиозно-философского общества, а также в «средах» Вячеслава Иванова, пользующихся большой популярностью среди художников и литераторов серебряного века. Годы спустя он решил возобновить традицию русских литературно-философских собраний, организовав свой «Домик в Коломне». Автор книги подчеркивает, что, возможно, это было единственным предприятием в его жизни, которое увенчалось успехом. У него был непостоянный характер, он легко поддавался влиянию других людей. До революции это была Зинаида Гиппиус, с которой они жили втроем с ее мужем. По приезде в Польшу он попал под обаяние Бориса Савинкова, связывая с ним надежды на политическую карьеру, что в свою очередь привело к тому, что прежнее «трио» с Мережковскими распалось. Философов исповедовал своеобразную теорию «неудач», часто впадая в депрессию и меланхолию. Создается ощущение, что он не мог выбрать между ролью деятеля эмиграции и призванием художника. Он хотел наладить польско-русский диалог, хотя судьба людей, живущих на границе культур, часто бывает трагической.

Поляки упрекали его в том, что он так и не избавился от русского империализма, русские же отвернулись от него, считая, что он окончательно «полонизировался». На долгие годы о нем забыли.

На основе архивных материалов Петр Мицнер попытался реконструировать все тринадцать встреч в «Домике в Коломне». Они происходили за столом, на котором стоял бутафорный самовар из картона, иронически символизирующий, по мнению Философова, фальшивую действительность большевистской России. На этих встречах царила атмосфера камерности и таинственности. Первый доклад, названный «Башня из слоновой кости и улица», 3 ноября 1934 года произнес Юзеф Чапский. Он затронул в нем проблему пропасти, отделяющей художника от общества. Другие выступления касались Лермонтова (Евгения Вебер-Хирьякова, «Вопрос бессмертия в творчестве Лермонтова»), Достоевского (Ежи Стемповский, «Наполеон и Раскольников»), Мицкевича (Рафал Марцели Блют, «Мицкевич и современность»), вопроса восприятия России Западом (Дмитрий Философов, «Иностранцы о России»), ситуации литературы в СССР (Евгения Вебер-Хирьякова, «Советский писатель»), этических вопросов (Болеслав Мичинский, «Нескольких слов о временной этике»). Интересный доклад «От внеразумности через молчанье...» представил Лев Гомолицкий. Докладчик поместил теорию заумного языка Тувима в контекст русской традиции юродивых, пятидесятников и «безумных» поэтов Батюшкова и Хлебникова. Кроме того, он показал трагизм положения писателей в послереволюционной России, издающих свои книги на бересте или на обоях и пытающихся потом продать их за еду, и набросал панораму литературной жизни русской эмиграции. Достойны упоминания главным образом две лекции Ежи Стемповского — «Литература в период большой перестройки» и «Бедный Том и литераторы». Все доклады, прочитанные в «Домике в Коломне», — это необыкновенно ценные документы, на основании которых мы можем судить о том, какие вопросы волновали интеллектуалов в межвоенное двадцатилетие. К сожалению, часть текстов пропала во время войны.

Был запланирован еще ряд интересных встреч, но в 1936 г. хозяин кружка серьезно заболел и спустя четыре года умер. Д. Философов стремился главным образом к установлению отношений поверх барьеров и к укреплению сотрудничества между польскими и русскими интеллектуалами. Поэтому его можно считать предтечей такого рода деятельности. Похожую стратегию выберет потом парижская «Культура», редакция

которой стремилась нивелировать деление на Запад и Восток в послевоенной Европе. Большое значение имеет также тот факт, что Ежи Гедройц и его последующие сотрудники — Ежи Стемповски и Юзеф Чапский — были частыми гостями «Домика в Коломне».

Учитывая участие в этих встречах польских поэтов и писателей, «Домик в Коломне» следует отнести и к истории польской литературы. Но тщетно искать о нем сведений в энциклопедиях и словарях. Так, например, в жизнеописании родившегося в Петербурге польского прозаика и русиста Льва Гомолицкого, помещенном в словаре «Польская литература XX века. Энциклопедический путеводитель» (под ред. А. Хутникевича, А. Ляма, Варшава 2000), мы найдем загадочное упоминание: «участвовал в культурной жизни русской эмиграции», без упоминания «Домика в Коломне», в котором он, между прочим, занимал пост секретаря, стенографировал ход встреч и прочитал два доклада. Значение книги Петра Мицнера заключается именно в этом устранении «белых пятен».

Несколько лет назад вышло в свет также обширное двухтомное собрание писем Дмитрия Философова и сопровождающая эту публикацию очередная книга Петра Мицнера «Варшавский круг Дмитрия Философова». При таком обилии материала сразу возникает вопрос о читательской стратегии. Думаю, что начать стоит со второй книги хотя бы потому, что она дает возможность сопоставить приводимые в ней оценки с текстами самого Философова. Кроме того, Мицнеру удалось очень точно показать связь этой личности с польской культурой.

Свою книгу Мицнер начинает с того, что говорит об отношениях между русским критиком и Юзефом Чапским, отмечая, что они носили характер взаимовлияния. Молодой польский эссеист дебютировал на страницах эмиграционного журнала, основателем которого был Философов, в свою очередь второй благодаря Чапскому имел возможность ближе познакомиться с польской культурой. Другие разделы книги посвящены варшавским связям Дмитрия Владимировича с россиянами — Вебер-Хирьяковой, Владимиром Брандом, — а также поляками — Тадеушем Зелинским, Марией Домбровской, Станиславом Стемповским, Ярославом Ивашкевичем.

По отношению к личности Философова накопилось много отрицательных, оскорбительных высказываний. С одной стороны, они являются свидетельством ссор и разногласий в

среде русской эмиграции, проявлением жестокой политической борьбы, а с другой — и это, пожалуй, самое важное, — они вытекают из трансгрессивной природы личности Философова. Он не старался уложить действительность в эффектные схемы и украсить ее художественным вымыслом, он смиренно существовал в избранной им роли критика. Он умел быть безжалостным к чужим ошибкам, поэтому над ним издевались ужасно. Его обвиняли в недостаточно сильном характере и подверженности чужому влиянию. Русский мыслитель Василий Розанов нападал на Философова еще до революции. Но, читая очерки Философова о Розанове, мы понимаем почему так получилось. Этого автора, считающего себя христианским мыслителем, Философов обвинил — ни много ни мало — в материализме и атеизме. Но на самом деле перед лицом исторического катаклизма, который настиг Россию в 1917 г., Дмитрий Владимирович продемонстрировал гораздо большую стойкость духа, трезвость ума и способность приспосабливаться к новым условиям, чем тот же Иван Бунин, который целиком погрузился в ностальгические воспоминания о своей утраченной родине и не участвовал в литературной жизни Франции. Я уже не говорю о моральном падении Мережковского, который перед смертью успел благословить Гитлера, выступающего в поход на СССР.

Любил ли Философов Польшу? Да, безусловно, поскольку именно из польской традиции борьбы за независимость вытекала его концепция «третьей России» — ни имперской, ни большевистской. Он высказывался за независимую Украину, что противоречило взглядам большинства русских эмигрантов. Для определения его позиции Мицнер часто использует термин «государственник». Личность Философова проникла и в польскую литературу. Именно с него Мария Домбровская списывала образ Сергиуша Демидова, одного из героев повести «Приключения мыслящего человека». Этот русский эмигрантскиталец призывает поляков, чтобы те с гораздо большим уважением относились к вновь обретенной независимости.

На мой взгляд, Польша в глазах Философова отвечала всем критериям справедливого государства. Многие отмечали, что свою новую родину он превратил в своеобразную утопию, носящую компенсационный характер. Поэтому любые попытки низвергнуть этот идеал вызывали у него раздражение. В личности маршала Пилсудского он видел пример харизматичного предводителя, для которого первостепенной задачей было благо государства. То, чего недостает в решающий момент русским политикам — Керенскому или Савинкову.

Этот очерк Философова («Великие люди и мы») необычайно интересен, поскольку образ польского предводителя представлен в нем с помощью поэтики невыразимого. Автор полемизирует с мнимой русофобией Маршала, показывая, что тот болезненно относился к национальным стереотипам, имея перед собой только одну цель — Польшу. Думаю, что в этой статье автор заключил много наблюдений автобиографического характера. Столь же отважно он переступал барьеры, ломая стереотипы, и тем самым настраивал против себя и поляков, и русских. Думаю, что Философов опережал свою эпоху, служа ценностям, которые лишь теперь становятся первостепенными — толерантности и многокультурности.

Философов был подвержен чужому влиянию, но это было влияние не отдельных людей, а главным образом интеллектуальных вопросов эпохи, в которую он жил. В своем литературно-критическом и эссеистическом творчестве он выступает как явный сторонник оксидентализма, борясь с главными кумирами XX века — социалистической утопией и национализмом. Необычайно ценно его воспоминания о литературной жизни серебряного века — о дебюте Городецкого, встрече с Волошиным, русских футуристах, деятельности Религиозно-философского общества в Петербурге, воспоминания о Бальмонте, Сологубе, Арцибашеве. У него была мучительная дилемма, связанная с невозможностью сделать выбор между призванием художника и ролью эмиграционного деятеля. Философов в определенном смысле некритически подчинялся идей о необходимости «действовать». Он ощущал себя предводителем русских эмигрантов в Польше, поэтому слишком много сил отдал менее интересной с сегодняшней точки зрения полемике с политическими оппонентами. Философов стремился к духовному возрождению эмиграции, обращаясь к мистическим концепциям Мицкевича и творчеству Норвида. Когда я читал его очерки периода межвоенного двадцатилетия, в которых он ставил знак равенства между американизмом и большевистской системой, основанными, по его мнению, на одинаково понятой статистической трактовке коллективности, противоречащей гуманистическому персонализму, то у меня складывалось впечатление, что я уже сталкивался с подобными взглядами. Достаточно было освежить в памяти «Землю Ульро» Чеслава Милоша, чтобы найти еще больше совпадений между польским Нобелевским лауреатом и Дмитрием Философовым. Оба критиковали веру в коллективный разум, культ больших чисел, называя главным врагом материализм и атеизм, вызывающий в человеке чувство небытия. Именно эти явления стали почвой

для русской революции. И Милош, и Философов утверждали, что панацеей для идущей к упадку западной цивилизации остается возрождение религиозного сознания. Хотя может возникнуть впечатление, что в случае русского автора понимание христианства больше основывалось на отрицании. Он с легкостью отмечал, какие взгляды ему чужды, но собственной оригинальной концепции не создал. Возможно, причиной тому стал большевистский переворот, разрушивший его прежнее мировоззрение. Возникает вопрос, можно ли считать Милоша продолжателем мысли Философова? Или, возможно, для них обоих общим источником стали, например, философские концепции, созданные в России в начале XX века? Не стоит ли рассмотреть эту проблему в контексте философии Мариана Здзеховского? Думаю, что главным достоинством рассматриваемых мной книг является именно то, что в них намечены необычайно интересные параллели между Философовым и польскими художниками, что, несомненно, станет отправной точкой для будущих исследователей.

Piotr Mitzner, Warszawski "Domek w Kołomnie", Biblioteka "Więzi", Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, Warszawa 2014.

Piotr Mitzner, Warszawski krąg Dymitra Fiłosofowa, Biblioteka "Więzi", Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, Warszawa 2015.

Dymitr Fiłosofow, Pisma wybrane, t. 1, Trudna Rosja (1900–1916), t. 2, Rosjanin w Polsce (1920–1936). Wybór i opracowanie Piotr Mitzner, przekład Halyna Dubyk, Ewangelina Skalińska, Robert Szczęsny. Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, Warszawa 2015.

Литература и тайна

Литература и тайна

Этой статьей молодого исследователя старопольской литературы мы открываем цикл публикаций, посвященный классике польской словесности, которая по-прежнему остается для читателя живым источником радости и вдохновения. Быть может, она заинтересует также российских литературоведов и переводчиков.

Редакция

В 1907 году польский литературовед и культуролог Александр Брюкнер, говоря о «Богородице», старейшей из написанных по-польски религиозной песне, категорично заявил: «Es ist ein text mit sieben siegeln» («Это текст, скрытый за семью печатями»). Легомысленный читатель мог бы обвинить ученого в конформизме, однако нужно помнить, что Брюкнер — первооткрыватель другого, не менее загадочного памятника польского языка, «Свентокшиских проповедей», непререкаемый авторитет в области старопольских источников, чьи научные интересы охватывали текстологические, языковедческие и культурологические аспекты трех эпох (средневековья, ренессанса и барокко $^{[1]}$) несколькими годами ранее, в 1901 году, в одной из своих многочисленных статей уже праздновал победу, объявив о «раскрытии загадки "Богородицы"», однако скупая фактография и необходимость умножения числа гипотез относительно истории создания произведения в итоге вынудили ученого капитулировать. В конце жизни, вновь признавая свою беспомощность перед тайнами этой песни, он писал уже без обиняков: «Я сам совершил ошибку или даже преступление, с каковыми обычно борюсь, поймав на этом других: я вплел в ткань летописи лирический мотив; не удовлетворился указанием на время и место создания песни (...), что должно быть достаточным для здравомыслящего и ответственного исследователя в условиях отсутствия источников и глубокого молчания рукописей. Я же ударился в

романтические измышления и сам допридумал всю историю»^[2]. Великая тайна скрывает историю «Богородицы» (мы по-прежнему строим догадки относительно ее появления, роли и места в старинной литургии, а также внезапного роста популярности после 1410 года), однако подобного рода таинственность характерна не только для наиболее древних или слабо задокументированных произведений, как можно убедиться благодаря продолжающимся по сей день спорам исследователей. Примером может служить недавняя дискуссия вокруг непристойной «Загадки»^[3] из сборника «Фрашки» Яна Кохановского. Процитируем целиком эту таинственную безделицу великого поэта эпохи Ренессанса:

Между ляжек, как в темнице, одноглазый зверь таится. И стрела в него слепая бьет, на ощупь попадая. Его голос — гром гремящий, запах — тяжкий и смердящий^[4].

Здесь возникает только один вопрос — но это, надо признать, вопрос фундаментальный: о чем идет речь, что за зверь описывается в произведении (точнее, о какой части человеческого тела пишет поэт)? (5) «Загадка» известна нам прежде всего по изданию XVI века, и вряд ли чудом обнаруженная рукопись поэта развеет сомнения, обуревающие сегодняшних комментаторов.

Я вспоминаю об этих двух примерах, чтобы проиллюстрировать феномен появления старинного литературного текста в руках современного читателя. Я специально не уточняю целевую аудиторию, не хотелось бы мне также отвечать на избитые вопросы о читабельности, которыми даже и задаваться не хочется. Единственное, что остается в этой ситуации — рассказать о том, что важно лично для меня. На примере «Богородицы» и вышеприведенной фрашки нетрудно догадаться, что это будет рассказ о вещах и аспектах не до конца выясненных либо не в полной мере понятных (во всяком случае, не в полной мере понятных автору этих строк) и именно потому интригующих, а также отчасти о давних, не всегда традиционных попытках удовлетворить извечное человеческое любопытство. Субъективный характер высказывания исключает подход, свойственный учебникам по истории литературы — структура текста выстраивается скорее благодаря перекличке тем,

сюжетов или проблем, нежели на основе хронологии или иного, изначально принятого порядка. Охотно воспользуюсь этим преимуществом и, отложив учебник, перейду к конкретным примерам.

Оставив в покое средневековую письменность, задержимся на уже упомянутых фрашках. Эти короткие эпиграмматические произведения писал, разумеется, не только Кохановский, их высоко ценили поэты эпохи Возрождения, так что фрашки встречаются в творческом наследии многих литераторов. В особенности это касается тех, кто писал на латыни, однако среди них мы можем обнаружить и пишущего по-польски Миколая Рея, когда-то считавшегося «отцом польской литературы». Для «отца» это была уж больно специфическая фигура, коль скоро его современники сообщают, что Рей, приезжая в гости, «непомерный жбан слив, пресного меду полковша, огурцов свежих три больших миски, гороху стручкового четыре шапки каждый день на голодный желудок всегда съедал. А потом, употребив бидон молока с хлебом, гору яблок и полведра груш умявши, съедал шмат мяса свежего, а бывало, что и не один, а целых четыре, кислой капустой заедая, после чего было ему уж не до лягушачьих лапок. Вскоре же, когда жажду утолить нужно было, то любой бы со смеху помер, кабы говорил я о том прилюдно, ибо с радостью великой поедал он яства дрянные, редко пил хорошее пиво, а только горькое, кислое, да еще и мутное, а коли угощал его кто совсем уж паскудным пивом, то пил так, что за ушами трещало». Трудно сказать, было ли так на самом деле, но в любом случае нужно помнить, что Рей был всего лишь человеком. Из других источников нам также известно, что Рей не пытался прослыть ученым поэтом, а наоборот, сознательно позиционировал себя как человека простого, не столько неотесанного, сколько не слишком образованного и немного наивного, хотя и бывал при дворе короля и вращался среди самых знатных вельмож того времени. Сегодня Рей известен благодаря именно этим двум вещам — своим «отцовством» по отношению к нашей литературе и любви к такой родной и знакомой простоте[6].

Но вернемся к эпиграммам. Свой сборник Рей озаглавил «Фиглики» [«Прибаутки»], совсем иначе, нежели Кохановский: вместо слова итальянского происхождения («фрашка» — это не только «мелочь, пустяк», но и «ценная безделушка») Рей выбрал польский этимон, отсылающий скорее к «шалости, проделке», то есть «шутке». Оба поэта любили шутки и анекдоты, однако их книги совершенно разные. В книге Рея в основном представлены проникнутые непритязательным юмором прибаутки и байки, почерпнутые из помещичьей,

церковной и семейно-бытовой реальности... Всё это выглядит настолько родным и — как и сам автор — безыскусным, что обычному читателю трудно отследить более глубокие корни этих текстов, равно как и увидеть в композиции сборника изящный замысел. В композиционном отношении Кохановский тоже поступил иначе. Не говоря уже о более разнообразном содержании его книги, стоит обратить внимание и на композицию «Фрашек». Сначала можно легко дать сбить себя с толку словами самого поэта, который раз за разом пытается убедить нас, что его стихи лишены серьезной тематики (разумеется, это неправда), либо что произведения на «высокие» и «низкие» темы перемешаны, словно товары на прилавке. Короче говоря, Кохановский любой ценой пытается отбить у читателя охоту к более тщательным поискам и делает это абсолютно последовательно, за одним, пожалуй, исключением, когда сравнивает свою книгу с лабиринтом:

О фрашки милые, мой дар необычайный, Лишь вам заветные я поверяю тайны;

(...)

Едва ли, думаю, найдется кто-нибудь, Кто мог бы отгадать, исполненный терпенья, Какие кроются за вами помышленья. Скажите, чтобы он не тратил зря забот, Иначе в лабиринт такой он попадет, В такую сеть дорог, что нитка Ариадны Не выведет его из ночи непроглядной^[7].

Так что у нас есть выбор: либо считать композицию книги случайной (в соответствии с принципом разнородности), либо попытаться разгадать скрытые в лабиринте тайны. Попытка, разумеется, была сделана — и наблюдаемые результаты оказались исключительно интересными. Если допустить, что произведение представляет из себя зашифрованную загадку, необходим будет ключ, который поможет ее разгадать.

Сведения об образовании поэта, а также об интересах людей в ту эпоху, помогли предварительно найти такой ключ, хотя нужно сразу подчеркнуть, что это не окончательная, а лишь частичная разгадка. С одной стороны мы знаем, что в XVI веке огромной популярностью пользовались разного рода календари, книжечки с предсказаниями и сонники; с другой — известно, что классическое образование в то время часто сочеталось с интересом к текстам Священного Писания (многие ученые подвергали текст Библии критическому разбору, а Кохановский, живо интересующийся филологией, переводил Псалтырь на польский язык), а это давало

возможность изучения каббалистических практик интерпретации Писания (ситуация в случае Кохановского гипотетическая, но вполне вероятная) и платоновских эстетических идей, проявляющихся, в частности, в конструкциях, выстроенных по принципам симметрии. Популярную пророческо-астрологическую практику объединяет с библейской герменевтикой отсылка к символике чисел, а те, в свою очередь, могут обнаруживать нетривиальные композиционные и смысловые конструкции. Если допустить, что поэт был знаком с этими традициями, мы можем с тем же успехом увидеть в его действиях игру с читателем, для которого (а может быть, только для себя?) Кохановский придумывает загадки, связанные с числами. В случае «Фрашек» это проецируется на возможность поиска скрытых значений через прочитывание числового значения названий конкретных произведений[8], а также отслеживание их места в книге. Это, разумеется, требует определенных навыков, а также знаний об авторе, однако результаты бывают довольно любопытными. Возьмем, к примеру, популярное произведение «На липу». Оно появляется в сборнике с регулярными нитервалами — через каждые 108 фрашек. Оказывется, именно такое числовое значение имеет не только название местности Чернолесье, где жил поэт и где действительно росло то самое знаменитое дерево, но и написанное по правилам старинной орфографии — и потому недоступное современному читателю — слово «лабиринт». В свою очередь, числовое значение имени писателя, Ян, соответствует цифре 25, и именно на 25-м месте в книге мы обнаруживаем фрашку «О себе», которую можно считать автобиографической. Есть и еще некоторое количество таких взаимообусловленностей, пусть и не слишком большое. Что они говорят нам о композиции? Немногое, если мы надеемся на окончательные выводы; довольно многое, если мы настроены на дальнейшие поиски^[9].

Если кому-то такая интерпретация покажется маловероятной (как это поначалу казалось мне), пусть попробует ответить — могут ли подобного рода вычисления быть простой случайностью, можно ли до такой степени подогнать факты к теории? Если читателю-скептику и этого недостаточно, приведу другой пример.

Спустя несколько десятилетий после выхода «Фрашек» появился сборник стихов Шимона Зиморовича «Роксоланки» [«Украинки»]^[10]. Если нам нужны загадки, то здесь их более чем достаточно. Книгу выпустил Бартоломей Зиморович, брат поэта, который часто публиковал под его именем и свои

произведения. Последнее обстоятельство вызывало сомнения относительно авторства упомянутого сборника, однако сегодня автором всё-таки принято считать Шимона. Бартоломей, который сам был поэтом, мог после смерти брата поддаться творческому искушению и кое-что изменить в оригинальном тексте — этот нюанс неизменно подстегивает воображение исследователей, но до тех пор, пока не будет найдена авторская рукопись произведения (либо другой, столь же надежный источник), мы обречены питаться домыслами, и для нас будет лучше, если мы сможем сделать выводы из того урока смирения, который много лет назад преподал нам Александр Брюкнер.

Однако куда важнее в данном случае содержание произведения, которое представляет из себя подарок к свадьбе Бартоломея. Перед нами эпиталама [свадебная песнь у древних греков], дополнительно расписанная на несколько голосов. «Роксоланки» — это цикл произведений, состоящий из трех частей: два хора девушек и один хор юношей; певцы должны расхваливать достоинства новобрачных, а также воспевать любовь и саму свадьбу как событие. Открывает цикл посвящение, из которого мы узнаем, что автор... умирает, впрочем, мы ведь знаем (как знали это и тогдашние читатели), что причиной скверного самочувствия и внезапной кончины Шимона стали отравленные стрелы Амура, любовный угар, благодаря которому он и заразился смертельным в то время сифилисом. Такому своеобразному вступлению сопутствует не менее своеобразное развитие темы, поскольку певцы вместо радостных песен делятся с нами во многом грустной, если не вовсе трагической историей о любви неудачной и трудной:

Так вот она, любовь! Пришлось ей уродиться не у Венеры, а у кровожадной львицы,

а то и вовсе внезапно оборвавшейся из-за смерти одного из любовников:

Город милых песен с отзвуками рая тяжело вздыхает, молится, вздыхая: нет тебя, прекрасая Галина, нет тебя, любезная дивчина!

В повторяющемся призыве-рефрене «нет тебя» отчетливо слышна аллюзия к траурному циклу «Трены» [«Плачи»] Кохановского. Целый же текст венчает не слишком оптимистическое наблюдение: «Мудрость мудрых / видеть погоню за нами / смертельную». И далее: «Суета сует / этот мир с его пиршествами». Нам пришлось бы сделать не слишком

приятный вывод, что это очень странный или даже вовсе неуместный подарок, если бы его композиция не скрывала за ширмой мрачного содержания довольно оригинальное послание. Мы сможем прочесть его, если вновь обратимся к платоновской философии, в соответствии с которой красота тесно связана с категорией гармонии, и потому совершенная красота бессмертна. Гармоничная композиция сборника выражается в симметричном разделении книги на две части; осью этого разделения служит песнь II 16, которую поет «Нарцисс», имя которого, благодаря отсылке к мифологическому персонажу, актуализирует мотив зеркала и тем самым подчеркивает разделение текста на две перекликающиеся друг с другом части. Любопытно, что такая композиция «Роксоланок» находит свое подтверждение в теории «золотого сечения», определяемого при помощи математической формулы и считающегося «фундаментом дышащей красотой гармонии» $^{[11]}$. Так что «Роксоланки» — это не просто горькая исповедь умирающего нытика. Прощающийся с миром поэт, создавая произведение, выражающее бессмертные совершенство и красоту, сделал новобрачным необыкновенный, многозначный, поистине впечатляющий подарок.

Таким образом, мы отчетливо видим, что интерес к символике чисел был характерен не только для XVI, но и для XVII века. Приведенные мной примеры из области поэзии не должны заслонять того факта, что интерес к нумерологии подогревали и удовлетворяли многочисленные сочинения, пропагандирующие подобные практики, а также проповеди и трактаты, с этими практиками полемизирующие. Множество таких сочинений пропало либо, в связи с их популярностью, было в буквальном смысле слова зачитано «до дыр», однако наши скудные знания на эту тему не должны заслонять от нас масштаб явления. То, что долгое время считалось маргинальной областью знаний, сегодня признано серьезным источником, о чем свидетельствуют издания, выходящие в серии «Bibliotheca Curiosa», созданной как раз для того, чтобы дать новую жизнь таким полузабытым произведениям, как, например, «О снах и чарах» Станислава Поклатецкого.

Чтобы не задерживаться слишком долго на пограничье философии и эзотерики, присмотримся к повседневной жизни тогдашних граждан Речи Посполитой. Я имею в виду в первую очередь тот важный момент, когда шляхтич покидал свое родовое гнездо и отправлялся в путешествие, при этом особый интерес представляют его зарубежные странствия. Меня всегда в этой ситуации волнует вопрос, чего ожидал «сармат» (то есть

польский шляхтич) от такой поездки, что его интересовало, а что тревожило. Эти вопросы я задаю себе, разумеется, для того, чтобы найти на них ответ в источниках, в литературе, а интересными считаю их в первую очередь потому, что, согласно часто упоминаемому «психологическому портрету», польский шляхтич «не был героем дальних дорог», путешествовал неохотно и лучше всего чувствовал себя среди своих, то есть в родной стране. Характерной приметой помещичьей жизни в деревне было то, что каждый жил примерно так же, как и его соседи. Описания такой жизни с перечислением ее достоинств, собранные вместе, могли бы составить гигантскую антологию. Одним из открывающих ее произведений наверняка могло бы стать вот это короткое стихотворение Кохановского:

Господь, труд этот мой, но с помощью Твоей, И милость на него ты до конца пролей! Дворцом из мрамора владеют пусть другие, Пусть ткани там висят на стенах дорогие. Я, Господи, живу в своем родном гнезде^[12].

В подобном тоне в разные времена вторили Кохановскому другие поэты. Вот Иероним Морштын:

Тот велик, кто в родной стороне малым довольствуется вполне. Щедро одарит нас небо, дав кусок хлеба. (...) Благослави Господь нас, грешных, землепашцев прилежных. А вы, с вашими спорами-драками, сидите, панове, в Кракове^[13].

И еще короткий фрагмент из стихотворения другого певца деревни и домоседа, Анджея Збылитовского: «Пусть, кто хочет, стены городит, / дворцы дорогие возводит (...) / под парусом по морю ходит (...) / В деревне, живя без обману, / свой сад я возделывать стану, / чтоб не завидовать чужим чертогам, / а жить спокойно и с Богом»^[14]. Такую позицию, в высшей степени характерную для шляхты, отстаивали и тогдашние учебные пособия, призванные воспитать идеального гражданина. Автором одного из них, называвшегося «Житие доброго человека», был уже знакомый нам Миколай Рей. Трактаты, посвященные формированию совершенной личности, писали также Лукаш Гурницкий («Польский дворянин при дворе», адаптация итальянского трактата),

Вавжинец Гослицкий («О сенаторе»), появлялись и более скромные произведения, посвященные непосредственно сельской жизни (к примеру, «Охота с гончими» и «Наука пчеловодства» Яна Остророга, «Книги о хозяйстве» Петра Кресцентина, нельзя не вспомнить о солидном «Хранилище (...) о экономии усадебной» Якуба Хаура^[15]), однако Рей занимает здесь совершенно особое место. Как и процитированные выше поэты, он также совмещал дворянскую жизнь с религиозной практикой, однако в отличие от своих коллег не запрещал читателю-«сармату» путешествовать, а напротив, всячески его к этому поощрял. В действительности, несмотря на декларируемую склонность к оседлому образу жизни, шляхта посещала другие страны достаточно регулярно, сначала главным образом в образовательных целях, со временем начиная ценить возможность лучше узнавать жизнь и обычаи зарубежья. Трудно не заметить, что судьбы помещиков складывались очень по-разному, поскольку среди них были и те, кто не возвращался в родные края (как предполагал в своем произведении Рей, настаивавший, что сам он за границей никогда не был), а находил себе покровителя и посвящал себя придворной службе, часто требовавшей довольно высокой мобильности. Именно такую судьбу выбрал, к примеру, выдающийся поэт Даниэль Наборовский. Дипломатические поездки, равно как и типичные для дворянина того времени путешествия в образовательных целях, оставили заметный след в его творчестве. Кроме обширной корреспонденции, Наборовский привез из своих странствий, в частности, великолепное стихотворение «К очам английской королевы», посвященное царствующей особе, с которой он, как и с Шекспиром, возможно, сумел познакомиться лично. Известно, что молодые люди, обучавшиеся в университетах, иногда оставляли поэтические описания своих заграничных впечатлений — к примеру, Иероним Морштын запечатлел публичное вскрытие трупа в двух произведениях, «Абрахаму Мачеёвскому об анатомии дамской» и «Господину из Познани об анатомии мужской», другие же привозили написанные прозой дневники, которые они вели во время своих странствий. Эти тексты обычно носили частный характер и не предназначались для печати, так что мы можем найти в них именно то, что мы ищем. Ознакомимся с несколькими фрагментами:

Прожив тут (в Гамбурге — Л.Ц.) несколько дней, немало достойного мы лицезрели: положение города удачно, а оборона его крепка весьма, и солдат в достатке; а особо одна высокая башня при костеле, куда мы восходили одним вечером на самый верх, где каждый имя свое начертал; (в городе — Л.Ц.)

полно домов каменных и жителей, и немало самых разных народностей. Католические костелы в лютеранские переделаны (...). Видели мы казармы, весьма на вид недурные, полные амунициии и войска (...) $^{[16]}$.

(...)

Приплывши в Эмден, наблюдали мы города расположение и мощь его великую и достаточную; город над путем морским лежит; город портовый, и к нему суда пристают большие и здесь refluxus maris [отлив] бывает, как и в Гамбурге. Ратуша здесь тоже похвал достойна [17].

А в дневнике Казимежа Войшнаровича читаем:

Ехали мы через город Фидберх^[18]. Стены высокие, валы (...), замок большой и храмы из тесаного камня. Главная улица широкая, дома богатые (...). В пятом часу прибыли мы во Франкфурт (...) перед городом виноградники, стены у города крепкие, валы такие высокие, что города не видно^[19].

Я выбрал довольно случайные фрагменты, хотя, честно говоря, старался привести здесь описания, наиболее характерные для этого жанра, повторяющие, словно мантру: город красивый, город невзрачный, портовый или расположенный на взгорье, стены, пушки, каменные дома, храмы... Иногда промелькнет услышанный в дороге анекдот, но ищем-то мы не это. Если пребывание в Гамбурге заняло у Собесских два дня, наверняка они встретили каких-нибудь интересных персонажей, пережили нечто более вдохновляющее, нежели восхождение на башню... Почему, записывая — для себя, как мы помним свои впечатления, они оказывались в плену схем? Почему вместо пикантных деталей ограничивались обобщениями? Подобные вопросы задавались неоднократно, нередко сводясь к обвинениям в адрес якобы бесчувственных к красоте окружающего мира либо просто не обремененных литературными талантами путешественников. Обманутые ожидания сегодняшних читателей порождают разочарование, но так ли уж виноваты в этом писатели былых времен? Коль скоро почти все вели себя подобным образом, мне представляется, что проблема здесь кроется не в их литературных способностях или менталитете, но в нашем незнании той эпохи и слишком завышенных требованиях. Сегодня мы уже знаем, что шаблонный подход к описанию городов был следствием определенной образовательновоспитательной модели и эстетики, связанных с культурой похвалы, предписывавшей перечислять заслуживающие

упоминания элементы городской архитектуры (положение, защищенность...). Аналогичные правила предписывали особым образом отзываться и о людях. Схематизм описания вовсе не свидетельствует о пассивности наблюдателя, но лишь указывает на его образование. Кроме того, наблюдение за городской жизнью считалось чем-то вроде дополнительного обучения, поэтому нет ничего удивительного в том, что вооружение вызывало такой живой интерес у храбрых шляхтичей.

Мы уже знаем, почему все эти описания сегодня напоминают не слишком оригинальный текст написанной по стандартной схеме открытки. Продолжает, однако, оставаться загадкой, отчего они не фиксируют повседневные настроения либо эмоции, которые вызывает встреча с незнакомцами, случайный разговор или неожиданное приключение. В этом смысле урок, который нам преподает писание прозы, довольно прост: не жди, спрашивай. Дневники сейчас издают неохотно (не случайно один из них я цитировал по рукописи). Может быть, это происходит потому, что мы слишком многого ждем, затратив на поиски минимум усилий? Если мы немного расширим круг наших изысканий, то наткнемся на еще один, неупомянутый ранее плод заграничных поездок: эпистолографию. Попытки вести дневниковые записи, предпринимаемые Войшнаровичем, нам уже известны, теперь же я предлагаю взглянуть на его переписку: «Что это за дела, когда человек уж чуть ли не с ума сходит, а денег взять неоткуда. Весь путь от Парижа до Рима проделали мы, имея при себе только 1300 флоринов». В другом месте мы узнаем об этих тратах чуть больше: «камергерам и на разные расходы, дрова и прочее, в дороге нужно не менее ста злотых. Если не найдем денег в Риме, не знаю, что будет. Ох, допекла меня эта путьдорога, не княжеская, а нищая, сплошные долги, кредиты, чего только на душу брать не приходится...»^[20]. Сразу видно, что автор склонен здесь к более глубоким откровениям. Можно было бы рискнуть, утверждая, что два этих отчета, дневниковый и эпистолярный, дополняют друг друга, создавая целостный многоуровневый текст. Я бы посоветовал читать их параллельно, если бы не тот факт, что переписка, связанная с этим дневником, насколько она вообще сохранилась, часто очень разрозненна и неполна, так что, скорее всего, это развлечение для самых стойких любителей такой литературы. Помощью и некоторым стимулом в этих самостоятельных поисках могут стать постоянно пополняющиеся коллекции цифровых версий изданий и репродукций, часто сопровождающихся довольно подробными комментариями. В последнее время появилось несколько проектов такого типа:

переписка Яна Дантышка (http://dantiscus.ibi.uw.edu.pl/? &lang=pl), выполненные в XVI веке переводы Евангелия (http://www.ewangelie.uw.edu.pl) и Польские эмблемы (http://polishemblems.uw.edu.pl). Дневниковое наследие пока не имеет своей электронной версии, но дождаться ее стоит, наслаждаясь тем временем обширными фондами польских цифровых библиотек (http://fbc.pionier.net.pl/), где, кроме дневников Собесских и Войшнаровича, мы можем обнаружить календари и книжки с предсказаниями, старинные и современные издания объемных трактатов и фрашек. Разумеется, слишком широкий контекст может усложнить процесс знакомства со старинными текстами, хотя может и — как мы уже видели — облегчить его.

Признаться, в начале статьи я допустил серьезное упрощение, говоря о существовании интересующей меня группы загадочных литературных эпизодов, из которых я собирался что-то отобрать и представить читателю, и теперь чувствую, что эта концепция нуждается в объяснении. Так вот, самое простое определение для этой таинственной коллекции, которая всё же является чем-то большим, чем результатом моих увлечений, звучит так: старопольская литература. Даже если бы я выбрал экстремальный подход и решил написать учебник, я не смог бы должным образом сузить тему и привести все необходимые примеры. Всё без исключения важно и интересно. Все старинные тексты по определению скрывают в себе множество тайн, все они для нас по-своему загадочны (одни в большей степени, другие в меньшей), поскольку мы во многом утратили контакт с действительностью, вызвавшей эти тексты к жизни. Если опытный автор ставил своей целью «приспособить слова к делу, а вещи ко времени», то сегодня ни его слова, ни его дела, ни даже его время для нас не очевидны. Мы даже не можем полностью довериться такому, казалось бы, близкому нам языку. Выражаясь немного старомодно, мы далеко не идеальные потребители этих произведений. Самое большее, что мы можем (и в этом я вижу самый главный смысл чтения этих текстов) — учиться, как быть этим идеальным читателем, хотя я и сомневаюсь, что кому-нибудь это удастся в полной мере. Несмотря на это, именно эта постоянная нехватка уверенности приносит наиболее любопытные результаты.

^{1.} Кроме «Свентокшиских проповедей» и сборников менее объемных произведений эпохи средневековья, Брюкнер издал тексты Миколая Рея, Яна Кохановского, Шимона Зиморовича — к их наследию я обращусь в этом эссе чуть ниже — и Вацлава Потоцкого, а также монографию,

- посвященную Миколаю Рею (Mikołaj Rej. Studium krytyczne, Kraków 1905; Mikołaj Rej. Człowiek i dzieło, Lwów 1922), «Старопольскую энциклопедию» (Encyklopedia staropolska, Warszawa 1939, reprint 1990), четырехтомную «Историю польской культуры» (Dzieje kultury polskiej, 1930–1932, reprint 1991) и «Историю русской литературы» (Historia literatury rosyjskiej, Lwów 1922, t. 1–2).
- 2. A. Brückner, Spór o "Bogurodzicę", "Ruch Literacki" 1937, 12, s. 587, cyt. za R. Mazurkiewicz, Deesis. Idea wstawiennictwa Bogarodzicy i św. Jana Chrzciciela w kulturze średniowiecznej, Kraków 2002, s. 238.
- 3. J. Kochanowski, *Gadka*, w: tegoż, *Dzieła polskie*, oprac. J. Krzyżanowski, Warszawa 1990.
- 4. Существует также перевод Всеволода Рождественского: Зверь есть в мире одноглазый, / Страха он не знал ни разу. Бей хоть пулею в него, / В глаз нацель все ничего. / Рявкнет он в ответ, как гром, / И расправится с врагом. Перевод был опубликован в книге: Ян Кохановский, «Избранные произведения». Изд-во Академии наук СССР, Москва-Ленинград, 1960). В примечании к переводу приводится и «ключ» к «Загадке»: «огнестрельное оружие». Однако присутствующие в оригинале эротические и физиологические аллюзии, «потерянные» В. Рождественским при переводе, заставляют усомниться в правильности такого решения —Примеч. пер.
- 5. На сегодняшний день у «Загадки» осталось четыре варианта решения: мужской анус, женский анус, вагина и «переносной деревянный нужник». Более подробно старинные и современные интерпретации этого текста рассматривает Р. Гжешковяк, R. Grześkowiak, O dupie Maryni. Rozwiązanie "Gadki" Jana Kochanowskiego, "Odrodzenie i Reformacja w Polsce" 2016, t. LX.
- 6. Я. Верещинский, «Некий гостинец неудержимым пьяницам и мерзким пропойцам этого мира для созерцания непредвзятого и страстей своих усмирения». J. Wereszczyński, Gościniec pewny niepomiernym moczygębom a omierzłym wydmikuflom świata tego do prawdziwego obaczenia a zbytków swoich pohamowania, http://staropolska.pl/renesans/proza/Wereszczynski.html(dostęp 24.01.2017).
- 7. Перевод Вс. Рождественского.
- 8. Числовое значение слова можно определить, суммируя числовые значения отдельных букв латинского алфавита, где A=1, B=2, C=3 и так далее.

- 9. Заинтересовавшимся советую ознакомиться с двумя исследованиями, содержащими подробную информацию относительно описанной здесь интерпретационной техники: J. Sokolski, Lipa, Chiron i labirynt. Esej o "Fraszkach", Wrocław 1998; J. Kroczak, W labiryncie. O układzie "Fraszek", w: Wiązanie sobótkowe. Studia o Janie Kochanowskim, red. E. Lasocińska, W. Pawlak, Warszawa 2015.
- 10. Это произошло в 1629 г., а опубликовано произведение было 25 лет спустя, уже после смерти автора. Современное издание см. S. Zimorowic, Roksolanki to jest ruskie panny, wyd. R. Grześkowiak, Warszawa 1999. Все цитаты приводятся по этому изданию.
- 11. Более подробную информацию на эту тему содержит статья Павла Стемпеня «"Амарант" значит "неувядающий"». Тайны неоплатоновской архитектуры "Роксоланок" Шимона Зиморовича». Paweł Stępień "Amarant" znaczy "nie więdnący". Tajemnice neoplatońskiej architektury "Roksolanek" Szymona Zimorowica, "Pamiętnik Literacki" 1996, z. 1.
- 12. Перевод Вс. Рождественского.
- 13. И. Морштын, «Шляхетская манера», в кн.: Н. Morsztyn, Szlachecka kondycyja, w: Słuchaj mię, Sauromatha. Antologia poezji sarmackiej, oprac. K. Koehler, Kraków 2002, s. 209–212.
- 14. А.Збылитовский, «Деревенщина». A. Zbylitowski, Wieśniak, wyd. T. Wierzbowski, Warszawa 1893. В настоящее время Институт литературоведения Польской академии наук готовит новое издание стихов Збылитовского.
- 15. Фрагменты произведений Хаура и Кресцентина опубликованы в антологии «Старопольские книги об oxote». Staropolskie księgi o myślistwie, oprac. W. Dynak, J. Sokolski, Wrocław 2001.
- 16. «Дневник путешествия по Европе Яна и Марека Собесских, Себастьяном Гаварецким писаный». Dziennik podróży po Europie Jana i Marka Sobieskich przez Sebastjana Gawareckiego prowadzony, Warszawa 1883, s. 38.
- 17. Там же, с.42.
- 18. То есть Фридберг.
- 19. К.Я. Войшнарович, «Поездка ясновельможного князя, Его милости Острогского из Гданьска в Париж в год 1667», рукопись хранится в Национальной библиотеке, шифр ВОZ 847, k.13p. K.J. Wojsznarowicz, Wyiazd Iaśnie Oświeconego Xiążęcia Ie[go] m[iłoś]ci Ostrogskiego z Gdańska do Paryża anno 1667, rękopis BN, sygn. BOZ 847, k. 13r.
- 20. Цит. по: А. Сайковский, «Итальянские приключения

поляков в XVI-XVIII веках». A. Sajkowski, Włoskie przygody Polaków. Wiek XVI-XVIII, Warszawa 1973, s. 51, 52.

Культурная хроника

20 марта во время торжественной церемонии в театре «Польски» в Варшаве вручались «Орлы» — премии Польской киноакадемии. Главным триумфатором стала «Волынь» Войцеха Смажовского, военная драма о резне, которую учинили над польским населением в 1943 году украинские националисты. Картина получила две главные премии: как лучший фильм и премию за режиссуру. А также снискала награды в семи других категориях, в том числе за операторскую работу, музыку и премию зрительских симпатий (в кинотеатрах «Волынь» посмотрело почти 1,5 млн зрителей).

Четыре «Орла-2017» достались создателям «Последней семьи», фильма о семье художника Здзислава Бексинского. Премии за лучшие роли первого плана получили Александра Конечная и Анджей Северин, за сценарий — Роберт Болесто. Режиссер фильма о Бексинских, Ян П.Матушинский, получил премию в категории «открытие года».

Двумя «Орлами» отмечен фильм «Я убийца», основанный на истории «вампира из Заглембя», серийного убийцы, свирепствовавшего в 1970-х года на юге Польши. Премии получили Агата Кулеша и Аркадиуш Якубик за лучшие роли второго плана.

«Орел-2017» за творческие достижения в области кино был вручен Сильвестру Хенцинскому (р. 1930), выдающемуся режиссеру комедийных фильмов, на счету которого такие картины, как «История золотой туфельки», комедийная трилогия «Все свои», «Великий Шу», «Контролируемые разговоры».

«Орлы», которых называют польскими «Оскарами», присуждались уже в девятнадцатый раз. Впервые в истории этой премии церемонию награждения не транслировал ни один государственный канал.

Фильм «След зверя» Агнешки Холланд, основанный на романе Ольги Токарчук «Веди свой плуг по костям умерших», получил «Серебряного медведя» на 67-м Международном кинофестивале в Берлине «за открытие новых путей в

киноискусстве». На экраны польских кинотеатров картина вышла 24 февраля. «Я хотела показать историю пожилой женщины в современном мире, в котором доминируют злые сильные мужчины», — говорит режиссер. Актер Виктор Зборовский, исполнитель одной из ролей второго плана, добавляет: «След зверя», затрагивая, в частности, проблемы охоты, браконьерства, уважения к природе и исключения из современной жизни женщин, особенно пожилых, — это фильм, который попадает в свое время с точностью до десятой доли секунды». Оказавшуюся неожиданной актуальность новой картины Агнешки Холланд подчеркивает также Малгожата Садовская, рецензент «Newsweek»: «Фильм появился как раз в тот момент, когда правящая полтора года партия пробует лишить женщин прав, отказывает в убежище беженцам, отнимает средства у организаций, поддерживающих жертв насилия, и уничтожает Беловежскую пущу. Зато в новом законодательстве о звероловстве власть предоставляет различные привилегии охотникам». Тадеуш Соболевский на страницах «Газеты выборчей» добавляет: «Выводы из фильма Холланд нельзя свести к экологическому протесту «в защиту природы». Занимающиеся браконьерской охотой представители местной власти в этом фильме символизируют разнузданное насилие, от которого невозможно укрыться».

Несколько иначе оценивает картину Войцех Шацкий в своем блоге в «Политике»: «След зверя» Агнешки Холланд, возможно, фильм и выдающийся, только смотреть его невозможно. Он не приносит зрителю удовлетворения ни как триллер, ни как черная комедия, ни как сказка. (...) Схема за схемой и схемой погоняет. Если охотник, то непременно злобный и вдобавок бабник-алкоголик; если священник, то фанатик, если энтомолог, то тронутый умом. Никакой жизни в этих персонажах не найдешь, никакого любопытства они не вызывают, никаких интересных перипетий не происходит. Что можно вынести из «Следа зверя»? Что не надо мучить животных? Что зло, им причиненное, тебе аукнется? Ах, какое грандиозное послание!» Выводы Шацкий делает следующие: рецензии будут радикальные, но вот эмоции фильм вызовет лишь среди критиков. Похоже, этот прогноз не оправдывается, фильм уже посмотрели четверть миллиона зрителей.

24 марта на экраны польских кинотеатров вышел американский фильм «Убежище», рассказывающий историю супругов Антонины (в этой роли Джессика Честейн) и Яна (Йохан Хельденберг) Жабинских. Ян Жабинский, натуралист и

популяризатор знаний о животных, в течение многих лет директор варшавского зоологического сада, во время гитлеровской оккупации был солдатом Армии Крайовой. Жабинские в опустошенном (после немецких бомбардировок в 1939 году) зоопарке, в помещениях для животных, а также в своем особняке спасли около трехсот евреев, за что после войны были отмечены медалями «Праведник среди народов мира».

Почетным гостем лондонской книжной ярмарки «The London Book Fair» (14-16 марта), самом масштабном мероприятии такого рода в англосаксонском мире, в этом году была Польша. Польскую книгу представляли в Лондоне 50 издателей и 11 писателей, среди которых, в частности: Ольга Токарчук, Яцек Денель, Зигмунт Милошевский, Анджей Новак, репортеры Артур Домославский и Эва Винницкая. Делегация была сформирована Институтом книги и Британским советом, а «основным критерием выбора авторов явилось наличие осуществленных или запланированных переводов на английский язык». По традиции для страны-почетного гостя хозяева лондонской ярмарки предусматривают две премии. Премия в категории «Издатель литературы для взрослых» досталась издательству «Чарне», а издательство «Две сестры» признано лучшим польским издательством, специализирующимся на детской литературе.

В пятый раз присуждалась международная литературная премия имени Збигнева Херберта. Лауреатом стал Брейтен Брейтенбах, южноафриканский поэт, прозаик, эссеист и художник, противник апартеида и многолетний политический заключенный. Брейтенбах, родившийся в 1939 году в небольшом городке Боннивейл в ЮАР, сегодня, наряду с Д.М. Кутзее, наиболее известный литератор родом из Южно-Африканской Республики. Международное жюри сочло, что «сопряжение художественных достоинств его творчества и бескомпромиссной этической позиции, выступление на стороне притесняемых — это прекрасное воплощение принципа, особенно близкого Збигневу Херберту, автору знаменитых строк: «Гнев твой бессильный пусть будет как море / каждый раз как услышишь голос униженных и битых»». Торжественное вручение премии состоится 25 мая в Варшаве.

Анджей Мушинский, автор прозаических книг «Межа», «Юг», «Циклон», «Подкшивдзе», и Патриция Пустковяк, автор дебютного романа «Ночные животные», стали в нынешнем году лауреатами премии им. Адама Влодека. Премия — это, собственно, «стипендия на написание очередной литературно-художественной, литературоведческой книги или подготовку перевода», которая присуждается авторам моложе 35 лет Фондом Виславы Шимборской. Адам Влодек (1922—1986), поэт, переводчик и редактор, в 1948—1954 годах был мужем Виславы Шимборской (1923—2013), которая в своем завещании распорядилась присуждать молодым писателем премию его имени.

16 марта в издательстве «Вильк и Круль» вышла в свет книга «Все что захочешь. О любви Ярослава Ивашкевича и Ежи Блешинского», в которой опубликовано 252 неизвестных ранее письма писателя к его последней большой любви, страдающему тяжелой формой туберкулеза молодому мужчине, рабочему и отчасти поэту. Письма таинственным образом исчезли из дома Ивашкевича в Стависке, попали к антиквару, а затем к известному коллекционеру, который передал их в 2009 году в депозитарий Королевского замка в Варшаве. «Письма складываются в роман о любви во всех ее оттенках и измерениях, от наиболее радостных, интимных, до страсти, одиночества, ревности, обмана. Вдобавок история последнего большого чувства Ивашкевича завершилась трагически, как классический роман о любви и смерти», — сказала Анна Круль, подготовившая письма к печати. Блешинский, о котором говорили, что «он был красив, как архангел», умер в возрасте 27 лет, а описание его смерти — это едва ли не самые проникновенные страницы в дневниках Ярослава Ивашкевича.

Много споров вызвал спектакль, поставленный хорватом Оливером Фрличем по мотивам драмы Станислава Выспянского «Проклятье» в столичном театре «Повшехны» (премьера состоялась 18 февраля). «Против спектакля, — сообщает Польское агентство печати ПАП, — протестовали представители националистических и католических кругов; конференция Епископата Польши сочла, что спектакль «несет знаки святотатства», а прокуратура округа Варшава-Прага начала официальную проверку. В прессе появилась также информация, что Польское телевидение отказалось от сотрудничества с актрисой Юлией Вышинской, которая в «Проклятии» исполнила одну из ролей». Возле театра

националисты организовали пикеты, члены «Крестового похода молодых» декламировали молитвенный канон — общая молитва должна была стать «искуплением за грех святотатства». Театр «Повшехны» выступил с призывом «отказаться от манипуляций в СМИ и от языка ненависти»: «Мы решительно протестуем против использования спектакля в политических играх», — отмечается в переданном агентству ПАП заявлении. По мнению авторов заявления, травля в СМИ и многочисленные высказывания лиц, которые спектакля не видели, отвлекают внимание от главных тем постановки, таких как «многолетняя проблема снисходительного отношения к педофилии и ее сокрытия, критика злоупотреблений властей Католической церкви, свобода распоряжаться собственным телом и механизмы насилия и дискриминации».

Премия им. Зигмунта Хюбнера «Человек театра 2017» вручена 27 марта Петру Цепляку (р. 1960), театральному и телевизионному режиссеру, в течение последних трех лет связанному с театром «Народовы» в Варшаве. Цепляк ранее поставил ряд спектаклей в нескольких столичных театрах, в том числе в театрах «Вспулчесны», «Драматычны», «Розмаитосци». В 2000-2007 годах он был связан с театром «Повшехны» им. Зигмунта Хюбнера, где поставил, в частности, шекспировского «Короля Лира». Обладатель многих премий, среди них Гран-при XIX Театральных встреч в Ополе «Польская классика» (1994) за «Историю о чудесном Христовом Воскресении» Миколая Вильковецкого, поставленную во вроцлавском театре «Вспулчесны». Премия им. Зигмунта Хюбнера имеет целью отметить людей, продолжающих дело выдающегося режиссера, поддерживающих такие ценности, как добросовестность, ответственность, искренняя любовь к работе и широкий взгляд на театр. Присуждаемая с 2014 года премия находится под почетным патронатом министра культуры и национального наследия.

В Люблине силами польских и украинских артистов поставлен спектакль под названием «Переходы» на основе двух балетов Игоря Стравинского — «Свадьба» и «Весна священная». Премьера состоялась 18 марта в люблинском Центре встречи культур. В постановке приняло участие более 200 артистов, на сцене выступили танцоры Театра танца в Бытоме, Люблинского театра танца, а также труппа «Black O!Range Productions» из Киева. Музыка звучала в исполнении симфонического оркестра

Львовской филармонии, польского ансамбля «Квадрофоник»; участвовали камерный хор «Глория» из Львова и оперные певцы. Замысел спектакля принадлежит руководителю люблинского Центра международных творческих инициатив «Перекрестки» Мирославу Хапонюку, который сказал, что спектакль сразу был задуман как польско-украинское мероприятие, связанное с контекстом пограничья. Он напомнил, что оба балета Стравинского возникли на пограничье, в Устилуге — маленьком городке, находящемся ныне на Украине, возле польской границы. «Это тоже будет «переход», касающийся нас и нашего времени, когда некий старый мир для нас завершился, а новый еще не возник, и мы сидим на чемоданах, в каком-то переходе между двумя мирами. Именно этот ритуал перехода, отсылающий к национальной культуре, позволит нам рассказать о нашем состоянии и наших страхах», — сказал Хапонюк.

Тадеуш Зеленевич в конце февраля освобожден от обязанностей директора «Королевских Лазенок» в Варшаве. Увольнение произошло, в частности, в связи с «установленными фактами использования в Музее практик моббинга». Тадеуш Зеленевич, историк искусства, реставратор, член Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ICOMOS), в 2011 году награжденный президентом страны кавалерским Крестом Возрождения Польши за участие в трансформации общественного строя, был директором музея «Королевские Лазенки» с середины июля 2010 года. «Мое увольнение министром культуры г-ном проф. Петром Глинским с поста директора музея «Королевские Лазенки» в Варшаве — это политическое дело», — написал Зеленевич в заявлении, переданном им агентству ПАП. С 1 марта исполнение обязанностей директора музея «Королевские Лазенки» в Варшаве возложено на Збигнева Вавера, специалиста по военной истории, бывшего директора музея Войска Польского.

Прощания

18 февраля в Варшаве в возрасте 102 лет умерла Данута Шафлярская, артистка театра и кино, в послевоенной польской кинематографии выступавшая в амплуа «первой любовницы». Огромную популярность принесли ей роли в фильмах «Запретные песни» (1946) и «Сокровище» (1948) Леонарда Бучковского. Ее артистическая карьера продолжалась почти

80 лет. После войны она служила в «Старом театре» в Кракове и в «Камерном театре» в Лодзи, в Варшаве выступала в театрах «Вспулчесны», «Народовы» и «Драматычны». На отдельные роли ее приглашали едва ли не во все столичные театры. С 2010 года она входила в труппу варшавского театра «Розмаитосци». В 2007 году огромный успех у публики и критики принесла ей главная роль в фильме Дороты Кендзежавской «Время умирать», за которую Шафлярская получила приз за лучшую женскую роль на кинофестивале в Гдыне и премию Польской киноакадемии — «Орла». «Каждая ее роль сияет как алмаз. Работать с ней —огромное удовольствие», — сказал когда-то о Дануте Шафлярской один из крупнейших польских театральных режиссеров Эрвин Аксер.

21 февраля в Сент-Луис Парк в США умер польский композитор и дирижер Станислав Скровачевский. После войны он работал дирижером, в частности, в Силезской государственной филармонии в Катовице и в Краковской филармонии. В 1966 году обосновался в Соединенных Штатах. Выступал с ведущими оркестрами мира, в том числе в Метрополитен-Опера в Нью-Йорке. В течение двадцати лет (1960–1980) был музыкальным руководителем и дирижером оркестра штата Миннесота. Умер в возрасте 93 лет.

24 февраля в Варшаве умер актер кино и театра Густав Люткевич. Он снялся почти в 200 фильмах и телесериалах, часто в эпизодических, но запоминающихся ролях. Наибольшую популярность принесла ему роль Люсни в экранизации «Пана Володыевского» режиссера Ежи Хоффмана, а в последнее время — владельца магазина в популярном телесериале «Злотопольские». Он много выступал в радиопередачах, в частности, в радиоромане «В Езёранах». Был замечательным исполнителем баллад Булата Окуджавы, в том числе знаменитой «Молитвы» в переводе Анджея Мандальяна. Густаву Люткевичу было 93 года.

15 марта после продолжительной болезни в Варшаве умер Войцех Млынарский — бард, поэт, артист кабаре. Он бы автором более чем двух тысяч текстов — лирических песен, баллад, бытовых зарисовок, шлягеров с привязчивыми строчками, политических зонгов. Его песни «Мировая жизнь», «Ох, ты в жизни», «Жоржик, бас-гитарист», «Прекрасная

виолончелистка», «Мое сердце — это музыка» или «Мы на отдыхе» напевала вся Польша. Подобно Жаку Брелю, он был лучшим интерпретатором собственных произведений. Без малого полвека выступал он перед своей верной публикой. «Я думаю, что Войтек был одним из самых прекрасных учителей моего поколения, и всегда говорю, что он воспитал наше поколение интеллигенции», — сказала певица Магда Умэр. Девиз его жизни, который переняли многие поляки, звучал: «Давайте делать свое!» 26 марта Войцеху Млынарскому исполнилось бы 76 лет.

Польские «ледяные воины»

Как получилось, что польские альпинисты, покорители вершин из страны в основном низинной, по большей части бедной и периферийной оказались на вершине гималайских гигантов? Как и почему люди, родившиеся в стране, в которой не придумано ничего из альпинистского снаряжения, стали вдруг новаторами?

С 11 октября до 16 декабря 1967 года телеканал ВВС раз в неделю выпускал новый эпизод сериала «Доктор Кто» — наиболее известного из своих хитов в жанре science fiction. Этот шестисерийный фильм, в основу которого был положен сюжет о внезапном обледенении Земли, носил название «Ледяные воины». Сериал был необычайно популярен, поэтому ничего удивительного, что выражение «ледяные воины» вошло в попкультуру и даже проникло в спорт: так называется одна из канадских хоккейных команд, паралимпийская сборная американских хоккеистов и яхт-клуб Центральной Англии, организующий зимние регаты.

Мне не удалось установить, кто и когда впервые назвал «ледяными воинами» польских альпинистов. Вероятнее всего, это случилось в конце 80-х, когда поляки зимой штурмовали очередные горы-восьмитысячники. Безусловно, это было сказано в положительном смысле, пожалуй, даже с оттенком восхищения. Выражение это прижилось, хотя по отношению к первоисточнику было не вполне логичным: воины из сериала «Доктор Кто» стремились остановить ледник и ликвидировать его, а польские альпинисты просто взбирались по льду. Однако дело было не в характере деятельности, а в самом факте противостояния стихии и борьбе с ней. Так или иначе, тех, кто участвовал в зимних восхождениях на гималайские гиганты, стали называть «ледяными воинами», а в то время это были исключительно поляки.

Не только иностранцы, но и сами поляки неоднократно задавались вопросами: как так получилось, что польские альпинисты, покорители вершин из страны в основном

низинной, по большей части бедной и периферийной оказались на вершине гималайских гигантов? Как и почему люди, родившиеся в стране, в которой не придумано ничего из альпинистского снаряжения, стали вдруг новаторами? Ответ на эти вопросы дать непросто, если вообще возможно, поскольку нужно учесть очень много факторов, в том числе и таких субъективных, как мотивация и честолюбие отдельных участников и группы в целом. Многие пробовали дать на них ответ (как правило, безрезультатно), а в качестве наиболее обстоятельной попытки найти объяснение этому феномену можно считать версию, которую в 2011 г. в своей книге «Альпинисты свободы» представила Бернадетт Макдональд, канадская журналистка, специализирующаяся на альпинистской тематике. Ее польское издание под названием «Побег на вершину» вышло год спустя. Книга была удостоена сразу трех престижных альпинистских наград и переведена на немецкий, французский и итальянский языки, что привлекло к ней внимание всего альпинистского мира. Основной идеей, вынесенной в заглавие, стало утверждение, что главным фактором, заставляющим поляков заниматься экстремальными формами альпинизма, был гнет политической системы (коммунизма), от которой бежали, стремясь найти свободу в горах, где эта система теряла контроль над личностью. Особенно ограниченными становились возможности такого контроля в высоких горах, располагающихся не только далеко от Польши, но и далеко от инстанций и учреждений. Разумеется, это был не единственный мотив, назывались и другие причины: эстетические (красота гор), физические (желание испытать себя и свои способности), честолюбивые (стремление отличиться от других), экологические (близкий контакт с природой) и даже метафизические («быть ближе к Богу»). Но всё это можно найти у любых альпинистов, независимо от страны и политической системы, в которой им довелось жить. Прежде чем я попытаюсь проверить истинность главного тезиса «Альпинистов свободы» и поразмышлять о том, что осталось сегодня от идеи «побега на свободу» — по крайней мере, на ту свободу, какую можно найти в горах, — следует обрисовать (разумеется, в общих чертах) историю польских контактов с высочайшими в мире горами.

Начался он в середине 30-х годов XX века: сначала в ходе двух экспедиций в Анды (1934, 1937), во время которых польские

альпинисты первыми покорили три из четырех самых высоких вершин западного полушария, и позже, в 1939 г., когда оказались первыми на гималайской вершине Нанда-Деви (7434 м). После долгого перерыва, вызванного войной, послевоенной разрухой и изоляцией страны в эпоху сталинизма, которая, несомненно, рождала клаустрофобию, контакт возобновился только в 1960 г., когда поляки покорили Ношак (7492 м) в афганском Гиндукуше. Так началась «эра Гиндукуша», весьма важная для развития польского скалолазания, но целиком периферийная с точки зрения мирового альпинизма, который уже завершил продолжающееся с 1950 г. покорение восьмитысячников. Вырваться из «афганского тупика» в 1966 году призвал Юрек Вартересевич в своей статье «Гималаи с нами или без нас?». Ему это удалось, и несколько лет спустя (1971) польские альпинисты вышли на большую сцену, первыми покорив Кунианг Киш (7852 м), которую с того момента уже не покидали, следуя призыву одного из главных коммунистических лозунгов 1970-х годов: «Поляк сумеет!». Можно добавить еще: «Полька сумеет», поскольку среди многочисленных победителей вершин были также женщин. Самая известная из них — Ванда Руткевич, покорившая восемь восьмитысячников, в том числе Эверест (1978) и Чогори (1986), и погибшая в 1992 г. во время очередного восхождения.

Нет смысла перечислять здесь даже самые выдающиеся достижения, коих были десятки, в том числе и первые штурмы знаменитых вершин, и отважное прокладывание новых, экстремальных скальных и ледовых маршрутов, и траверсирование поднебесных хребтов. Но следует назвать несколько имен, вошедших с самую элитную группу альпинистов 1970-1980 гг.: это обладавший феноменальной выносливостью Ежи Кукучка, который в 1987 г. вторым в мире покорил «Корону Гималаев», то есть поднялся на все 14 восьмитысячников, это отличающийся невероятной скоростью передвижения по горам Кшиштоф Велицкий (покоривший корону пятым), а еще Войтек Куртыка альпинист, имевший необыкновенную физическую подготовку, и вместе с тем романтик и мистик, глубоко переживающий каждый подъем. В 70-е годы польские альпинисты — их еще не называли «ледяными воинами» взяли около десяти не покоренных ранее вершин из разряда сложнейших для восхождения, а также проложили несколько экстремально опасных маршрутов на неприступных отвесных склонах гималайских гигантов. Некоторые из них были названы тогда лучшими достижениям сезона. В следующие 10 лет таких походов было еще больше, поляки стали

желанными партнерами в международных экспедициях и даже сами принимали участие в их организации. В мировую историю альпинизма вошли такие достижения поляков, как переход западного гребня Гашербрума IV (1985) и два новых маршрута на южном склоне Чогори — второй по высоте вершины мира (1986). Продолжалась захватывающая борьба Кукучки и Райнхольда Месснера за первенство в покорении «Короны Гималаев». Это были выдающиеся достижения, но подобных успехов добивались не только поляки.

Отличительной чертой польского альпинизма было активное участие в нем женщин, прежде всего уже упомянутой Ванды Руткевич, которая, обладая исключительной красотой, красноречием и подвижностью, была неутомимым инициатором женского альпинизма (и польского в целом). Покорение восьмитысячников женскими группами, участницами которых, помимо Ванды, были Анна Червинская и Кристина Пальмовская, получало признание и вызывало восхищение во всём альпинистском мире. Обычно женщиныальпинистки, хотя и организовывали порой чисто женские экспедиции, на штурм вершин отправлялись, как правило, в составе «мужских» команд. Польки отличались тем, что создавали самостоятельные женские альпинистские группы. Однако самая характерная черта польских скалолазов — это гималайские зимние экспедиции, то есть подъем на высочайшие в мире вершины во время календарной зимы. Для поляков путь к этому был, можно сказать, достаточно простым, поскольку уже в межвоенный период в Татрах стали осуществляться зимние экспедиции, призванные заменить альпийские подъемы по льду и снегу, которые в сравнительно низких Татрах были возможны только зимой. В период сталинской изоляции страны зимние экспедиции приобрели особое значение. Устраивались, например, «альпиниады», продолжавшие традиции гималайских подъемов: в них принимали участие большие группы альпинистов, создавались основные базы и перевалочные лагеря, при покорении вершины на ней появлялся государственный флаг. Коронным зимним мероприятием той эпохи стал организованный зимой 1959 г. Анджеем Завадой переход всего хребта Татр, имеющего протяженность более 50 километров. Поход этот длился около трех недель. Чуть позже поляки зимой стали совершать восхождения в Альпах, что западные альпинисты по-прежнему делали редко. Когда началась эра Гиндукуша и экспансия в

Гималаи и Каракорум, то именно Завада ухватился за идею перенести зимние экспедиции в самые высокие горы. Сперва это посчитали чем-то одновременно неестественным и невозможным, однако, когда зимой 1973 г. Завада вместе с Тадеушем Пётровским покорили упоминаемый уже Ношак, стало расти число сторонников этого новшества. И желающих его осуществить.

Перелом произошел в 1980 г., когда триумфальным успехом завершился возглавляемый Завадой подъем на Эверест, который 17 февраля покорили Лешек Цихий и Кшиштоф Велицкий. Несмотря на то, что многие видные альпинисты скептически относились к зимним экспедициям, считая их экстравагантным, слишком трудным и чрезмерно рискованным предприятием, вдохновленные победами поляки решили развить успех: зимой 1984-1989 гг. они первыми взяли сразу шесть новых восьмитысячников, в том числе одни из высочайших вершин — Канченджангу (1986) и Лхоцзе (1989). На некоторые из них поднимались другими маршрутами, а вершину Лхоцзе Велицкий штурмовал в одиночку. Экспедиции изобиловали драматичными моментами, подъемы были гораздо труднее тех, которые предпринимались весной или летом: день был короче, ужасные ветры парализовали движения и выдували снег, обнажая твердый лед и скалы, температура опускалась до минус 45 градусов. Участников именно этих экспедиций, независимо от того, стояли они на вершине или только помогали товарищам, называли «ледяными воинами», а фотографии альпинистов с обледеневшими усами и бородами стали иконами этой борьбы. «Искусство страдания» — так Велицкий определил зимний альпинизм в Гималаях. В течение целого десятилетия этого настоящего зимнего штурма восьмитысячников никто из иностранцев не присоединился к полякам, имя которых стало синонимом крайне тяжелой борьбы с гималайскими гигантами. Поэтому это была «польская эра», а также «эра Завады», который руководил несколькими экспедициями. Это был своеобразный реванш, который поляки взяли за потерянные годы, когда другие покоряли восьмитысячники, а нам оставалось только читать об этом в газетах и книгах. Популярность польских альпинистов в 80-е годы росла еще потому, что они проявляли себя не только во время зимних подъемов, но и среди тех, кто прокладывал новые, крайне опасные маршруты в «обычные» сезоны. Присутствие поляков было, впрочем, заметно не только в Гималаях и Карокоруме, но также и в Андах, на Гиндукуше и на Памире. Ну и конечно, в Альпах. Годы спустя этот период, начавшийся в 1971 г., стали называть «золотым веком» альпинизма.

Спад был вызван не столько нехваткой идей или денег, сколько серией несчастных случаев, которые унесли жизни многих альпинистов из узкого круга элиты. Всё началось в 1986 г., когда на Чогори погибли Пётровский и Войцех Вруж, в 1986 г. лавина под Эверестом погубила Анджея Генриха и Эугениуша Хробака, а в том же году, при попытке взять южный склон Лхоцзе погиб «король Гималаев» Юрек Кукучка. Последнюю точку над «и» поставила гибель у вершины Канченджанги Ванды Руткевич, осуществлявшей большой проект, который она назвала «караван в мечту». Хотя поляки по-прежнему оставались в числе лучших, возобновление зимних восхождений решено было пока отложить, а в это время в борьбу включились другие участники (в частности, итальянец Симоне Моро и россиянин Денис Урубко). Таким образом, число «ледяных воинов» увеличивалось, а сами зимние восхождения перестали быть сенсацией.

Если рассматривать польский альпинизм не с перспективы одного десятилетия, начавшееся с зимнего восхождения на Эверест, о героях которого пишет Макдональд, а более масштабно, то трудно согласиться с тем, что главным мотивом, заставляющим поляков покорять вершины, было желание убежать от гнета системы, хотя коммунизм — даже в польском варианте, — несомненно, вызывал аверсию. Поляки поднимались в горы и до коммунизма (в период II Речи Посполитой) и продолжают заниматься этим и после его падения. Безусловно, альпинистом движет порой желание куда-нибудь сбежать, но это скорее стремление сбежать от повседневности вообще, а не от какой-то конкретной политической ситуации. Горы, как и моря и океаны, — это то пространство, которое ассоциируется прежде всего с волнующей воображение проверкой физических (и психических) сил, они дают возможность противостоять стихии, а степень риска и трудностей делает покорение высоких или труднопроходимых вершин элитарным, подобно парусному спорту в океане. Те, кто идет в горы, даже если не достигают больших результатов, всё равно получают ощущение принадлежности к исключительной группе, они охотно собираются в клубы, пользуются профессиональным сленгом (жаргоном), читают «свою» периодику и книги, участвуют в фестивалях фильмов о горах и альпинизме, встраиваются в определенную иерархию, награждаются «золотыми ледорубами» и иными знаками отличия. Весьма часто их

отделяет от других чувство «превосходства», подпитываемое порой некоторым презрением. В жаргоне польских альпинистов существует выражение «колорадские жуки», которое означает безымянную толпу туристов, идущих по размеченным трассам и нарушающих своим присутствием «величие гор», которое эта толпа не понимает и которое на самом деле для нее недоступно. Поэтому альпинист убегает дважды: сначала из города в горы, а там с оккупированных троп на труднодоступные склоны. Высочайшие горы становятся, таким образом, следующим этапом этого бегства, которое в своей сути становится погоней за трудностями, за возможностью проверить себя и посостязаться с теми, кто оказался здесь по тем же (или похожим) причинам. Погоней за адреналином. Я начал заниматься альпинизмом сразу после того, как сдал выпускные экзамены, 61 год назад, поэтому лично знал несколько поколений польских альпинистов, в том числе и тех, кто поднимался в горы еще до войны. Я был знаком и с теми, кто составлял элиту альпинизма и «ледяных воинов», и с теми, кто ограничивался подъемами средней тяжести в Татрах. Из этого включенного наблюдения (если говорить терминами социологии) следует, что самое важное — это «первое бегство», то есть перенесение в горы своих чаяний, мечтаний, стремлений.

Коммунистический строй, безусловно, оказывал влияние на польский альпинизм, но это касалось скорее не мотивации, а логистики: уровень жизни — в том числе главной «вербовочной базы» альпинизма, то есть молодой интеллигенции — был по большей части низким, выехать за границу даже после 1956 г. было весьма трудно, о выдаче паспорта для каждой поездки надо было хлопотать отдельно. Польский злотый в то время был неконвертируемым, а курс доллара или марки на черном рынке заоблачным (будучи доцентом я зарабатывал меньше 40 долларов в месяц), в магазинах не было качественного альпинистского снаряжения, а некоторых элементов экипировки на рынке не было вообще. Всё это приводило к тому, что особое значение приобретали клубы, в которые объединялись альпинисты, поскольку эти клубы получали поддержку со стороны государства (Комитета по делам спорта): на организуемые ими экспедиции можно было получить деньги (как правило, небольшие), валюту, а паспорт «для спортивных целей» было оформить гораздо легче, равно как и получить визу. В сущности, чтобы в

коммунистической Польше стать свободным в горах, нужно было сначала связать себя дополнительными путами: хлопотать о паспорте, заботиться о получении валюты, обивать пороги учреждений, чтобы получить дотацию, записаться в клуб. Поэтому прежде чем польские альпинисты «придумали» зимний альпинизм, они вынуждены были овладеть техникой покорения государственной бюрократии и несчетных трудностей, вытекающих, по определению венгерского экономиста Яноша Корнаи, из социалистической «экономики хронического дефицита». История польского альпинизма того времени может стать интересным дополнением к исследованию «серой сферы» и «черного рынка», начиная от контрабанды валюты или создания фиктивных кооперативов, осуществляющих высотные работы, и заканчивая торговлей польскими палатками в Непале. Чтобы осуществить подъем на какую-нибудь гималайскую или альпийскую вершину, нужно было перед тем взбираться на заводские трубы и башни, чтобы на заработанные таким способом деньги купить «левые доллары» и увеличить бюджет экспедиции. Нужно было также убрать подальше свои политические взгляды (если они были «антисоциалистическими», что случалось довольно часто) и убеждать директоров или министров, что «польский флаг будет на вершине», что «мы прославляем Польшу», что восхождение на Эверест — это «хороший пример для молодежи». Я знаю это неплохо, поскольку даже тогда, когда меня выгнали «за взгляды» из Польской академии наук, я, как председатель Польского союза альпинизма, вместе с Завадой, Руткевич и Кукучкой ходил по кабинетам. Возможно, этот «национальный» или «государственный» аспект, который мы подчеркивали, прося у чиновников деньги, оказывал на когото влияние, ибо проявление геройства, умение рисковать, а также готовность страдать и умереть за родину было еще со времен романтизма важной составляющей польской идентичности. Но если согласиться, что у нас идут за идеей идентичности, то в Польше должны быть не десятки или сотни, а десятки и даже сотни тысяч «ледяных воинов». «Побег на свободу» — это тезис, который невозможно проверить, хотя он привлекателен не только для романтиков. Для меня более убедительным остается «караван в мечту» Ванды Руткевич, но, конечно, и свобода может быть мечтой.

По мере роста числа достижений, такие разговоры становилось вести все легче. Ведущие альпинисты награждались спортивными и государственными орденами, им вручались премии, а наиболее ценной наградой был талон, дающий право на покупку автомобиля вне очереди. Сам режим, впрочем, понемногу ослабевал, а признание в мире облегчало

альпинистам жизнь и на родине. В 1980-е гг. альпинизм становился все более интернациональным (или даже космополитичным), все больше было международных экспедиций и все меньше «национальных». Становился и более профессиональным: многие оставляли свою специальность, занимались только подъемом на вершины, выбивали деньги на новые экспедиции, писали книги, создавали документальные фильмы, читали лекции, организовывали коммерческие экспедиции для любителей, занимались бизнесом, связанным с горами (изготовляли, например, снаряжения), а также — теперь уже легальной — торговлей (открывали магазины со снаряжением или с индийской одеждой). Первоначальные мотивы ухода в горы забывались, и альпинизм становился образом жизни (и смерти). Впрочем, так или почти так происходило и происходит до сих пор во всём мире.

Со времени покорения Вандой Руткевич Эвереста ведущие польские альпинисты стали чаще проникать в мир польских, а впоследствии и мировых звезд. Они появлялись на банкетах, выступали на телевидении, становились героями книг и фильмов, встречались с молодежью, подписывали фотографии и плакаты. Особое место икон альпинизма заняли Руткевич и Кукучка, в чем свою роль сыграл факт их трагической гибели в горах. Они стали теперь патронами многих школ, у них есть «свои» улицы, их именами названы фестивали фильмов об альпинистах. Кукучке посвящен зал памяти в родной деревне, ему поставлен памятник на территории Академии физической культуры в Катовицах, Почта Польши посвятила ему марку, устраивается марафон его имени. Таким образом, они попали в массовую культуру, хотя, конечно, занимают в ней не первостепенное место. И как в судьбах двух этих замечательных людей соединились великий триумф и трагическая смерть, так и в массовом восприятии альпинизма интерес вызывают попеременно то покорение вершин, то трагические случаи. Интерес этот поддерживается еще и тем, что современные средства коммуникации позволяют следить за событиями напрямую. Трудно сказать, как это влияет на восприятие альпинизма в обществе. Конечно, довольно часто звучат аргументы «против» («игра со смертью», «они подвергают опасности других», «эгоизм товарищей»), но, возможно, столь же часто драматизм успеха или неудачи возбуждает интерес и зовет погрузиться в этот необыкновенный мир. Так или иначе, по-прежнему находятся желающие уехать в Татры, сойти с тропы и взобраться на отвесный склон. А оттуда уже только шаг...

Анджей Пачковский, профессор, доктор исторических наук и альпинист, в 1974— 1995 гг. председатель Польского союза альпинизма, живет в Варшаве.

Ковчег с видом

Фото: Olo Studio

Принцип такой: думай долго, строй быстро. Архитектор Роберт Конечный думал над своим домом три дня, а строил его четыре с половиной года. И получил премию за самый красивый дом в мире за 2016 год.

— Начнем с того, что я этого дома не хотел, — говорит архитектор Роберт Конечный. — Люди думают, что это воплощение мечты, своего рода визитная карточка архитектора. А у меня и времени-то не было помечтать, потому что это был самый краткосрочный проект из тех, что я осуществил в своей жизни, и в то же время один из самых трудных проектов, потому что разрабатывал я его для себя.

Дом он назвал Ковчегом. Престижный журнал «Wallpaper» признал его самым красивым односемейным домом в мире.

Ковчег

— Для себя проектировать труднее всего: нет времени, делаешь это по ночам, как говорится, на коленке. Хочешь во всем угодить близким, ни от чего не можешь отказаться. А это неправильно. Хороший проект должен быть бескомпромиссным, — вспоминает Конечный о начале работы над домом. — Жена настаивала, чтобы мы построили дом под Катовицами, но я не хотел полжизни проводить в дороге, добираясь до города. Я убедил ее, что лучше жить ближе к

центру. Она уговаривала меня на домик в горах. Сначала я был против, но когда увидел участок с красивейшим видом на Бескидские горы, то сам загорелся этой идеей.

Дом он проектировал долго: еще одна комната, веранда... Запланированные 50 кв. метров превратились в 130.

— На бумаге расширять легко, я с ужасом думал, на какие деньги мы его построим, — смеется Конечный.

Летним днем шесть лет назад на склон въехал экскаватор, чтобы начать готовить место. На следующий день, в субботу, семья на участке; выходит экскаваторщик и жалуется, что кругом камни — за неделю не разровнять место.

— Я ему на это: так даже лучше, возьмите выходные. А жене говорю, мы прекращаем, я полностью меняю план, — вспоминает Конечный. — Это была пора, когда начались оползни, дома стало смывать с холмов. Мы бежали от наводнений в горы, а теперь оказалось, что наверху еще опасней.

Он испугался, поскольку своим домом нарушал ландшафт: дом планировалось вкопать в склон на глубину почти пяти метров.

— Шеф спятил, — стали говорить в архитектурном бюро «КВК Промес», когда в понедельник Конечный появился в своей катовицкой мастерской.

Общий принцип строительства такой: думай долго, строй быстро. Любой проект в его фирме создается в течение почти восьми месяцев, причем три из них уходит только на разработку концепции. Конечный думал три дня, а строил дом четыре с половиной года.

— Мне пришлось пересмотреть всё, вспомнить, зачем мы купили этот участок, и придумать всё заново, — говорит он.

Его очаровал великолепный пейзаж. Поэтому он решил, что дом будет рамкой, кадрирующей панораму на горы и долину. Наиболее дешевым вариантом был одноэтажный дом, но, чтобы жена чувствовала себя в безопасности, Конечный немного «отвернул» его от склона. Благодаря этому часть дома, где была спальня, поднялась на несколько метров над землей. А проблему с оползнями он решил таким образом, что дом представляет собой мост, под которым будет течь сбегающая с гор вода — это самая важная вещь в этом здании, симбиоз с природой. Ковчег стоит на трех поперечных врытых в землю стенах, остальная часть «висит» в воздухе. Затем появилась

идея перевернутой крыши, в которой помещается подвал. А двускатная кровля — это требование местного плана благоустройства.

Когда его знакомый увидел Ковчег издалека на склоне, то сказал, что он похож на собачью будку.

Подвал

Роберт Конечный родился в 1959 году, сегодня это звезда польской архитектуры. Он неоднократно номинировался на Европейскую премию Фонда Миса ван дер Роэ^[1].

— Моя архитектура — не для широкой публики, она существует по тем же законам, что и артхауз в кино. Все хвалят, не всякий хочет смотреть, — говорит он.

Когда он начинал, то привозил с конкурсов награды, самые популярные мировые журналы печатали его проекты, он был известнее, чем многие его преподаватели из Силезского политехнического университета в Гливице. Но когда в 1999 году вместе со своей первой женой он основал собственное бюро, никто не хотел с ними сотрудничать. Он проектировал всё: мосты, костелы (третье место в конкурсе на Храм Провидения Божьего в Варшаве), школы — однако получал лишь немногочисленные заказы на односемейные дома. Тогда он почувствовал, что значит быть молодым архитектором в Польше, особенно если ты хочешь строить нестандартные дома.

- Сперва к нам обращались инвесторы, которые предпочитали скорее традиционные решения, потому что не понимали, что можно по-другому. Я терпеливо их выслушивал, но наш проект всегда был современным ответом на их требования. Потому что роль архитектора это не механичное перерисовывание желаний инвестора, а еще и просвещение его, вспоминает он. Заказов не было, и нам действительно не на что было жить. Мы получили тогда заказ на проект двух домов в английском что бы это ни значило стиле. Мне очень нужны были деньги, но этого я делать не умел. Поэтому отправил заказчиков в другое бюро.
- Роберт Конечный занимается архитектурой так, как этому учат: сначала должна быть концепция, затем проработка деталей, и только потом можно начинать строить. Всё меньше людей поступает так, поскольку на это нет времени, говорит один из архитекторов. Долгое время он бедствовал,

довольствовался премиями. Он поставил всё на одну карту: хотел добиться успеха как художник, а не как бизнесмен. Многие талантливые молодые архитекторы после обучения приспосабливаются к порядкам крупных бюро и идут на компромиссы. Он устоял.

Вместе с мастерской они переехали в подвал тестя. Там было холодно, и ему регулярно приходилось делать физические упражнения, чтобы не замерзнуть. Даже если на улице стояла жара, внутри приходилось сидеть в шапках и куртках.

В этот неотапливаемый подвал в начале 2000 годов и приехал инвестор на своем «Порше Каррера».

— Он нагнулся ко мне, — смеется Конечный. — Подвальное окошко, мы разговариваем, а снаружи сидят две собаки и смотрят на нас. Ужас! Инвестор потребовал сначала идею, а на подписание договора обещал согласиться только в том случае, если она ему понравится. Сегодня это невозможно представить, но тогда у нас не было выхода.

Конечный предложил сформировать дом вокруг атриума — центрального закрытого двора — с въездом под зданием. Автомобиль паркуется не в гараже, а как бы в прихожей. О том, что его проект получил премию «Дом года — 2006», архитектор узнал, когда находился в глубоком финансовом кризисе. Его уволили из очередного бюро, и он пришел забрать свои вещи, как вдруг раздался звонок из Лондона.

— А у меня был выбор: купить билет на самолет, чтобы лететь за наградой, или купить печь для новой мастерской. Я выбрал второе, — вспоминает Конечный.

Его бюро «КВК Промес» вошло в первую архитектурную лигу.

— Появилось множество предложений от девелоперов в стиле: подготовьте, пожалуйста, в течение недели несколько визуализаций микрорайона. Ни с одним из них я так и не договорился, — говорит Конечный.

Польский шик

«Перфекционист, трудоголик, бескомпромиссный», — говорят сторонники проектов Конечного. «Позёр, выскочка, баловень богатеньких», — возмущаются критики.

— Успехом он обязан своей коммуникабельности. А это редкая для архитектора черта. Он превращает здание в понятный для неспециалистов лозунг, в схему. Когда видишь табличку, на которой изображен бегущий человек, то понимаешь, что это эвакуационный выход. Подобным образом происходит и с проектами Конечного. Все они имеют в своей основе одну идею: дом-бункер, дом-кристалл, круглый дом, — говорит архитектурный критик Гжегож Пёнтек.

Визитной карточкой Роберта Конечного стали односемейные дома.

- Инвестор ожидает обычно чего-то эффектного, зрелищного, с размахом. И Конечному удается это осуществить. Не нужно обманываться, это не дешевая архитектура, говорит один из архитекторов. Такое пересечение модернизма с традиционным польским шиком. С одной стороны, плоские крыши, бетон, обширные стеклянные поверхности, с другой яркая архитектура, стремящаяся выделиться, вырываться из окружающей среды.
- Я слышал разные упреки, но это что-то новое, смеется Конечный. Еще меня обвиняли в том, что поскольку я проектирую для состоятельных клиентов, то отождествляю себя с ними. Это вздор. То, с чем я себя отождествляю, это мой домик площадью 100 кв. метров, где нет ни забора, ни гаража, а автомобиль стоит на улице. Но когда работаешь для кого-то, то этика нашей профессии заключается в том, чтобы выполнить заказ как можно лучше. Представьте, что я встречаюсь с инвестором, он мне рассказывает о доме своей мечты, а я говорю: вам нужно уменьшить площадь в пять раз, отказаться от бассейна, а сэкономленные деньги отдать нуждающимся детям. Я архитектор, а не священник, объясняет он.
- Это блестящая архитектура на самом высоком уровне, но, как правило, она спрятана за забором где-нибудь за городом и редко способствует улучшению качества общественного пространства, утверждает Пёнтек. Его проекты это такие архитектурные жемчужины среди моря мусора.
- Это правда, признается Конечный. У меня было ощущение, что я должен сделать что-то, чтобы улучшить жизнь в стране. Повысить средний уровень архитектуры. Я даже предпринял попытку спроектировать типичный дом, в основу концепции я положил круг, чтобы он подходил для любого микрорайона. Но проект был очень сложным, требующим детальной проработки. К счастью, мы реализовали

только один такой проект, поскольку если бы я запустил его в Польше, то все специалисты прорабатывали бы его по-своему. Это было бы ужасно, я навредил бы стране еще больше.

Сейчас он предпринял еще одну попытку — проект «Оптимальный дом» на основе прямоугольника. На этот раз ему досталось от коллег-архитекторов. Они говорили, как ты можешь сначала утверждать, что лучшая архитектура — это всегда ответ на индивидуальный заказ, а потом делать дом «для всех»?

Пессимист

— Визуальное убожество, — говорит Конечный, когда разговор заходит о польской архитектуре. — Я не верю, что это изменится. Я люблю зиму, потому что, когда снег покрывает землю, возникает пространственный порядок, а весной я мечтаю провести акцию и обсадить здания деревьями, которые бы скрыли все архитектурные ужасы.

Я удивляюсь пессимизму Конечного, ведь в 2016 г. он получил премию за создание лучшего общественного пространства в Европе. Запроектированное им здание Центра диалога «Переломы» в Щецине необычно по многим причинам: оно сочетает в себе музей и новую городскую площадь. А рядом стоит знаменитое здание Щецинской филармонии.

— Хорошая архитектура в городах всё еще остается исключением. Она появилась вместе с деньгами из Евросоюза. Большие бюджетные деньги побудили также заграничные бюро участвовать в конкурсах, создавались замечательные проекты. Но польские законы и порядки не изменились, на тебя смотрят как на вора. И чиновник, с которым ты сталкиваешься, — это заложник бюрократии, для него важен не здравый смысл, а чтобы всё было по правилам, — жалуется Конечный.

Архитектор рассказывает, как Фабрицио Бароцци и Альберто Вейга за свой проект здания щецинской филармонии получили кучу похвал, в том числе главную премию Фонда Миса ван дер Роэ в 2015 году. Но в одном из иностранных интервью признались, что это был самый неудачный опыт в их жизни. Проект стоял полгода, потому что они не могли договориться с польскими чиновниками.

— Я могу это подтвердить. Решение о переносе фонарей на нашей площади мы обсуждали несколько месяцев, а это можно

было решить за несколько минут, — вспоминает он. — В результате теперь мы имеем еще больший пространственный хаос, но зато всё по закону.

Дом Роберта Конечного стоит уже год, но архитектор признается, что был в нем только несколько раз. Сейчас он хочет бывать там чаще. И конечно, благодарит жену, потому что без нее не было бы Ковчега.

Newsweek

1. Премия, учрежденная Фондом Мис ван дер Роэ и Европейской комиссией в 2001 г. Присуждается раз в два года за проекты, реализованные в этот период. — Примеч. пер.